

Evgeniy Onegin

Пушкин Александр Сергеевич. Евгений
Онегин

PUSHKIN AS.	ПУШКИН АС.
EUGENE ONEGIN Novel in verse Translated by Kozlov S.N.	ЕВГЕНИИ ОНЕГИН Роман в стихах
I don't mean to please grand people.	Не мысля гордый свет забавить,
With love friends' notions I'd rate	Вниманье дружбы возлюбя,
And give you all that I could scribble	Хотел бы я тебе представить
As pawn that's worth of dear mate.	Залог достойнее тебя,
Its worth of fine and charming soul,	Достойнее души прекрасной,
Of saint fulfilled generous dreams,	Святой исполненной мечты,
Of lively lucid verse's glow,	Поэзии живой и ясной,
Of lofty thoughts, of simple things.	Высоких дум и простоты;
All right, by hand unfair own	Но так и быть - рукой пристрастной

You take my set of florid rhymes	Прими собранье пестрых глав,
Which are half-funny and half-mournful,	Полусмешных, полупечальных,
Of common thinking, somewhat thoughtful,	Простонародных, идеальных,
Slipshod result of my pastimes,	Небрежный плод моих забав,
Of sleepless nights, of inspirations,	Бессонниц, легких вдохновений,
Of years young but whithered hard,	Незрелых и увядших лет,
Of mind some cold ob- servations,	Ума холодных наблюдений
Of grievous notes of the heart.	И сердца горестных замет.
CHAPTER ONE	ГЛАВА ПЕРВАЯ
He hurries up to live, □□□□ As well as he does to feel.	И жить торопится и чувствовать спешит.
K. Vyasemsky.	Кн. Вяземский.
I	I

<p>'My uncle keeps to honest systems: By falling ill yet not in jest,</p>	<p>"Мой дядя самых честных правил, Когда не в шутку занемог,</p>
<p>He made me love him with insistence And couldn't find some better test.</p>	<p>Он уважать себя заставил И лучше выдумать не мог.</p>
<p>Well, his example gives a lesson; But, goodness me, it's quite distressing</p>	<p>Его пример другим наука; Но, боже мой, какая скука</p>
<p>To sit with him all day and night, Not stepping out of his sight.</p>	<p>С больным сидеть и день и ночь, Не отходя ни шагу прочь!</p>
<p>And what insidiousness you show, When you amuse a man half dead</p>	<p>Какое низкое коварство Полуживого забавлять,</p>
<p>Arrange the pillows in bed Then give him drugs in sadness, though</p>	<p>Ему подушки поправлять, Печально подносить лекарство,</p>

<p>You sigh not speaking of your will: When will the devil come for</p>	<p>Вздыхать и думать про себя: Когда же черт возьмет тебя!"</p>
---	---

him!'

II

The young scapegrace
was so deeming, When
he by post-chaise in
dust

Was shaking. Due to
Zues he's being The
heir of all relatives in
trust.

Ruslan's, Lyudmila's
friends!

Somehow, Without
prefaces, just now, For
hero of my book Let
me attract attentive
look:

Onegin, friend of mine
for years, Was born on
Neva-river's banks.

May be, you rose from
the clans In those
places, or have dears,

II

Так думал молодой
повеса, Летя в пыли
на почтовых,

Всевышней волею
Зевеса Наследник
всех своих родных.

Друзья Людмилы и
Руслана!

С героем моего
романа Без
предисловий, сей же
час Позвольте
познакомить вас:

Онегин, добрый мой
приятель, Родился на
берегах Невы,

Где, может быть,
родились вы Или
блистали, мой
читатель;

Somewhere you could look at me, But harmful is the North for me, {1}	Там некогда гулял и я: Но вреден север для меня ¹ .
III	III
His father served for many years, And fell in debt, such big and vast,	Служив отлично благородно, Долгами жил его отец,
That, giving balls three times a year, He squandered all he had at last.	Давал три бала ежегодно И промотался наконец.
But Eugene's fate for him was fair: At first by Madame he was cared,	Судьба Евгения хранила: Сперва Madame за ним ходила,
But then a frenchman took her place.	Потом Monsieur ее сменил.
The boy was frisky but with grace.	Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbe, a Frenchman mere, To give the boy some chance to rest,	Monsieur l'Abb?, француз убогой, Чтоб не измучилось дитя,

Was teaching him with ready jest, With morals never was severe,	Учил его всему шутя, Не докучал моралью строгой,
For pranks reproved with gentle talks, To Summer Garden took for walks.	Слегка за шалости бранил И в Летний сад гулять водил.
IV	IV
Insurgent youth is not yet endless. When Eugene was to change his sort	Когда же юности мятежной Пришла Евгению пора,
In times of hopes, tender sadness, Monsieur was driven from the court.	Пора надежд и грусти нежной, Мон- sieur прогнали со двора.
Onegin's now free from care. In fashion has he cut his hair,	Вот мой Онегин на свободе; Острижен по последней моде,
Like London dandy, well arrayed, First coming to the world he made.	Как dandy ² лондонский одет - И наконец увидел свет.
His French was so perfect now, That he could chat, as well as write,	Он по-французски совершенно Мог изъясняться и писал;

<p>He was in dances quick and light, Without tension he could bow:</p>	<p>Легко мазурку танцевал И кланялся непринужденно;</p>
<p>What more you want?</p>	<p>Чего ж вам больше?</p>
<p>The world said: why, He is a clever, pretty guy.</p>	<p>Свет решил, Что он умен и очень мил.</p>
<p>V</p>	<p>V</p>
<p>We all to learn had little go And anyhow something got,</p>	<p>Мы все учились понемногу Чему- нибудь и как-нибудь,</p>
<p>With education, as you know, We all can shine, and bless it God!</p>	<p>Так воспитаньем, слава богу, У нас немудрено блеснуть.</p>
<p>Onegin was in eyes of people, (Which were in judgements strict, not feeble,)</p>	<p>Онегин был по мнению многих (Судей решительных и строгих)</p>
<p>A pedant but of sci- ence man. He had a happy talent then:</p>	<p>Ученый малый, но педант: Имел он счастливый талант</p>
<p>He was enabled, slightly rushing, To speak of anything at once,</p>	<p>Без принужденья в разговоре Коснуться до всего слегка,</p>

As real expert does by chance. He could be silent in discussion,	С ученым видом знатока Хранить молчанье в важном споре
His epigram's un-awaited file Could make all pretty ladies smile.	И возбуждать улыбку дам Огнем нежданных эпиграмм.
VI	VI
But Latin's not in fashion now. To tell the truth but frank enough,	Латынь из моды вышла ныне: Так, если правду вам сказать,
He knew the Latin anyhow: To talk about epigraf,	Он знал довольно полатыне, Чтоб эпиграфы разбирать,
Of Jouvenale to talk much better, To end with vale own letter, {2}	Потолковать об Ювенале, В конце письма поставить vale,
Remembered, though with mistakes, Two little verses of Enaid's.	Да помнил, хоть не без греха, Из Энеиды два стиха.
He never wished to rummage quickly In chronological thick dust	Он рыться не имел охоты В хронологической пыли

Of writings of the life in past, But ancient an- ecdotes deeply -	Бытописания земли: Но дней минувших анекдоты
From Romul to the present day - In depth of mind he kept away.	От Ромула до наших дней Хранил он в памяти своей.
VII	VII
Not having any higher passion To rhymes to dedicate his life,	Высокой страсти не имея Для звуков жизни не щадить,
Iambus he, at frank confession, From tro- chee couldn't tell meanwhile.	Не мог он ямба от хорея, Как мы ни бились, отличить.
Feocrite, Gomer were reproved, Yet Adam Smith was well ap- proved,	Бранил Гомера, Феокрита; Зато читал Адама Смита

In house-keeping he was best Arid any problems put to test:	И был глубокой эконом, То есть умел судить о том,
Of how state itself en- riches, And how lives, which way and why	Как государство богатеет, И чем живет, и почему

Without gold can re- vive While simple product is its richness:	Не нужно золота ему, Когда простой продукт имеет.
His father didn't un- derstand Arid put in pledge the whole land,	Отец понять его не мог И земли отдавал в залог.
УИИ	VIII
To tell you all, what he had known, I haven't any time at all.	Всего, что знал еще Евгений, Пересказать мне недосуг;
His genius was unique, alone, He knew of something best of all,	Но в чем он истинный был гений, Что знал он тверже всех наук,
Which was for him from time of child- hood Like work and torment, was delight- ful,	Что было для него измлада И труд, и мука, и отрада,
Which pressed his spirits all the way And kept his laziness for day, -	Что занимало целый день Его тоскующую лень, -
It was the art of tender passion, By Nazon brightly glorified.	Была наука страсти нежной, Которую воспел Назон,

But Nazon was by world denied And suffered past rebellious session:	За что страдальцем кончил он Свой век блестящий и мятежный
Moldavia, that's far away From Italy, was end of way.	В Молдавии, в глуши степей, Вдали Италии своей.
IX	IX
..... ☐ ☐	
X	X
From early times he was dissembling, Some hidden hope he could leave,	Как рано мог он лицемерить, Таить надежду, ревновать,
He pined away, he was dissuading, Was dull and jealous, made believe;	Разуверять, заставить верить, Казаться мрачным, изнывать,
Could come such proud or obedient, Could be attentive or indifferent;	Являться гордым и послушным, Внимательным иль равнодушным!

Was languishing and taciturn, Eloquent ardently in turn;	Как томно был он молчалив, Как пламенно красноречив,
In hearty letter, as its sender, He was slipshod.	В сердечных письмах как небрежен!
For all of that	Одним дыша, одно любя,
Of own life he could forget!	Как он умел забыть себя!
His look was always quick and tender,	Как взор его был быстр и нежен,
Was impudent and shy; sometimes Could show how tear shines,	Стыдлив и дерзок, а порой Блистал послушною слезой!
XI	XI

Was seeming new on each occasion, With jokes innocence amazed.	Как он умел казаться новым, Шутя невинность изумлять,
Could give a fright by desperation, With flattery could draw one's gaze,	Пугать отчаяньем готовым, Приятной лестью забавлять,

Was able any glimpse of sweetness, Of ver- gin years bias giftness	Ловить минуту умиления, Невинных лет предубеждения
With passion and the wit to gain, For sud- den tenderness to wait,	Умом и страстью побеждать, Невольной ласки ожидать,
For words of love to be entreating, First move of heart to catch by chance,	Молить и требовать признания, Подслушать сердца первый звук,
To chase the love and all at once To get agreed a secret meet- ing,	Преследовать любовь, и вдруг Добиться тайного свиданья...
And then from people far away To give her lessons all the day?	И после ей наедине Давать уроки в тишине!
XII	XII
And how could he be annoying The hearts of ladies, whom he knew!	Как рано мог уж он тревожить Сердца кокеток записных!
But when his thoughts were of destroying His own rivals, though few,	Когда ж хотелось уничтожить Ему соперников своих,

His scandal talks were such backbiting!	Как он язвительно злословил!
His nets for them were so frightening!	Какие сети им готовил!
But blissful husband of coquette, To part from him you did regret!	Но вы, блаженные мужья, С ним оставались вы друзья:
By cunning husband he was greeted, Of Faublas previous a fan;	Его ласкал супруг лукавый, Фобласа давний ученик,
By one mistrustful old man; Him stately cuck- old admitted,	И недоверчивый старик, И рогоносец величавый,
Who's always proud of himself, Of dinner and of wife herself.	Всегда довольный сам собой, Своим обедом и женой.
XIII, XIV	XIII. XIV
..... ☐ ☐	
XV	XV

Sometimes, when he's in bed yet sleeping, Some papers they are bringing him.	Бывало, он еще в постеле: К нему записочки несут.
What?	Что?
Invitations for a meet- ing?	Приглашенья?
Three houses will wait for him.	В самом деле, Три дома на вечер зовут:
Some balls, one chil- dren's entertainment...	Там будет бал, там детский праздник.
What will he choose for his engagement?	Куда ж поскачет мой проказник?
With which to start?	С кого начнет он?

In wonder style To every place he came in time.	Все равно: Везде поспеть немудрено.
Meanwhile he's dressed for walk at morning, His bolivar he's having on ^{3}	Покамест в утреннем уборе, Надев широкий боливар ³ ,
And comes to boulevard quite for- lone: He there at a space is walking	Онегин едет на бульвар И там гуляет на просторе,

Until his bregret sleep- less, fine {4} Will strike the bells for him to dine.	Пока недремлющий брегет Не прозвонит ему обед.
XVI	XVI
Its dark.	Уж тёмно: в санки он садится.
In sledge he's sitting now. -Away, away! - the driver marks,	"Пади, пади!" - раздался крик;
And, covered with the frosted gown, His beaver collar now sparks.	Морозной пылью серебрится Его бобровый воротник.
To Talon's surely he's raiding. Kaverin there is awaiting.	К Talon4 помчался: он уверен, Что там уж ждет его Каверин.
He comes: the corks for ceiling pass, The wine like comet splashes fast.	Вошел: и пробка в потолок, Вина кометы брызнул ток;
A bloody roast-beef is given, And truffles, splendour of teenage,	Пред ним roast-beef окровавленный, И трюфли, роскошь юных лет,

In France of cooking highest gauge; And pie train Strassburg, freshly driven,	Французской кухни лучший цвет, И Страсбурга пирог нетленный
Between the Limburg lively cheese And best pine-apple gold squeeze.	Меж сыром лимбургским живым И ананасом золотым.
XVII	XVII
The thirst demands some more of drink- ing To cool hot cutlet's fat at once,	Еще бокалов жажда просит Залить горячий жир котлет,
But breget bells are now clinking: New bal- let will begin by chance,	Но звон брегета им доносит, Что новый начался балет.
Of theatre strict legis- lator, Inconstant ad- orer of later	Театра злой законодатель, Непостоянный обожатель
Quite charming act- resses, he is An hon- oured citizen of links.	Очаровательных актрис, Почетный гражданин кулис,
For theatre Onegin's speeding. In it each man is free at all:	Онегин полетел к театру, Где каждый, вольностью дыша,

He may each entrechat catcall, Or hiss Moina, Fedra greeting;	Готов охлопать entrechat, Обшикать Федру, Клеопатру,
Or Cleopatra may encore (By others to be heard once more).	Моину вызвать (для того, Чтоб только слышали его).
XVIII	XVIII
Enchanting land! In days of wisdom, Of satire great potentate,	Волшебный край! там в стары годы, Сатиры смелый властелин,

Fonvizin shone, a friend of freedom, Knyazhnin was always up-to-date.	Блистал Фонвизин, друг свободы, И переимчивый Княжнин;
With Ozerov all were delighted, Semyonova with him divided	Там Озеров невольны дани Народных слез, рукоплесканий
The tears of the people's awe. Katenin there could restore	С младой Семеновой делил; Там наш Катенин воскресил
Of Corneille stately genius; there Was known prickly Shakhovskoy	Корнеля гений величавый; Там вывел колкий Шаховской

Who wrote comedies with joy; With glory Didla's crowned there.	Своих комедий шумный рой, Там и Дидло венчался славой,
And there, in the shades of links, My younger days were rushing things,	Там, там под сению кулис Младые дни мои неслись.
XIX	XIX
My goddesses' what are you? where?	Мои богини! что вы? где вы?
You listen to my griev- ous call:	Внемлите мой печальный глас:
Are you the same, or others dared To change, replace you there all?	Всё те же ль вы? другие ль девы, Сменив, не заменили вас?
Shall I again your chorus hear?	Услышу ль вновь я ваши хоры?
Of Russian Terpsi- chore's dear	Узрю ли русской Терпсихоры
Shall see emotional flight?	Душой исполненный полет?
Or dismal eye will nev- er find	Иль взор унылый не найдет

At boring stage some known actor, And, turning to unknown world	Знакомых лиц на сцене скучной, И, устремив на чуждый свет
My disillusioned lornette, Of joy some careless spectator,	Разочарованный лорнет, Веселья зритель равнодушный,
With yawn I'll cover disrespect And shall of bygone recollect?	Безмолвно буду я зевать И о былом вспоминать?
XX	XX
Each box in theatre is shining, In pit each stall already boils,	Театр уж полон; ложи блещут; Партер и кресла -все кипит;
In gallery the claps are flying, And rising curtain makes a noise.	В райке нетерпеливо плещут, И, взвившись, занавес шумит.
Half-aiREAL and resplended, To magic bow all attended,	Блистательна, полувоздушна, Смычку волшебному послушна,
Ist?mina's in front of pit, With nymths she waits to make a hit.	Толпою нимф окружена, Стоит Истомина; она,

With one of feet the
floor she's touching,
With other slowly she
wheels,

Одной ногой касаясь
пола, Другою
медленно кружит,

Then sudden caper -
and she fleets Like
down from Eolus
marching,

И вдруг прыжок, и
вдруг летит, Летит,
как пух от уст Эола;

She makes her figure
twine and twist, With
quick her foot the foot
she beats.

То стан совет, то
разовьет И быстрой
ножкой ножку бьет.

XXI

XXI

Each claps.

Все хлопает.

Onegin now enters,
For stalls comes over
the feet,

Онегин входит, Идет
меж кресел по ногам,

Lornette his double
slantwise renders To
see all ladies to be fit,

Двойной лорнет
скосясь наводит На
ложи незнакомых
дам;

He cast a glance at
ladies' tires, At circles
but with looks, attires

Все ярусы окинул
взором, Всё видел:
лицами, убором

Was terribly unsatisfied. With every man at any side	Ужасно недоволен он; С мужчинами со всех сторон
He bowed. Unattending body, At stage he looked as if by chance,	Раскланялся, потом на сцену В большом рассеянье взглянул,
Turned off, then yawned and said at once:	Отворотился - и зевнул, И молвил:
"It's time to change them in a body,	"Всех пора на смену;
Too long by ballets I was pressed, By Diddle too I am depressed".	Балеты долго я терпел, Но и Дидло мне надоел"5.
XXII	XXII
Yet Cupids, devils and the serpents Make noise and hop in front of pit;	Еще амуры, черти, змеи На сцене скачут и шумят;
Yet some of weary men-servants At entrance on fur-coals sleep;	Еще усталые лакеи На шубах у подъезда спят;
Yet someone hisses, feet are stamping, Some blow nose, cough, are clapping;	Еще не перестали топать, Сморгаться, кашлять, шикать, хлопать;

Yet outside, as well's inside, The lanterns everywhere shine;	Еще снаружи и внутри Везде блистают фонари;
Yet, being chilled, are striking horses, An- noyed by harness; near light	Еще, прозябнув, бьются кони, Наскуча упряжью своей,
The drivers all them- selves incite By clap- ping; each his master curses...	И кучера, вокруг огней, Бранят господ и бьют в ладони -
Onegin's out by him- self, He goes to re- dress himself.	А уж Онегин вышел вон; Домой одеться едет он.
XXIII	XXIII
Shall I portray in truthful picture Se- cluded study of the best,	Изобразю ль в картине верной Уединенный кабинет,
All fashioned model of the creature Who's dressed, undressed, anew redressed.	Где мод воспитанник примерный Одет, раздет и вновь одет?
All fancy goods for whims abundant Which are supplied by busy London	Все, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный

All over the Baltic
waves For forest, fat
and hand-made lace;

И по Балтийским
волнам За лес и сало
ВОЗИТ нам,

All things by Paris
craft invented To help
the idle hungry taste

Все, что в Париже
вкус голодный,
Полезный промысел
избрав,

The great prosperity lo
waste - To have at
home he intended:

Изобретает для
забав, Для роскоши,
для неги модной, -

Philosopher among his
mates With them his
room he decorates.

Все украшало
кабинет Философа в
осьмнадцать лет.

XXIV

XXIV

Visantine tubes with
amber, treasures Of
bronze and porcelain
of the past;

Янтарь на трубках
Цареграда, Фарфор и
бронза на столе,

For coddled sense the
best of pleasures: Per-
fume in bottles of cut
glass.

И, чувств
изнеженных отрада,
Духи в граненом
хрустале;

Some files of steel for
nails, some combs,
Some scissors, straight
and wry: he owns

Гребенки, пилочки
стальные, Прямые
ножницы, кривые

For teeth the brushes,
and for nails, Some
thirty kinds for all
avails.

И щетки тридцати
родов И для ногтей и
для зубов.

Rousseau (I'd say as if
bypassing), Of how
dared pompous Grim

Руссо (замечу
мимоходом) Не мог
понять, как важный
Грим

To brush his nails in
front of him, Eloquent
madcap, wasn't grasp-
ing.

Смел чистить ногти
перед ним,
Красноречивым
сумасбродомб.

The knight of freedom
and of right, In case
like this he wasn't
right.

Защитник вольности
и прав В сем случае
совсем неправ.

XXV

XXV

You may become a
man of business And
think of beauty of the
nails.

Быть можно
дельным человеком
И думать о красе
ногтей:

With age to argue is
unfitness; The
custom's despot of the
males.

К чему бесплодно
спорить с веком?
Обычай деспот меж
людей.

Like great Chadayev,
Eugene dear Of jealousy reproach feared,

Второй Чадаев, мой
Евгений, Боясь
ревнивых
осуждений,

Was pedant, judging of
the cloth, We'll call
him dandy for the
forth.

В своей одежде был
педант И то, что мы
назвали франт.

At least three hours he
daily In front of mir-
rors gladly spent,

Он три часа по
крайней мере Пред
зеркалами проводил

And from his dressing
room he went Like
giddy Venus, when
quite gaily,

И из уборной
выходил Подобный
ветреной Венере,

In man's attire all ar-
rayed, The goddess
comes to masquerade.

Когда, надев
мужской наряд,
Богиня едет в
маскарад.

XXVI

XXVI

The modern taste of
his attire, To keep
your curious gaze,

В последнем вкусе
туалетом Заняв ваш
любопытный взгляд,

To meet the scholar
world's desire I could
describe, you'd be
amazed.

Я мог бы пред
ученым светом Здесь
описать его наряд;

Of course, it would be so bold, Describing is what I must hold.	Конечно б это было смело, Описывать мое же дело:
B By pantalones, frac, gillette - In Russian they are absent yet.	Но панталоны, фрак, жилет, Всех этих слов на русском нет;
I now see, of it confessing, That even my such poor style	А вижу я, винюсь пред вами, Что уж и так мой бедный слог

Yet might be less fulfilled for while By foreign words without pressing,	Пестреть гораздо б меньше мог Иноплеменными словами,
Yet long ago did I look For words in Academic Book.	Хоть и заглядывал я встарь В Академический словарь.
XXVII	XXVII
To other things let's make approach: For ballet we shall hurry up.	У нас теперь не то в предмете: Мы лучше поспешим на бал,
To it headlong in simple coach Onegin now has sped up	Куда стремглав в ямской карете Уж мой Онегин поскакал.

In front of darkened silent homes, Along the sleepy streets in rows;	Перед померкшими домами Вдоль сонной улицы рядами
All double lanterns in the sight Are stretch- ing their joyful light,	Двойные фонари карет Веселый изливают свет
And make some rain- bows on snow. By lam- pions dotted from the sides	И радуги на снег наводят; Усеян плошками кругом,
A splendid house now shines, In windows some shades can flow,	Блестит великолепный дом; По цельным окнам тени ходят,
Appear profiles of heads Of ladies and of fashion cranks.	Мелькают профили голов И дам и модных чудаков.
XXVIII	XXVIII
My Eugene is in front of home. Hall porter shadfly he bypassed,	Вот наш герой подъехал к сеням; Швейцара мимо он стрелой
Up marble footsteps he has flown, With hand has mended hair fast.	Взлетел по мраморным ступеням, Расправил волоса рукой,

Came in.

Вошел.

The hall is full of
crowd; The music's
weary of sound;

Полна народу зала;
Музыка уж греметь
устала;

Mazurka is the
crowd's choice; All
round are crush and
noise;

Толпа мазуркой
занята; Кругом и
шум и теснота;

The spurs of horse-
guards-man are
jingling, Each foot of
pretty ladies flies,

Бренчат
кавалергарда
шпоры; Летают
ножки милых дам;

At their fascinating
signs The flaming
looks of men are fleet-
ing.

По их пленительным
следам Летают
пламенные взоры,

Through roar of
fiddles never thrives
The jealous whisper of
styled wives.

И ревом скрипок
заглушен Ревнивый
шепот модных жен.

XXIX

XXIX

In days of gaiety and
wishes I could at bal-
lets lose my wit;

Во дни веселий и
желаний Я был от
балов без ума:

It's better place for
passing letters fit.

Верней нет места для
признаний И для
вручения письма.

Oh, you, the husbands
so honoured!

О вы, почтенные
супруги!

To you I'll give my ser-
vice; forward You
keep on mind my
speech to you;

Вам предложу свои
услуги; Прошу мою
заметить речь: Я вас
хочу предостеречь.

I'd like anew to warn
all you: You, mothers,
should be more
severe,

Вы также, маменьки,
построже За
дочерьми смотрите
вслед:

While looking after
girls, and yet At them
keep strictly your lor-
nette!

Держите прямо свой
лорнет!

If not... if not, let God
deliver!

Не то... не то, избави
боже!

I write it, as for long
my time I haven't any
sin of mine.

Я это потому пишу,
Что уж давно я не
грешу.

XXX

XXX

Alas! for funs, which
can be differed, I've
ruined much of own
life.

Увы, на разные
забавы Я много
жизни погубил!

But if the morals never shifted, My love to ballets could survive.	Но если б не страдали нравы, Я балы б до сих пор любил.
I like teenage's lively madness, The tightness, brightness and the gladness;	Люблю я бешеную младость, И тесноту, и блеск, и радость,
Of ladies well-considered dress. I love girls feet. But it's a stress	И дам обдуманый наряд; Люблю их ножки; только вред
To try to find in Russia whole Of them three pairs straight and fine.	Найдете вы в России целой Три пары стройных женских ног.
Ah! I'll forever keep in mind Small feet of lady.	Ах! долго я забыть не мог Две ножки...
Sad and cold,	Грустный, охладельый,
I do remember them; in dream They trouble all my heart, such grim.	Я всё их помню, и во сне Они тревожат сердце мне.
XXXI	XXXI

In what a waste,
when? where? how?
You, madman. will all
them forget?

Когда ж и где, в
какой пустыне,
Безумец, их
забудешь ты?

Ah, feet, such small,
where are you flow,
What vernal plants are
trampling yet?

Ах, ножки, ножки!
где вы ныне? Где
мнете вешние
цветы?

In eastern comfort be-
ing cherished Sad
northern snow to em-
bellish.

Взлелеяны в
восточной неге, На
северном,
печальном снеге

You never stamped
your small foot-prints.
You liked smooth
carpets of some
prints

Вы не оставили
следов: Любили
мягких вы ковров

To touch in splendid
admiration.

Роскошное
прикосновенье.

Is it high time as I for-
got

Давно ль для вас я
забывал

For you the glory and
the laud, The father's
land, incarceration?

И жажду славы и
похвал, И край
отцов, и заточенье?

But happiness of youth
has gone Like light
foot-prints in fields
forlone.

Исчезло счастье
юных лет, Как на
лугах ваш легкий
след.

XXXII

XXXII

Diana's breasts, the
cheeks of Flora De-
lightful are, my
freinds, you see!

Дианы грудь, ланиты
Флоры Прелестны,
милые друзья!

But foot, such small, of
Terpsichore More
charming somewhat is
for me.

Однако ножка
Терпсихоры
Прелестней чем-то
для меня.

It is predicting to my
gazing Reward, which
I can't be appraising,

Она, пророчествуя
взгляду
Неоцененную
награду,

Conditionally by its
charms Self-willed de-
sires it alarms.

Влечет условною
красой Желаний
своевольный рой.

My friend Elvina!
Nothing hinders To
love it under table
cloth,

Люблю ее, мой друг
Эльвина, Под
длинной скатертью
столов,

In spring at grass and so forth, At iron fire- place in winters,	Весной на мураве лугов, Зимой на чугуне камина,
At smooth of parquets in the halls, At sea on granite and at malls.	На зеркальном паркетe зал, У моря на граните скал.
XXXIII	XXXIII
I keep in mind the sea, quite stormy: What en- vious I was when waves	Я помню море пред грозою: Как я завидовал волнам,
In turn to girl were all returning With love to feet to lay themselves.	Бегущим бурной чередою С любовью лечь к ее ногам!
With waves I wished myself somehow To touch her dear feet by mouth.	Как я желал тогда с волнами Коснуться милых ног устами!
Among all those ar- dent days Of boiling youth, such bright and gay,	Нет, никогда средь пылких дней Кипящей младости моей
I never wished with such a torture To kiss young Armid's pretty lips,	Я не желал с таким мученьем Лобзать уста молодых Армид,

Or roses of flaming
cheeks, Or bosom,
which awaits for for-
tune.

Иль розы
пламенных ланит,
Иль перси, полные
томленьем;

Ah, never impulse of
the sense Put rack my
soul ever hence.

Нет, никогда порыв
страстей Так не
терзал души моей!

XXXIV

XXXIV

But other times in
mind I bear!

Мне памятно другое
время!

I saw myself in cher-
ished dream

В заветных иногда
мечтах

To keep the happy stir-
rup dare...

Держу я счастливое
стремя...

Meanwhile small foot
in hands I feel;

И ножку чувствую в
руках;

And works again ima-
gination. Again her
touch of fascination

Опять кипит
воображенье, Опять
ее прикосновенье

In cold heart is kind-
ling blood... Again the
grief, of love the flood!

Зажгло в увядшем
сердце кровь, Опять
тоска, опять
любовь!..

The talkative my lyre's tired To glorify all haughty ranks.	Но полно прославлять надменных Болтливой лирою своей;
They don't cost yet neither sense, Nor any songs, by them in- spired:	Они не стоят ни страстей, Ни песен, ими вдохновенных:
Of sorceresses words and peep Delusive are... as their feet.	Слова и взор волшебниц сих Обманчивы... как ножки их.

XXXV	XXXV
What's my Onegin?	Что ж мой Онегин?
Way is endless To bed from ballet; half asleep	Полусонный В постелю с бала едет он:
He speeds through Petersburg, all restless, Awoken by drums's beat.	А Петербург неугомонный Уж барабаном пробужден.
The hawkers walk, gets up the salesman, Is dragging to cab- stand a cabman,	Встает купец, идет разносчик, На биржу тянется извозчик,

With jug young woman goes fast, By feet she crushes snow-dust.	С кувшином охтенка спешит, Под ней снег утренний хрустит.
The morning pleasant noise arose.	Проснулся утра шум приятный.
Each shutter's open, and dry	Открыты ставни; трубный дым
Blue smoke rises to the sky, And thorough German baker goes	Столбом восходит голубым, И хлебник, немец аккуратный,
In paper cap for each of us To open his wasistdas.	В бумажном колпаке, не раз Уж отворял свой васисдас.
XXXVI	XXXVI
Of ballet's noises being tired, Transforming morning into night,	Но, шумом бала утомленный И утро в полночь обратя,
He calmly sleeps in bed, retired From pastimes, flourishing big child.	Спокойно спит в тени блаженной Забав и роскоши дитя.
The afternoon he passes, ready Again to waste his day already.	Проснется за полдень, и снова До утра жизнь его готова,

His life's monotonous
and is mixed, The
same for many days is
fixed,

Однообразна и
пестра. И завтра то
же, что вчера.

But was my Eugene
satisfying By being
free in prime of life,

Но был ли счастлив
мой ЕВГЕНИЙ,
СВОБОДНЫЙ, в цвете
лучших лет,

Among his victories to
thrive, And his amuse-
ments gratifying?

Среди
блистательных
побед, Среди
вседневных
наслаждений?

May be, in vain he was
at feasts Such careless
and fine at least?

Вотще ли был он
среди пиров
Неосторожен и
здоров?

XXXVII

XXXVII

His passions were too
quickly cold, And he
was bored by worldly
noise;

Нет: рано чувства в
нем остыли; Ему
наскучил света шум;

Not very long he could
behold The girls as ob-
ject of his choice;

Красавицы не долго
были Предмет его
привычных дум;

Adulteries were not
adonng; His friends
and freindship made
him boring,

Измены утомить
успели; Друзья и
дружба надоели,

As now not at any time
He could bear-steaks
and Strassburg pie

Затем, что не всегда
же мог Beef-steaks и
страсбургский пирог

With fizz by bottle
wine be pouring While
saying clever pncky
word -

Шампанской
обливать бутылкой
И сыпать острые
слова,

Because of ache of
own head. And,
though staying rake
adoring,

Когда болела голова;
И хоть он был повеса
пылкой,

He ceased to like (with
them was led) Invest-
ives, sables and the
lead.

Но разлюбил он
наконец И брань, и
саблю, и свинец.

XXXVIII

XXXVIII

His illness never was
distinguished From ill-
ness, known so far,

Недуг, которого
причину Давно бы
отыскать пора,

Which they are calling spleen in English,
In Russian known as
khandra.

Подобный
английскому сплину,
Короче: русская
хандра

It caught him now and
for ever; But yet to kill
himself he never,

Им овладела
понемногу; Он
застрелиться, слава
богу,

Thanks God, had any
wish to try; But at the
life his look was wry.

Попробовать не
захотел, Но к жизни
вовсе охладел.

Child-Harold's copy,
grim, morose To inner
rooms and halls he
came;

Как Child-Harold,
угрюмый, томный В
гостиных появлялся
он;

The boston, gossips
were in vain, Or dear
looks or sighs - all
those

Ни сплетни света, ни
бостон, Ни милый
взгляд, ни вздох
нескромный,

Did never touch hire
as before, He caught
the sight of nothing
more.

Ничто не трогало
его, Не замечал он
ничего.

XXXIX, XL, XLI

.....

.....

.....

XXXIX. XL.

XLI.....

XLII

XLII

Of higher world the
queer ladies!

Причудницы
большого света!

The first he made - he
left you all;

Всех прежде вас
оставил он;

It's true, that all we
live in ages, When
rather boring is high
call.

И правда то, что в
наши лета Довольно
скучен высший тон;

Arid though ladies can
be talking Of Say and
Bentham at the walk-
ing,

Хоть, может быть,
иная дама Толкует
Сея и Бентама,

But as a whole their
talk Is harmless, but
unpleasant mock.

Но вообще их
разговор Несносный,
хоть невинный
вздор;

Besides, they all are so
pure, Magestic, for the
love unfit,

К тому ж они так
непорочны, Так
величавы, так умны,

Are full of piety, of wit,
Such cautious, that we
can't endure,

Так благочестия
полны, Так
осмотрительны, так
точные,

And always turned,
from us - I mean. That
their looks give rise
for spleen.

Так неприступны
для мужчин, Что вид
их уж рождает
сплин⁷.

XLIII

XLIII

And you, the girls all
young, good looking,
Whom droshkies
quickly take away

И вы, красотки
молодые, Которых
позднею порой

In late of evening,
such amusing, Along
the Petersburg high-
way,

Уносят дрожки
удалые По
петербургской
мостовой,

By him were left at
your employments.

И вас покинул мой
Евгений.

Apostate of wild enjoy-
ments,

Отступник бурных
наслаждений,

At home did he shut
himself And yawning,
tried to write of self.

Онегин дома
заперся, Зевая, за
перо взялся,

He tried, but of the
work persistent He felt
yet sickness. Nothing
good

Хотел писать - но
труд упорный Ему
был тошен; ничего

Could come of such a lazy mood. He didn't join the guild existent	Не вышло из пера его, И не попал он в цех задорный
Of men, whom I can't judge for long, As I myself to them belong.	Людей, о коих не сужу, Затем, что к ним принадлежу.
XLIV	XLIV
Devoted to lazy feel- ing, With void in soul, he resstrains	И снова, преданный безделью, Томясь душевной пустотой,
His temper, in his chair sitting, And aims to own each other's brains;	Уселся он - с похвальной целью Себе присвоить ум чужой;
With ranks of books his shelf fulfilling, For long he eagerly was reading,	Отрядом книг установил полку, Читал, читал, а всё без толку:
But saw: annui, the rave, the harm, The fraud; nor shame, nor sense, nor charm;	Там скука, там обман иль бред; В том совести, в том смысла нет;
In all of them restric- tion's queer; Antiquity the old backs.	На всех различные вериги; И устарела старина,
The novelty with ages smacks.	И старым бредит новизна.

Like women, books were all left here,	Как женщин, он оставил книги,
And shelf with dusty books anew With mourning taffeta he drew.	И полку, с пыльной их семьей, Задержнул траурной тафтой.
XLV	XLV
Of world conventions breaking load Like he I lagged behind of fuss,	Условий света свергнув бремя, Как он, отстав от суеты,
I was his friend some while ago.	С ним подружился я в то время.
I liked his features in the past:	Мне нравились его черты,
Devotion to dreams unwitting, Unimitated strange unfitting,	Мечтам невольная преданность, Неподражательная странность
His sharp, but some- what cooling wit.	И резкий, охлажденный ум.
I was embittered, he... unfit.	Я был озлоблен, он угрюм;
We knew the game of passion's oath; By life were anguished as a rule;	Страстей игру мы знали оба; Томила жизнь обоих нас;

The heat of hearts became all cool; Besides we were awaited both	В обоих сердца жар угас; Обоих ожидала злоба
By spite of fortune and of mean, While both were beginners then.	Слепой Фортуны и людей На самом утре наших дней.
XLVI	XLVI

Who has ideas and is living, He looks at people with disdain,	Кто жил и мыслил, тот не может В душе не презирать людей;
He has a trouble from the feeling Of spook of unreturning day.	Кто чувствовал, того тревожит Призрак невозвратимых дней:
He hasn't any fascinations, But has some snake of recollections,	Тому уж нет очарований, Того змия воспоминаний,
And him repentance badly nags; This inspiration often adds	Того раскаянье грызет. Все это часто придает
Great charm to any conversation.	Большую прелесть разговору.
At first his language me confused,	Сперва Онегина язык

But in a while I had
been used To caustic,
hot argumentation,

Меня смущал; но я
привык К его
язвительному спору,

To jokes mixtured
with the bile, To epi-
grams with no smile.

И к шутке, с желчью
пополам, И злости
мрачных эпиграмм.

XLVI1

XLVII

And often in the sum-
mer's sphere, When
clear is the sky at night

Как часто летнею
порою, Когда
прозрачно и светло

All over the Neva
river, When waters,
being gaily light,

Ночное небо над
Невою8 И вод
веселое стекло

Do not reflect Diana's
features, Recalling by-
gone novel's creatures,

Не отражает лик
Дианы, Воспомня
прежних лет
романы,

Recalling former love,
such free, Perceptible
and carefree,

Воспомня прежнюю
любовь,
Чувствительны,
беспечны вновь,

By night's benevolent
light breathing We
mutely reveled and
could fail!

Дыханьем ночи
благосклонной
Безмолвно
упивались мы!

Like convict in the stocks from jail If brought to forests while he's sleeping,	Как в лес зеленый из тюрьмы Перенесен колодник сонный,
We all were taken by the dreams, As if young life anew begins.	Так уносились мы мечтой К началу жизни молодой.
XLVIII	XLVIII
With utterly regretful soul, On granit leaning, straight. upright,	С душою, полной сожалений, И опершися на гранит,
Stood Eugene, thoughtful, quite alone, As poet himself described.	Стоял задумчиво Евгений, Как описал себя пиит ⁹ .
Night sentries, far from one to other, In stillness called each one another;	Все было тихо; лишь ночные Перекликались часовые,
Of droshky light, remote noise From Million street was heard.	Да дрожек отдаленный стук С Мильонной раздавался вдруг;

Some boys In boat
with its oars rowed
Along the sleepy
Neva's stream,

Лишь лодка, веслами
махая, Плыла по
дремлющей реке:

And we adored, like in
a dream, Some song of
horn and man, such
bold...

И нас пленяли
вдалеке Рожок и
песня удалая...

More sweet, than joys
beneath the moon,
Will stay of Torkwat's
octaves tune!

Но слаще, средь
ночных забав, Напев
Торкватовых октав!

XLIX

XLIX

Oh, Brenta! I again
shall see you. My dear
Adriatic waves,

Адриатические
волны, О Брента! нет,
увиджу вас

Inspired, I again shall
feel you, Your magic
voice for me awaits!

И, вдохновенья
снова полный,
Услышу ваш
волшебный глас!

Appolo's children took
it sacred; For Albion
proud lyre rated

Он свят для внуков
Аполлона; По гордой
лире Альбиона

I love him, he's my kin
in-law.

Он мне знаком, он
мне родной.

Italian nights I shall adore.	Ночей Италии златой
And being free, again [^] revel In girl from Venese, pretty, young,	Я негой наслажусь на воле, С венецианкою младой,
Sometimes she's talk- ative or dumb, In secret gondola I'll travel	То говорливой, то немой, Пльвя в таинственной гондоле;
With her, my lips will find anew Petrarka's language 'I love you' .	С ней обретут уста мои Язык Петрарки и любви.
L	L
But will it come, my day of freedom?	Придет ли час моей свободы?
Its time! - I everyday appeal. {5}	Пора, пора! - взываю к ней;
At sea I wait for better season, The sails of ships I call, I feel,	Брожу над морем 10, жду погоды, Маню ветрила кораблей.
That under gale, en waves in boat All over the sea crossroad	Под ризой бурь, с волнами споря, По вольному распутью моря

Should I begin my freedom flight.	Когда ж начну я вольный бег?
It's time to leave for life the tight	Пора покинуть скучный брег
And hostile shore, I shall be rushing To come to midday desert steppe	Мне неприязненной стихии И средь полуденных зыбей,
In Africa; at any step To sigh about mirky Russia,	Под небом Африки моей ¹¹ , Вздохать о сумрачной России,
In which I loved and suffered hard, And where buried I my heart.	Где я страдал, где я любил, Где сердце я похоронил.
LI	LI
Onegin was already ready With me some foreign lands to rate,	Онегин был готов со мною Увидеть чуждые страны;
But fate for us was never steady: For long we had to separate.	Но скоро были мы судьбою На долгой срок разведены.
Away had passed his old father, Onegin was attacked by rather	Отец его тогда скончался. Перед Онегиным собрался

Aggressive lenders
each offends, Each has
his own wit and sense.

Займодавец
жадный полк. У
каждого свой ум и
ТОЛК:

But Eugene all the law-
suits hated With lot
contented, gave all
them

Евгений, тяжбы
ненавидя,
Довольный жребием
СВОИМ,

Inheritage, he had by
then, Not seeing loss in
all, he wasted

Наследство
предоставил им,
Большой потери в
том не видя

Or may be guessed
from far away That
uncle his would pass
away.

Иль предузнав
издалека Кончину
дяди старика.

LII

LII

Report for him was so
sudden From steward:

Вдруг получил он в
самом деле От
управителя доклад,

"Uncle is in bed, His
breath again began to
harden, To see his
nephew he'd be glad".

Что дядя при смерти
в постеле И с ним
проститься был бы
рад.

In sadness he it all was reading, At once he hurried for the meet- ing,	Прочтя печальное посланье, Евгений тотчас на свиданье
By post-chase he head- long went, Was yawn- ing sweetly before hand,	Стремглав по почте поскакал И уж заранее зевал,
Prepared for the sake of money To sighs, to boredom and to fraud	Приготовляясь, денег ради, На вздохи, скуку и обман
(With all that I began my thought). But when he reached it in a hurry,	(И тем я начал мой роман); Но, прилетев в деревню дяди,
On table Eugene found then For funeral pre- pared man.	Его нашел уж на столе, Как дань готовую земле.
LIII	LIII
He found house full of servants; To see de- ceased, from any sides	Нашел он полон двор услуги; К покойнику со всех сторон
His friends arrived like vile observers Who come to funerals all times.	Съезжались недруги и друзья, Охотники до похорон.

Deceased was buried
after meeting, The
priests and guests
were drinking, eating,

Покойника
похоронили. Попы и
гости ели, пили

Then all they grandly
went away, As if they
spent a business day.

И после важно
разошлись, Как
будто делом
заялись.

The former foe of the
orders, The waster, Eu-
gene of the lands,

Вот наш Онегин -
сельский житель,
Заводов, вод, лесов,
земель

Of waters, forests and
of hands Is master in
the country borders;

Хозяин полный, а
досель Порядка враг
и расточитель,

He's very glad that
former pass He
changed for anything
at last.

И очень рад, что
прежний путь
Переменил на что-
нибудь.

LIV

LIV

At first two days anew
he drove Along se-
cluded lone fields

Два дня ему казались
новы Уединенные
поля,

In coolness of the
gloomy grove With
purl and babble of still
streams,

Прохлада сумрачной
дубровы, Журчанье
тихого ручья;

On third day, looking
all around, He saw nor
copse, nor hill, nor
ground;

На третий роца,
холм и поле Его не
занимали боле;

He quickly sleepy was
from them, And
grasped all clearly by
then:

Потом уж наводили
сон; Потом увидел
ясно он,

In country tedium's
prevailing Without
palaces or streets,

Что и в деревне
скука та же, Хоть нет
ни улиц, ни дворцов,

Nor ballets, cards, nor
verse one meets.

Ни карт, ни балов,
ни стихов.

Khandra pursued him,
always waiting,

Хандра ждала его на
страже,

It looked for him
through all his life
Like own shade or loy-
al wife.

И бегала за ним она,
Как тень иль верная
жена.

LV

LV

But I was born for
peaceful living, In vil-
lage stillness gladly
breathe,

Я был рожден для
жизни мирной, Для
деревенской
тишины;

In country lyre is more ringing, More vivid are creative dreams.	В глуши звучнее голос лирный, Живее творческие сны.
Devoted to childish leisure I hike at lake in desert nature,	Досугам посвятяться невинным, Брожу над озером пустынным,
And far niente is my law. ⁶ I wake at mornings to adore	И far niente мой закон. Я каждым утром пробужден
The sweet prosperity and freedom; I read a little, sleep for long,	Для сладкой неги и свободы: Читаю мало, долго сплю,
For flying glory don't long.	Летучей славы не ловлю.
The same I was in time of wisdom,	Не так ли я в былые годы
All days I spent in sleep, in shades, And there had my happiest days.	Провел в бездействии, в тени Мои счастливейшие дни?
LVI	LVI
The love, the plants, the void, the village, The fields! to you I'm staunch a friend.	Цветы, любовь, деревня, праздность, Поля! я предан вам душой.

From Eugene differ I my image, To note this I always trend,	Всегда я рад заметить разность Между Онегиным и мною,
In order that derisive reader, Or any editor, too eager	Чтобы насмешливый читатель Или какой- нибудь издатель
For intricate and slander talk, In check- ing all my traits for mock,	Замысловатой клеветы, Сличая здесь мои черты,
Could not repeat, yet being shameless, That I could scribble own face	Не повторял потом безбожно, Что намарал я свой портрет,
Like Byron, poet of grace. Or it's im- possible or faithless	Как Байрон, гордости поэт, Как будто нам уж невозможно
To write about other- self As if about own- self?	Писать поэмы о другом, Как только о себе самом.
LVII	LVII
All poets, meanwhile I'll note, Of dreamy, pensive love are friends,	Замечу кстати: все поэты - Любви мечтательной друзья.

Sometimes in dream
they all, whom dote,
To soul mine arrived
like guests:

Бывало, милые
предметы Мне
снились, и душа моя

My soul secret forms
was keeping, My muse
made all them once
more living,

Их образ тайный
сохранила; Их после
муза оживила:

And I, untroubled,
glorified The girl from
rocks, ideal my,

Так я, беспечен,
воспевал И деву гор,
мой идеал,

And girls, at banks Sal-
giran captured.

И пленниц берегов
Салгира.

But now, friends, from
all my sides -

Теперь от вас, мои
друзья,

'Of whom your own
lyre sighs?' By you I'm
often briskly ques-
tioned, -

Вопрос нередко
слышу я: "О ком твоя
вздыхает лира?"

'To whom in throng of
jealous girls You dedic-
ated tune of hers?'

Кому, в толпе
ревнивых дев, Ты
посвятил ее напев?

LVIII

LVIII

'Whose glance, exciting inspiration, With sweet caress gave best reward	Чей взор, волнуя вдохновенье, Умильной лаской наградил
For thoughtful singing with attention?'	Твое задумчивое пенье?
' And whom your lovely verse adored?'	Кого твой стих боготворил?"
Ah, no one, my friends, believe me!	И, други, никого, ей-богу!
But road alarm of love then filled me.	Любви безумную тревогу
All that I gladly survived.	Я безотрадно испытал.
He's blessed, who with his love combined	Блажен, кто с нею сочетал
Of rhymes the fever: he could double Of poetry sacred scraps,	Горячку рифм: он тем удвоил Поэзии священный бред,
Arid, following Petrarka's tracks, Could calm his heart's the biggest trouble.	Петрарке шествуя вослед, А муки сердца успокоил,

<p>Could catch the glory by the way: But I in love was dumb, inane.</p>	<p>Поймал и славу между тем; Но я, любя, был глуп и нем.</p>
<p>LIX</p>	<p>LIX</p>
<p>The love's foregone, the muse appeared, And clearer my mind became,</p>	<p>Прошла любовь, явилась муза, И прояснился темный ум.</p>
<p>I'm free, but look for union, geared In sound, sense and tem- per game/</p>	<p>Свободен, вновь ищу союза Волшебных звуков, чувств и дум;</p>
<p>I write, and heart yet isn't boring, The pen unwitting isn't draw- ing</p>	<p>Пишу, и сердце не тоскует, Перо, забывшись, не рисует,</p>
<p>Along unfinished rhymes of words No girl's small feet and no heads.</p>	<p>Близ неоконченных стихов, Ни женских ножек, ни голов;</p>
<p>Extinguished ash will not be heating, Without tears I am sad</p>	<p>Погасший пепел уж не вспыхнет, Я всё грущу; но слез уж нет,</p>

And in a while of storm the track In soul mine will soon be ceasing,	И скоро, скоро бури след В душе моей совсем утихнет:
And then I shall begin to rhyme New couplets, more than twenty five,	Тогда-то я начну писать Поэму песен в двадцать пять.
LX	LX

Already I of plan was thinking, Of name of person number one,	Я думал уж о форме плана И как героя назову;
From novel's only be- ginning I've finished now chapter one.	Покамест моего романа Я кончил первую главу;
I checked it all, and very strictly; In many places contradictory,	Пересмотрел все это строго: Противоречий очень много,
But never wanted to correct; To censorship I'll pay my debt;	Но их исправить не хочу. Цензуре долг свой заплачу
To journalists I put at mercy Of labour mine some real fruit.	И журналистам на съеденье Плоды трудов моих отдам:

<p>You get along the Neva's route, New- born by me the work of fancy;</p>	<p>Иди же к невским берегам, Новорожденное творенье,</p>
<p>For me the glory bring, of course: Wry talks, the noise, a lot of curse!</p>	<p>И заслужи мне славы дань: Кривые толки, шум и брань!</p>
<p>CHAPTER TWO</p>	<p>ГЛАВА ВТОРАЯ</p>
<p>O , rus!</p>	<p>O rus!..</p>
<p>Hor</p>	<p>Ног.</p>
<p>O Russia!</p>	<p>O Русь!</p>
<p>I</p>	<p>I</p>
<p>The hamlet, where Eu- gene's boring, Is nice and cosy a nook,</p>	<p>Деревня, где скучал Евгений, Была прелестный уголок;</p>
<p>In it a friend of joys quite virgin Could bless the sky if cast a look.</p>	<p>Там друг невинных наслаждений Благословить бы небо мог.</p>
<p>His house stood in place selected, From winds by mountains protected,</p>	<p>Господский дом уединенный, Горой от ветров огражденный,</p>

On river's batik; and far away In front of it, all looking gay,	Стоял над речкою. Вдали Пред ним пестрели и цвели
Some meadows and fields extended; Some- where villages were seen,	Луга и нивы золотые, Мелькали селы; здесь и там
Some herds were walking in the scene, By garden canopies were ended,	Стада бродили по лугам, И сени расширял густые
It was neglected., large in gauge, Of dryads shelter for an age.	Огромный, запущенный сад, Приют задумчивых дriad.
II	II
The honoured castle was erected Like all such castles: it was fine	Почтенный замок был построен, Как замки строиться должны:
And placid, solidly ef- fected, In style of cle- ver old time.	Отменно прочен и спокоен Во вкусе умной старины.
At any place there are some chambers, Of damask are in rooms wallpapers,	Везде высокие покои, В гостиной штофные обои,

The portraits of the
tsars on walls, And
motley tiles on stoves.

Царей портреты на
стенах, И печи в
пестрых изразцах.

All's By now much
dilapidated, Indeed, I
don't know why.

Все это ныне
обветшало, Не знаю,
право, почему;

But anyway the friend
of mine To be light-
hearted had been
fated,

Да, впрочем, другу
моему В том нужды
было очень мало,

As he indifferently
could yawn Inside an-
tique or modern hall.

Затем, что он равно
зевал Среди модных
и старинных зал.

III

III

Onegin had that room
for living, In which his
uncle lived on earth:

Он в том покое
поселился, Где
деревенский
старожил

At window he flies
was killing And daily
house-keeper cursed.

Лет сорок с
ключницей
брался, В окно
смотрел и мух давил.

It all was simple:
floors of oak, Divan,
the table, large ward-
robe,

Все было просто: пол
дубовый, Два шкафа,
стол, диван пуховый,

Of any ink not any spot, In room two cupboards they had got:	Нигде ни пятнышка чернил. Онегин шкафы отворил;
In one he saw of brandies order, In other found debit book,	В одном нашел тетрадь расхода, В другом наливок целый строй,
A jug for apple juice he took, An old calendar in order:	Кувшины с яблочной водой И календарь осьмого года:
The old man had no time To read the books of other kind.	Старик, имея много дел, В иные книги не глядел.
IV	IV
Among his properties alone, To pass away his lazy time,	Один среди своих владений, Чтоб только время проводить,
He wanted to establish own, In orders newer fashioned line:	Сперва задумал наш Евгений Порядок новый учредить.
In country's place the man of wisdom, He gave his serfs a piece of freedom:	В своей глуши мудрец пустынный, Ярем он барщины старинной

The corvee yoke
changed for rate, And
serfs were blessing
their fate.

Оброком легким
заменял; И раб
судьбу благословил.

For that a neighbour
in his farming Was
puffing up: to his big
farm

Зато в углу своем
надулся, Увидя в
этом страшный вред,

He saw in it some
dreadful harm; The
other smiled, but smile
was cunning;

Его расчетливый
сосед; Другой лукаво
улыбнулся,

And they expressed
the common wish To
call him dangerous
queer fish.

И в голос все решили
так, Что он
опаснейший чудак.

V

V

At first they came to
him for visit But as he
usually was gone

Сначала все к нему
езжали; Но так как с
заднего крыльца

(For him to hide was
very easy By riding
stallion from the Don,

Обыкновенно
подавали Ему
донского жеребца,

When suddenly from
village rear He could
some droshky's sounds
hear),

Лишь только вдоль
большой дороги
Заслышат их
домашни дроги, -

<p>Such acts insulted neighbours all, They stopped to come to him at all.</p>	<p>Поступком оскорбясь таким, Все дружбу прекратили с ним.</p>
<p>'He's ignoramus', said the neighbours, 'He is free-thinker, drinks red wine</p>	<p>"Сосед наш неуч; сумасбродит; Он фармазон; он пьет одно</p>
<p>From glass not stop- ping For a while'. He never kisses hands of ladies,</p>	<p>Стаканом красное вино; Он дамам к ручке не подходит;</p>
<p>Says yes or no, never да-с Or нет-с'O^ words, they all would pass).</p>	<p>Все да да нет; не скажет да-с Иль нет- с". Таков был общий глас.</p>
<p>VI</p>	<p>VI</p>
<p>In own village to ap- pear New landlord in a droshky came,</p>	<p>В свою деревню в ту же пору Помещик новый прискакал</p>
<p>And to the same and strict revealer, To neighbourhood occa- sions gave.</p>	<p>И столь же строгому разбору В соседстве повод подавал:</p>

By name he was Vladimir Lensky. With Göttingen in soul frankly,	По имени Владимир Ленской, С душою прямо геттингенской,
He, dandy in his prime, approves All Kant's ideas and his moves.	Красавец, в полном цвете лет, Поклонник Канта и поэт.
He brought from Germany his dear, As poet, of learning fruits,	Он из Германии туманной Привез учености плоды:
Were full of liberty his views And soul. Ardent, somewhat queer	Вольнолюбивые мечты, Дух пылкий и довольно странный,
Was his emotional speech. Black curls his shoulders could reach.	Всегда восторженную речь И кудри черные до плеч.
VII	VII
From cold world of dissipation To fade away not having time,	От хладного разврата света Еще увянуть не успев,
His soul's warmed with inspiration By lady's greetings, friendly kind.	Его душа была согрета Приветом друга, лаской дев;

Concerns of heart he
was ignoring, He fu-
ture hopes was ador-
ing,

Он сердцем милый
был невежда, Его
лелеяла надежда,

And of the world new
lustre, noise Fulfilled
his wit with future
joys.

И мира новый блеск
и шум Еще пленяли
юный ум.

By honeyed dream he
was amusing The
doubts of his own
heart;

Он забавлял мечтою
сладкой Сомненья
сердца своего;

For him the aim of life
was smart Quite puzz-
ling riddle, much al-
luring,

Цель жизни нашей
для него Была
заманчивой
загадкой,

He puzzled over effect,
In it could miracles
suspect.

Над ней он голову
ломал И чудеса
подозревал.

VIII

VIII

He did believe, that
soul dear Will join en-
evitably him,

Он верил, что душа
родная Соединиться
с ним должна,

That she, delightless in
the near, Is daily wait-
ing just for him;

Что, безотрадно
изнывая, Его
вседневно ждет она;

And he was sure: friends are ready To suffer all for him already,	Он верил, что друзья готовы За честь его приятъ оковы
Will never tremble their hand To beat the slander off a man;	И что не дрогнет их рука Разбить сосуд клеветника;
That there are by fate selected Of people dear sacred friends;	Что есть избранные судьбами, Людей священные друзья;
That their friendship never ends; By unre- flected rays effected,	Что их бессмертная семья Неотразимыми лучами
It will sometime all us illumine, Will gift the world some blessed perfume.	Когда-нибудь нас озарит И мир блаженством одарит.
IX	IX
Regret, resentment, being sorry, Some pure love to every boon,	Негодованье, сожаленье, Ко благу чистая любовь
Some sweetish torture of the glory His blood excited very soon.	И славы сладкое мученье В нем рано волновали кровь.

With lyre, while abroad residing, In Goethe's, Shiner's places hiking,	Он с лирой странствовал на свете; Под небом Шиллера и Гете
By their poetic light He own soul did ignite.	Их поэтическим огнем Душа воспламенилась в нем;
Of art high muses fine impressions He, happy, never put to shame,	И муз возвышенных искусства, Счастливец, он не постыдил:
In songs could proudly retain For all his life exalted passions	Он в песнях гордо сохранил Всегда возвышенные чувства,
And impulses of vir- gin dream, And grand simplicity in him.	Порывы девственной мечты И прелесть важной простоты.
X	X
He sang of love, for love was loyal, His song was clear like the noon,	Он пел любовь, любви послушный, И песнь его была ясна,

Like thoughts of simple lady's soul, Like dreams of child, or like the moon	Как мысли девы простодушной, Как сон младенца, как луна
In deserts of the heaven's districts, The goddess of the sighs and secrets.	В пустынях неба безмятежных, Богиня тайн и вздохов нежных.
He sang of partings and of griefs, Of something, foggy mis-beliefs,	Он пел разлуку и печаль, И нечто, и туманну даль,
And of romantic finest rose. He sang of countries: far away	И романтические розы; Он пел те дальные страны,
In them in stillness of the day He real tears could expose;	Где долго в лоно тишины Лились его живые слезы;
He sang of how life could fade; All that in his teenage he made.	Он пел поблеклый жизни цвет Без малого в осьмнадцать лет.
XI	XI
The one was Eugene in these deserts, Who could evaluate his gifts.	В пустыне, где один Евгений Мог оценить его дары,

But landlords of the country's peasants Were never liked by him at feasts;	Г оспод сосеdственн ^{ых} селений Ему не нравились пиры;
The noisy talks he was escaping; All their prudent talk, such rav- ing,	Бежал он их беседы шумной. Их разговор благоразумный
About haying and of wine, Of kennels, of re- lation's lint, -	О сенокосе, о вине, О псарне, о своей родне,
Could never show shining passion, Nor sparks of poetic light,	Конечно, не блистал ни чувством, Ни поэтическим огнем,
Nor sharpness, nor some sign of mind, Nor of communal life succession;	Ни остротою, ни умом, Ни общежития искусством;
But talk of their dear wives By absent wit him always strikes.	Но разговор их милых жен Гораздо меньше был умен.
XII	XII
He's handsome, rich, of fair manner. And neighbours said: he needs a bride.	Богат, хорош собою, Ленский Везде был принят как жених;

Such custom's known everywhere: To marry daughters every tried	Таков обычай деревенский; Все дочек прочили своих
To have half-Russian neighbour dear; As quickly as he can appear	За полурусского соседа; Взойдет ли он, тотчас беседа
They speak to him of no more, But being bachelor is bore;	Заводит слово стороной О скуке жизни холостой;
Him call to sit to samovar, And Doonya quickly gives him tea,	Зовут соседа к самовару, А Дуня разливает чай;
They whisper her, You, Doonya, see!	Ей шепчут: "Дуня, примечай!"
Then bring to Doonya some guitar,	Потом приносят и гитару:
And she is squeaking (dear me!): In gold chamber visit me!...	И запищит она (бог мой!): Приди в чертог ко мне златой!..12
XIII	XIII
But Lensky, having no wishes Of marriage ties the weight to have,	Но Ленский, не имев, конечно, Охоты узы брака несть,

To Eugene sent his hearty greetings: Some hints on nearness he gave.	С Онегиным желал сердечно Знакомство покороче свести.
They friends became.	Они сошлись.
But wave and stone, The ice and flame, the verse and prose	Волна и камень, Стихи и проза, лед и пламень
Have less in difference between Each one.	Не столь различны меж собой.
At first they'd nothing seen In common.	Сперва взаимной разнотой
Then they estimated Each one another; daily forth	Они друг другу были скучны; Потом понравились; потом
They met each other, riding horse, And then became unseparated.	Съезжались каждый день верхом И скоро стали неразлучны.

Such men (I'm first of them to blame) From boredom dear friends became,	Так люди (первый каюсь я) От делать нечего друзья.
XIV	XIV

But even such a friendship, readers, We haven't now; each of us	Но дружбы нет и той меж нами. Все предрассудки истребя,
Without prejudice con- siders The others oils but us as ones.	Мы почитаем всех нулями, А единицами - себя.
To be Napoleon each wishes, But millions of the two-legged creatures	Мы все глядим в Наполеоны; Двуногих тварей МИЛЛИОНЫ
For us are only some tools, And all ones pas- sionate are fools.	Для нас орудие одно; Нам чувство дико и смешно.
But Eugene was bey- ond conception: Of course, he knew the people well,	Сноснее многих был Евгений; Хоть он людей, конечно, знал
In general he gave them hell, But any rule has some exception:	И вообще их презирал, - Но (правил нет без исключений)
He differed people in effect, And other's pas- sions could respect.	Иных он очень отличал И вчуже чувство уважал.
XV	XV

To Lensky he could listen smiling.	Он слушал Ленского с улыбкой.
His ardent talk was full of haze;	Поэта пылкий разговор,
His wit of poet was milding; His con- stantly inspired faze, -	И ум, еще в сужденьях зыбкой, И вечно вдохновенный взор, -
He tried his cooling word to own, To keep away from man like this;	Онегину все было ново; Он охладительное слово
He thought: a fool would trouble his Such quickly fading high af- fection,	В устах старался удержать И думал: глупо мне мешать
Without me his time will come, But now let him live in calm	Его минутному блаженству; И без меня пора придет;
And great belief in world's perfection, Forgive him ardour of his age,	Пускай покамест он живет Да верит мира совершенству;
Of young delirium high rage.	Простим горячке юных лет И юный жар и юный бред.
XVI	XVI

Each topic's argued at
the meetings: To med-
itate they were in
mood

Меж ими все
рождало споры И к
размышлению
влекло:

On real price of an-
cient treaties, On evil,
good, on science fruit,

Племен минувших
договоры, Плоды
наук, добро и зло,

On old prejudices
harmful, Eternal
secret tombs alarmful,

И предрассудки
вековые, И гроба
тайны роковые,

The fate and life in
their turn To their
judgement could re-
turn.

Судьба и жизнь в
свою чреду, Все
подвергалось их
суду.

The poet in heat of
judgement Some north-
ern poem could cite,

Поэт в жару своих
суждений Читал,
забывшись, между
тем

As if to prove that he
was right. And Eugene,
passionate, indulgent,

Отрывки северных
поэм, И
снисходительный
Евгений,

Who understood it
wee a hit, All his atten-
tion paid to it.

Хоть их не много
понимал, Прилежно
юноше внимал.

XVII

XVII

But often passions were invading The mind of hermits, of my men.	Но чаще занимали страсти Умы пустынников моих.
Of passions press at last escaping, Again Onegin said of them	Ушел от их мятежной власти, Онегин говорил об них
Unwillingly, with sighs of pity: He's blessed, who knew all their pretty	С невольным вздохом сожаленья: Блажен, кто ведал их волненья
Effects, but stepped away anew; He's blessed much more, who never knew	И наконец от них отстал; Блаженней тот, кто их не знал,
The love; who cooled it with divorcement, By scandal enmity could strand,	Кто охлаждал любовь - разлукой, Вражду - злословием; порой
And yawned with happy wife and friend, Not troubled by the jealous torment;	Зевал с друзьями и с женой, Ревнивой не тревожась мукой,
Who father's money never trusts To cun- ning friends, to crafty cards,	И дедов верный капитал Коварной двойке не вверял.

XVIII

XVIII

When we shall gather
under banner Of still-
ness, rational and
cairn,

Когда прибегнем мы
под знамя
Благоразумной
тишины,

When well have
cooled the passions
temper And no more
they would alarm

Когда страстей
угаснет пламя, И нам
становятся смешны

All us, well laugh at
their impulse, At late
ridiculous opinions,

Их своевольство иль
порывы И
запоздалые отзывы, -

Then we'll sub-
missively obey To hear
stories by the way

Смиренные не без
труда, Мы любим
слушать иногда

About other's restless
passions, And other's
love will touch the
heart, -

Страстей чужих язык
мятежный, И нам он
сердце шевелит.

We'll be like invalid in
hut, Who nears ears to
confessions

Так точно старый
инвалид Охотно
клонит слух
прилежный

Of boasting mous-
tached young guards
Who conquered pretty
ladies' hearts.

Рассказам юных
усачей, Забытый в
хижине своей.

XIX

But all the youngsters,
always flaming, Could
never enmity conceal,

XIX

Зато и пламенная
младость Не может
ничего скрывать.

The sadness, gladness,
love inflaming They all
were ready to reveal.

Вражду, любовь,
печаль и радость
Она готова
разболтать.

Onegin no love could
hook in, But listened
with a pompous look-
in

В любви считаясь
инвалидом, Онегин
слушал с важным
видом,

To Lensky speaking of
himself, Revealing all
his heart itself,

Как, сердца исповедь
любя, Поэт
высказывал себя;

His conscience Lensky
was revealing, His
own soul criticized.

Свою доверчивую
совесть Он
простодушно
обнажал.

Onegin quickly recog-
nized The talk of love,
which was fulfilling

Евгений без труда
узнал Его любви
младую повесть,

With many senses all
this fuss, Which is an-
tique for all of us.

Обильный
чувствами рассказ,
Давно не новыми
для нас.

XX

Ah, he could love; they
don't now Have any-
thing like real love

Of poet, who's any-
how Convicted to the
truthful love:

One vision always,
everywhere, The rime
desire comes to dare

To comfort sorrow and
grief.

And nothing cooled his
strong belief:

Nor longest years of
the partings, Nor all to
muses given time,

Nor foreign beauties
so fine, Nor sciences,
nor evening parties

Could change his soul
little bit: Some virgin
fire flamed in it,

XXI

XX

Ах, он любил, как в
наши лета Уже не
любят; как одна

Безумная душа поэта
Еще любить
осуждена:

Всегда, везде одно
мечтанье, Одно
привычное желанье,

Одна привычная
печаль.

Ни охлаждающая
даль,

Ни долгие лета
разлуки, Ни музам
данные часы,

Ни чужеземные
красы, Ни шум
веселий, ни науки

Души не изменили в
нем, Согретой
девственным огнем.

XXI

Yet child, by Olga fascinated, Ignorant yet of hearty pains,	Чуть отрок, Ольгою плененный, Сердечных мук еще не знав,
He, touching witness, captivated By childish prettiness of games	Он был свидетель умиленный Ее младенческих забав;
In shade of old trees protective, He was in games her mate effective.	В тени хранительной дубравы Он разделял ее забавы,
And parents foresaw the fate: Were calculating wedding date;	И детям прочили венцы Друзья-соседы, их отцы.
In stillness of the humble grove Of innocence some charming loom,	В глуши, под сению смиренной, Невинной прелести полна,
She near parents could bloom, Like lilies in the valley grow,	В глазах родителей, она Цвела, как ландыш потаенный,
Unknown in the thick of grass To bees, to moths at no paths.	Незнаемый в траве глухой Ни мотыльками, ни пчелой.
XXII	XXII

To her was due first
dream unquiet Of
poet: at love the drive,

Она поэту подарила
Младых восторгов
первый сон,

And thought of her in
him inspired First
moan of his conscious
life.

И мысль об ней
одушевила Его
цевницы первый
стон.

But you forgive him,
games in stillness!

Простите, игры
золотые!

He liked the grove's
timid thickness,

Он роци полюбил
густые,

He liked the stillness,
lone mood, The night,
the stars, the round
moon.

Уединенье, тишину,
И ночь, и звезды, и
луну,

The moon, this mir-
acle in heavens, To
which we dedicated
nights

Луну, небесную
лампаду, Которой
посвящали мы

At meetings but
without lights, And
tears, secret torment's
gladness...

Прогулки средь
вечерней тьмы, И
слезы, тайных мук
отраду...

But now dear moon
for us Is mere lantern
in the skies.

Но нынче видим
только в ней Замену
тусклых фонарей.

XXIII

She's dutiful and always modest,
As fresh as morning, always gay,

Like life of bard, such simple, honest,
Like kiss of love at dawn of day;

The eyes are blue as depth of heavens,
The smile, the flaxen curls of hairs,

The movings, voice, the figure fine,
All Olga has... but you can find

At any novel those features,
Her own portrait, very nice;

I was in love with it sometimes,
But soon was bored by pretty creatures.

XXIII

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,

Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила;

Глаза, как небо, голубые,
Улыбка, локоны льняные,

Движенья, голос, легкий стан,
Всё в Ольге... но любой роман

Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил,

Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.

Allow me, the readers mine, To show you her elder line.	Позвольте мне, читатель мой, Заняться старшею сестрой.
XXIV	XXIV
Tatyana was the name of sister... Such name we use to gratify	Ее сестра звалась Татьяна... 13 Впервые именем таким
The novel's pages of my either, At will that name well sanctify.	Страницы нежные романа Мы своевольно освятим.
Why not? It's pleasant and sonorous; With it, I know, always goes	И что ж? оно приятно, звучно; Но с ним, я знаю, неразлучно
Reminiscence of old time, Of maiden's room!	Воспоминая старины Иль девичьей!
We must meanwhile	Мы все должны
Confess; we have the taste quite mere In life, as well as in the names,	Признаться: вкусу очень мало У нас и в наших именах
(Not speaking of the verses frames). The education can't adhere	(Не говорим уж о стихах); Нам просвещенье не пристало,

To us: from it we have
not more Than min-
cing manners to adore.

И нам досталось от
него Жеманство, -
больше ничего.

XXV

XXV

But well, she's named
Tatyana; gladless, Nor
by her sister's pretty
grace,

Итак, она звалась
Татьяной. Ни
красотой сестры
своей,

Nor by her pleasant
ruddy freshness She'd
catch one's eyes by
simple face.

Ни свежестью ее
румяной Не
привлекла б она
очей.

She's wild and sad, is
daily silent. Like forest
calf, she's often
frightened,

Дика, печальна,
молчалива, Как лань
лесная боязлива,

In own family she was
Like strange a girl in
thoughts quite lost;

Она в семье своей
родной Казалась
девочкой чужой.

She never could caress
inspire For parents; it
all seemed wrong.

Она ласкаться не
умела К отцу, ни к
матери своей;

Yet being child, in chil-
dren's throng To play
and jump had none
desire,

Дитя сама, в толпе
детей Играть и
прыгать не хотела

But at the window, not gay, Was mutely sitting all the day.	И часто целый день одна Сидела молча у окна.
XXVI	XXVI
To pensiveness she got accustomed From cradle to the present day,	Задумчивость, ее подруга От самых колыбельных дней,
And drifting of the country's pastime In all her dreams looked better, gay.	Теченье сельского досуга Мечтами украшала ей.
Her tender fingers didn't dare To take a needle; she could never	Ее изнеженные пальцы Не знали игл; склонясь на пяльцы,
Some frame and lace for working fit, In silk embroider never did.	Узором шелковым она Не оживляла полотна.
As sign of lust for fu- ture being The master of her home, child	Охоты властвовать примета, С послушной куклою дитя
In games with doll can train for mild Decor- um of the loyal living:	Приготовляется шутя К приличию - закону света,

Importantly repeats
for doll The mother's
lessons, though small.

И важно повторяет
ей Уроки маменьки
своей.

XXVII

XXVII

Yet being child, at any
year Tatyana didn't
play with doll;

Но куклы даже в эти
годы Татьяна в руки
не брала;

About news and fash-
ions dear With dolls
she didn't talk at all,

Про вести города,
про моды Беседы с
нею не вела.

For all the childish
tricks felt sorry, To
them was stranger;
dreadful story

И были детские
проказы Ей чужды:
страшные рассказы

In winter darkness of
the night Was captiv-
ating heart and mind.

Зимою в темноте
ночей Пленяли
больше сердце ей.

But when the nurse in
summer gathered To
Olga all her little
friends,

Когда же няня
собирала Для Ольги
на широкий луг

Tatyana hadn't any
trends To play with
them in any weather:

Всех маленьких ее
подруг, Она в
горелки не играла,

She's always bored by
loud laughs By noise

Ей скучен был и
звонкий смех, И шум

of their playful muffs.	их ветреных утех.
XXVIII	XXVIII
On balcony at morning sitting She liked to meet the break of day,	Она любила на балконе Предупреждать зари восход,
When clouds in the sky are drifting And stars in turn all get away,	Когда на бледном небосклоне Звезд исчезает хоровод,
And calmly edge of earth is lighting, And, sign of day, the wind is rising,	И тихо край земли светлеет, И, вестник утра, ветер веет,
And gradually rises day.	И всходит постепенно день.
In winter, when the night's weak shade	Зимой, когда ночная тень
Possesses half of world existing Much longer, in the softened loom	Полмиром доле обладает, И доле в праздной тишине,
Of pale and foggy, sleepy moon The lazy East is yet asleeping, -	При отуманенной луне, Восток ленивый почивает,

At usual hour stirred
up, In candle's light
she's getting up.

В привычный час
пробуждена
Вставала при свечах
она.

XXIX

XXIX

The novels were for
many years Her inner
life, were liked by her;

Ей рано нравились
романы; Они ей
заменяли всё;

She loved the fraud
about fears Of
Richardson and by
Rousseau.

Она влюблялася в
обманы И
Ричардсона и Руссо.

Her father was good-
humoured being,
From age retarded.
Scornful feeling

Отец ее был добрый
малый, В
прошедшем веке
запоздалый;

He had of books, as no
harm In them he saw,
but no charm

Но в книгах не видал
вреда; Он, не читая
никогда,

Could grasp in idle, fu-
tile reading, Was not
concerned a little bit

Их почитал пустой
игрушкой И не
заботился о том,

Of what the secret
book, she hid, In
daughter's bed till day
was dreaming

Какой у дочери
тайный том Дремал
до утра под
подушкой.

His wife herself such feeling had: From Richardson to be quite mad.	Жена ж его была сама От Ричардсона без ума.
XXX	XXX
She liked the books of Richardson Yet no because them all she read.	Она любила Ричардсона Не потому, чтобы прочла,
And not because the Grandison To Lovelace was by her preferred;	Не потому, чтоб Грандисона Она Ловласу предпочла;14
It was because of cousin dear: In Moscow princess Alina	Но в старину княжна Алина, Ее московская кузина,
Was talking much of them with pride.	Твердила часто ей об них.
For husband then she was yet bride.	В то время был еще жених
But, being wife, she willy-nilly Yet sighed for man of other kind,	Ее супруг, но по неволе; Она вздыхала по другом,

Who pleased her soul
and the mind, Much
more was touching all
her feeling:

Который сердцем и
умом Ей нравился
гораздо боле:

Good guy and ser-
geant of the guards,
This Grandison could
play the cards.

Сей Грандисон был
славный франт,
Игрок и гвардии
сержант.

XXXI

XXXI

Like he, she was well-
dressed, in fashion, In
best attires every day;

Как он, она была
одета Всегда по моде
и к лицу;

But soon, not asked for
her concession, Was to
the altar led away.

Но, не спросясь ее
совета, Девицу
повезли к венцу.

To dissipate her
greatest woeD Judi-
cious husband had a
go:

И, чтоб ее рассеять
горе, Разумный муж
уехал вскорее

To village own took
her soon; But she was
often in a fume,

В свою деревню, где
она, Бог знает кем
окружена,

Some days was crying,
then was trying To get
divorce from newly
man;

Рвалась и плакала
сначала, С супругом
чуть не развелась;

But soon to farming she began To be accus- tomed and relying.	Потом хозяйством занялась, Привыкла и довольна стала.
By us the habits have been got Instead of happiness from God.	Привычка свыше нам дана: Замена счастью она ¹⁵ .
XXXII	XXXII
The habits sugared all her woe Which wasn't smoothed by any chance:	Привычка усладила горе, Не отразимое ничем;
But soon she all was full of go, By it she calmed herself at once:	Открытие большое вскоре Ее утешило совсем:
Between affairs and the leisure She found out with a pleasure	Она меж делом и досугом Открыла тайну, как супругом
The way to keep her man away! And everything became o'key.	Самодержавно управлять, И все тогда пошло на стать.
She was the works in fields observing, She salted mushrooms, punished men,	Она езжала по работам, Солила на зиму грибы,

<p>She kept accounts; always then On Saturdays they bath were serving,</p>	<p>Вела расходы, брила лбы, Ходила в баню по субботам,</p>
<p>Sometimes she beat a house-maid, - All that not asking man she made.</p>	<p>Служанок била осердясь - Все это мужа не спросясь.</p>
<p>XXXIII</p>	<p>XXXIII</p>
<p>Sometimes with own blood she wrote To lady's album if by chance,</p>	<p>Бывало, писывала кровью Она в альбомы нежных дев,</p>
<p>Then changed in strict and quick a mode The maiden's names by names from France,</p>	<p>Звала Полиною Прасковью И говорила нараспев,</p>
<p>She tried her corset tight to wear, And Russian "н" in French best manner</p>	<p>Корсет носила очень узкий, И русский Н как N французский</p>
<p>Through nose singingly could say, But soon her mood could pass away:</p>	<p>Произносить умела в нос; Но скоро все перевелось:</p>

To her it all seemed
rather queer, She all
forgot, replaced again

Корсет, альбом,
княжну Алину,
СТИШКОВ
чувствительных
тетрадь

Each name from
France by Russian
name, Forgot princess
Alina dear;

Она забыла: стала
звать Акулькой
прежнюю Селину

And she herself re-
newed at last Night-
cap and dressing-gown
fast.

И обновила наконец
На вате шафор и
чепец.

XXXIV

XXXIV

Her husband's love to
wife was hearty, Her
deeds he took for mere
crank,

Но муж любил ее
сердечно, В ее затеи
не входил,

To trust his wife he
was light-hearted, In
dressing-gown ate and
drank.

Во всем ей веровал
беспечно, А сам в
халате ел и пил;

His life was calm,
without woe. Some-
times his neighbours
in his home

Покойно жизнь его
катилась; Под вечер
иногда сходилась

Would come together
at week-ends, Uncere-
monious dear friends,

Соседей добрая
семья,
Нецеремонные
друзья,

To grieve, to talk of
new affairs, To laugh,
to gossip for a while,

И потужить, и
позлословить, И
посмеяться кой о
чем.

And thus the time
would pass; mean-
while They ask, and
Olga tea prepares;

Проходит время;
между тем Прикажут
Ольге чай готовить,

Then supper... time to
be in bed, And soon
the guests all home
get.

Там ужин, там и
спать пора, И гости
едут со двора.

XXXV

XXXV

They kept in peaceful
life some customs Of
dear old days; it
means:

Они хранили в
жизни мирной
Привычки милой
старины;

They were at Shrove-
day accustomed To
have the fattest Russi-
an blins;

У них на масленице
жирной Водились
русские блины;

They had a fasting twice a year, They liked of round swing high gear,	Два раза в год они говели; Любили круглые качели,
The guessing songs and round dance, {7} On all Whitsundays caught a chance,	Подблюдны песни, хоровод; В день Троицын, когда народ,
While people yawn in church at prayer, To find a bunch of pray- ing grassD{8}	Зевая, слушает молебен, Умильно на пучок зари
And drop some tears twice or thrice; They needed kvass not less than air,	Они роняли слезки три; Им квас как воздух был потребен,
At table each of dear guests Had course ac- cording to the ranks.	И за столом у них гостям Носили блюда по чинам.
XXXVI	XXXVI
And so grew they old both.	И так они старели оба.
But soon for husband, all at once,	И отворились наконец

The door of coffin was unclosed: To have new	Перед супругом двери гроба, И
---	----------------------------------

wreath he got a
chance;

новый он принял
венец.

He died at hour of dinner,
Bermoned by his
neighbours dear,

Он умер в час перед
обедом, Оплаканный
своим соседом,

By children and by
loyal wife With candid
never seen in life.

Детьми и верною
женою
Чистосердечней, чем
иной.

He was a common
Russian barin, Was
kind and good; at his
remains

Он был простой и
добрый барин, И там,
где прах его лежит,

The monument in
words explains Sub-
missive sinner, Di-
mitry Larin,

Надгробный
памятник гласит:
Смиранный
грешник, Дмитрий
Ларин,

The brigadier, a slave
of God, Has peace by
him forever got.

Господный раб и
бригадир, Под
камнем сим вкушает
мир.

XXXVII

XXXVII

At his Penates, quite
permissive Vladimir
honoured all, who
died;

Своим пенатам
возвращенный,
Владимир Ленский
посетил

At neighbour's monument submissive He dedicated him a sigh;	Соседа памятник смиренный, И вздох он пеплу посвятил;
His heart was sad, his voice was mournful.	И долго сердцу грустно было.
' Ah, poor Yorick, said he, joyful	"Poor Yorick!16 - молвил он уныло. -
He kept me often in his hands, While I could show many pranks	Он на руках меня держал. Как часто в детстве я играл
With medal for Ochakov playing, Intended Olga for my wife	Его Очаковской медалью! Он Ольгу прочил за меня,
And wondered: would he be alive?'	Он говорил: дождусь ли дня?.."
Sincerely, in grief embracing	И, полный искренней печалью,
His heart, Vladimir quickly penned At tomb a madrigal by hand.	Владимир тут же начертал Ему надгробный мадригал.
XXXVIII	XXXVIII

By writing verse, the
dismal mourner Of
parents, with running
eyes,

И там же надписью
печальной Отца и
матери, в слезах,

The ashes patriarchal
honoured.

Почтил он прах
патриархальный...

Alas! On furrows of
lives

Увы! на жизненных
браздах

New generations by
some reason, At secret
will of great provision

Мгновенной жатвой
поколенья, По
тайной воле
провиденья,

Arise and ripen, then
will fall, And others
after them come all,

Восходят, зреют и
падут; Другие им
вослед идут...

To-day frivolous gen-
eration Matures, stirs,
already tests

Так наше ветреное
племя Растет,
волнуется, кипит

Grandfathers to the
tombs do press, It
comes, the time of ex-
itation,

И к гробу прадедов
теснит. Придет,
придет и наше
время,

Grandchildren once
upon good day Will
press from world all
us away.

И наши внуки в
добрый час Из мира
вытеснят и нас!

XXXIX

Meanwhile in life you
try to revel, As much
as I you take form it!

I grasp its vanity, and
never Too much I was
attached to it;

For fantsoms I my eye-
lids closed; But some
remote dear hopes

Sometimes are troubl-
ing wit and heart:
Without printing
pretty mark

To leave the world I
would he sorry.

I live and write not for
applause,

But, seems to me I'd
wish, of course To fill
my fate with kind of
glory.

XXXIX

Покамест
упивайтесь ею, Сей
легкой жизнью,
друзья!

Ее ничтожность
разумею И мало к
ней привязан я;

Для призраков
закрыл я вежды; Но
отдаленные
надежды

Тревожат сердце
иногда: Без
неприметного следа

Мне было б грустно
мир оставить.

Живу, пишу не для
похвал;

Но я бы, кажется,
желал Печальный
жребий свой
прославить,

In hope that by future friend Of me some sound will be said.	Чтоб обо мне, как верный друг, Напомнил хоть единый звук.
XL	XL
The heart of some- body he'll cherish, Ar- id, kept by touch of truthful fate,	И чье-нибудь он сердце тронет; И, сохраненная судьбой,
Perhaps, in Lethe won't perish My verse, by wit and heart well made;	Быть может, в Лете не потонет Строфа, слагаемая мной;
Perhaps, in front of portrait famous, To people future ig- noramous	Быть может (лестная надежда!), Укажет будущий невежда
Will show my renowned face And say: 'It's poet of grace!'	На мой прославленный портрет И молвит: то-то был поэт!
Accept you all my thankful feelings Ad- mirer of peaceful muse,	Прими ж мои благодаренья, Поклонник мирных аонид,

Ah, you, whose
memory will fuse In
verse my flying feeble
dealings,

О ты, чья память
сохранит Мои
летучие творенья,

Whose grateful, feel-
ing, truthful hand Will
pat the fame of old
man!

Чья благосклонная
рука Потреплет
лавры старика!

CHAPTER THREE

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Fille ?tait fille,
□□□□□□ elle ?tait
amourese. She was a
girl She was in love.

Elle ?tait fille, elle ?tait
amoureuse.

Malfilatre.

Malfil?tre.

I

I

'What way?

"Куда?

You poets, are queer!' -
Good bye, Onegin,
time has gone.

Уж эти мне поэты!" -
Прощай, Онегин, мне
пора.

'I don't hamper you,
but dear, For evenings
where have you gone?

"Я не держу тебя; но
где ты Свои
проводишь вечера?"

-To Larin's -'Oh, looks
it strangely: To kill
your pretty evenings

- У Лариных. - "Вот
это чудно.

daily...

Forgive me, isn't it too hard?' -For me it's not -
'But dear bard,

Помилуй! и тебе не трудно Там каждый вечер убивать?" -
Нимало. -

I don't grasp despite endeavours; You listen to (if I am right?)

"Не могу понять. Отселе вижу, что такое: Во-первых (слушай, прав ли я?),

This Russian family seems light, To all the guests it's always zealous,

Простая, русская семья, К гостям усердие большое,

The jams, eternal talk of all: Of rain, of flax, of horses' stall...'

Варенье, вечный разговор Про дождь, про лен, про скотный двор..."

II

II

-In this I see yet no troubles...

- Я тут еще беды не вижу.

'But trouble is: they are such bores'.

"Да скука, вот беда, мой друг".

-I hate your world of fashion marbles, Much more I like the world indoors,

- Я модный свет ваш ненавижу; Милее мне домашний круг,

And there... -

Где я могу... -

'For the sake of goodness, You keep the eclog, now useless.

"Опять эклога! Да полно, милый, ради бога.

I'm sorry that you go... well, My dear Lensky, will you tell,

Ну что ж? ты едешь: очень жаль. Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль

If that Fillidae you can show, The subject for the pen to mourn,

Увидеть мне Филлиду эту, Предмет и мыслей, и пера,

For tears, rhymes and so on?... Present me her'.

И слез, и рифм et cetera?.. Представь меня".

- D'you joke -

- Ты шутишь. -

'No'.

"Нету".

-I'm glad. - 'but when?' -Well, now just, They will receive with pleasure us.

- Я рад. - "Когда же?" - Хоть сейчас. Они с охотой примут нас.

III

III

-Let's go.- They were quietly driven,

Поедем. - Поскакали друзья,

And got to neighbours in a while. At once they heartily were giv- en	Явились; им расточены Порой тяжелые услуги
All services of old time.	Гостеприимной старины.
It was well known friendly wellcome:	Обряд известный угощенья:
On saucers jam they gave, and seldom Some berry water in a jug Put on a table, and a cup.	Несут на блюдечках варенья, На столик ставят вощаной Кувшин с брусничною водой.
IV	IV
The way is short, from dear neighbour They go home fast, at speed;	Они дорогой самой краткой Домой летят во весь опор ¹⁷ .
Let's listen, yet without labour, To their talking, short in- deed.	Теперь подслушаем украдкой Героев наших разговор:
But why, Onegin, you are yawning? -	- Ну что ж, Онегин? ты зеваешь. -
' My habit,..	"Привычка, Ленский- ".

I...' -But you are boring	- Но скучаешь
Much more... -	Ты как-то больше. -
' Well, no, just the same...	"Нет, равно.
The field is dark in pretty gale...	Однако в поле уж темно;
Andryushka, quicker must you go!	Скорей! пошел, пошел, Андрюшка!
What foolish, dumpy is this place!	Какие глупые места!
You see, your Larina is plain, But very dear old soul;	А кстати: Ларина проста, Но очень милая старушка;
And I'm afraid: in spite of charm That water brings me much of harm...	Боюсь: брусничная вода Мне не наделала б вреда.
V	V
You tell, of them which is Tatyana?' -That girl, which's always so sad;	Скажи: которая Татьяна?" - Да та, которая, грустна
She's taciturn like that Swetlana,.. When came, at window she sat.-	И молчалива, как Светлана, Вошла и села у окна.

' But do you love, indeed, the other?' -And what? -	"Неужто ты влюблен в меньшую?" - А что? -
' But I'd prefer another,	"Я выбрал бы другую,
If I were poet like you.	Когда б я был, как ты, поэт.
Of life her features have but few.	В чертах у Ольги жизни нет.
Like in van Dick's Madonna finness, Her face is round, red, she's boon	Точь-в-точь в Вандиковой Мадоне: Кругла, красна лицом она,
As well as ruddy foolish moon At the horizon's foolish brightness'.	Как эта глупая луна На этом глупом небосклоне".
Vladimir answered short, was dry. Then he was mute, his face was wry.	Владимир сухо отвечал И после во весь путь молчал.
VI	VI
Meanwhile Onegin's stay at Larin's Was estimated like a news,	Меж тем Онегина явленье У Лариных произвело

Affected native Russian
banns, And all the
neighbours were
amused.

На всех большое
впечатленье И всех
соседей развлекло.

They all began to
guess of reasons, In-
vented stealthily de-
cisions,

Пошла догадка за
догадкой. Все стали
толковать украдкой,

They joked, not
without sin At Tanya's
suitor made a hint.

Шутить, судить не
без греха, Татьяне
прочить жениха;

Some neighbours said
of the impression That
wedding had some
pointed time,

Иные даже
утверждали, Что
свадьба слажена
совсем,

But was delayed for
short a while As they
had no rings of fash-
ion.

Но остановлена
затем, Что модных
колец не достали.

About Lensky's wed-
ding all Were sure
neighbours once for
all.

О свадьбе Ленского
давно У них уж было
решено.

VII

VII

Tatyana heard with indignation All those gossips, but she had	Татьяна слушала с досадой Такие сплетни; но тайком
With unexpected consolation Unwittingly some thought of that:	С неизъяснимою отрадой Невольно думала о том;
Some string of love in her appeared, In love affairs she was geared	И в сердце дума заронилась; Пора пришла, она влюбилась.
As well as seeds in vital strife In earth by spring are given life.	Так в землю падшее зерно Весны огнем оживлено.
Long since the girl began to languish, Could burn in bliss, in dismal mood,	Давно ее воображенье, Сгорая негой и тоской,
Her spirit longed for fatal food; Long since unbearable anguish	Алкало пищи роковой; Давно сердечное томленье
Made all young heart to pine away, For someone did her soul wait.	Теснило ей младую грудь; Душа ждала... кого-нибудь,
VIII	VIII

She waited, looked
and anyhow She said:
well, yes! it must be He

И дождалась...
Открылись очи; Она
сказала: это он!

Alas! all days and
nights are now One
long and lone dream
in heat,

Увы! теперь и дни и
ночи, И жаркий
одинокий сон,

All's filled by Him, by
image dear, And ma-
gic force, that she can
hear,

Все полно им; все
деве милой Без
умолку волшебной
силой

Yet speaks of Him; and
she avoids The sounds
of the tender voice

Твердит о нем.
Докучны ей И звуки
ласковых речей,

And gaze attentive of
her maidens; She daily
greatly is depressed;

И взор заботливой
прислуги. В уныние
погружена,

She doesn't listen to
the guests And curses
their idle leisures,

Гостей не слушает
она И проклиняет их
досуги,

Unwaited coming any
day And each delay to
get away.

Их неожиданный
приезд И
продолжительный
присест.

IX

IX

And -now she with
great attention Volup-
tuous novels quickly
reads,

Теперь с каким она
вниманьем Читает
сладостный роман,

With what a lively fas-
cination Deludes her-
self with all deceits!

С каким живым
очарованьем Пьет
обольстительный
обман!

By happy force of own
dreamings She brings
to life all novel's be-
ings,

Счастливой силою
мечтанья
Одушевленные
созданья,

Like Julie's lovers,
grand Wollmar,
Malek-Adel and De
Linar,

Любовник Юлии
Вольмар, Малек-Ад
ель и де Линар,

And Vertcr, that rebel-
lious martyr, Unimit-
able Grandison

И Вертер, мученик
мятежный, И
бесподобный
Грандисон¹⁸,

With whom we all to
sleep had gone; - For
tender girl, the dream-
er hearty,

Который нам
наводит сон, - Все
для мечтательницы
нежной

In single image they
confused, In one One-
gin all were fused.

В единый образ
облеклись, В одном
Онегине слились.

X

She feels herself like
all her dear Of books
beloved main persons
feel:

Clarissa, Julie and Del-
phina; Tatyana in the
forest's still

With dangerous book
alone's hiking, In it re-
veals she so striking

Her secret heat, of
which she dreamt,
Whose plenitude in
heart she felt.

She sighs, assuming as
her real Delights of
others and the griefs;

Each day she whis-
pers own myths Of let-
ter to her image dear.

But hero, I'm not
wrong, Could never be
like Grandison.

XI

X

Воображаясь
героиней? Своих
возлюбленных
творцов,

Кларисой, Юлией,
Дельфиной, Татьяна
в тишине лесов

Одна с опасной
книгой бродит, Она в
ней ищет и находит

Свой тайный жар,
свои мечты, Плоды
сердечной полноты,

Вздыхает и, себе
присвоив Чужой
восторг, чужую
грусть,

В забвенье шепчет
наизусть Письмо для
милого героя...

Но наш герой, кто б
ни был он, Уж верно
был не Грандисон.

XI

His style to pompous tune reversing An ar- dent author tried sometimes	Свой слог на важный лад настроя, Бывало, пламенный творец
To show his beloved main person As per- fect one for all the times,	Являл нам своего героя Как совершенства образец.
And gave this person all the beauty, And made him wrongly persecuted;	Он одарял предмет любимый, Всегда неправедно гонимый,
With tender soul, clear sense Him gave at- tractive handsome face,	Душой чувствительной, умом И привлекательным лицом.
And heated by the pure passion This agit- ated person bade	Питая жар чистой страсти, Всегда восторженный герой
His wish to sacrifice his fate; But for the end (to make impres- sion)	Готов был жертвовать собой, И при конце последней части

Was always punished
wicked vice, And good
was given garlands
twice.

Всегда наказан был
порок, Добру
достойный был
венок.

XII

XII

In haze are now minds
of people: The moral
them to sleep just
makes;

А нынче все умы в
тумане, Мораль на
нас наводит сон,

The vice, that's gentle
but not feeble, In nov-
els now celebrates.

Порок любезен - и в
романе, И там уж
торжествует он.

Of British muse some
old fables Her dreams
disturb, and it enables

Британской музыки
небылицы Тревожат
сон отроковицы,

As idols now to have
got Or Vampire, who's
lost in thought,

И стал теперь ее
кумир Или
задумчивый Вампир,

Or vagrant Melmoth,
such distressful, Or
Corsair, or Eternal
Jew,

Или Мельмот,
бродяга мрачный,
Иль Вечный жид,
или Корсар,

Or Sbogar, mythical a
few.

Или таинственный
Сбогар¹⁹.

Lord Byron with his
whim successful En-
veloped fussy egoism
In hopeless romanti-
cism.

Лорд Байрон
прихотью удачной
Облек в унылый
романтизм И
безнадежный
ЭГОИЗМ.

XIII

XIII

But dear friends, it all
is useless: If I in fu-
ture won't be

Друзья мои, что ж
толку в этом? Быть
может, волею небес,

A poet by will of good-
ness, New devil then
will enter me;

Я перестану быть
поэтом, В меня
вселится новый бес,

In spite of Foebus
warning notes Myself
I'll humble to the
prose, When novels in
the old ways

И, Фебовы презрев
угрозы, Унижусь до
смиренной прозы;

Will take the twilight
of my days.

Тогда роман на
старый лад Займет
веселый мой закат.

Not secret tortures of
the evil Would I in
prose represent,

Не муки тайные
злодейства Я грозно
в нем изображу,

But simply I to you
will send The legends
of the Russian real

Но просто вам
перескажу Преданья
русского семейства,

Past clans; the charming
dreams of love, An-
tique moralities be-
loved.

Любви
пленительные сны
Да нравы нашей
старины.

XIV

XIV

In them I'll write of
simple speeches Of
dad, of uncle, old man:

Перескажу простые
речи Отца иль дяди-
старика,

Of bold children's
secret meetings That
near lime at brook
began.

Детей условленные
встречи У старых
лип, у ручейка;

Of partings, jealous in-
dignation, Of tears of
conciliation;

Несчастной
ревности мученья,
Разлуку, слезы
примиренья,

Again of scandals, and
at last To altar I shall
lead them fast,

Поссорю вновь, и
наконец Я поведу их
под венец...

And I'll remind the
speech of passion, The
words of longing, wist-
ful love

Я вспомню речи неги
страстной, Слова
тоскующей любви,

That on the days I
meant above, At feet
of ladies fox expres-
sion

Которые в минувши
дни У ног
любовницы
прекрасной

Of feelings quickly
came to mind, But
now weakly lag be-
hind.

Мне приходили на
язык, От коих я
теперь отвык.

XV

XV

Tatyana, ah, Tatyana
dear!

Татьяна, милая
Татьяна!

With you I now tears
shed;

С тобой теперь я
слезы лью;

Of tyrant you didn't
fear, But now he your
fate has had.

Ты в руки модного
тирана Уж отдала
судьбу свою.

You'll perish, but be-
fore you go, You try in
dazzling pretty hope

Погибнешь, милая;
но прежде Ты в
ослепительной
надежде

Some darkling bless-
ing to invite To know
better bliss of life

Блаженство темное
зовешь, Ты негу
жизни узнаешь,

And magic poison of
its itches; You are pur-
sued by happy dream,

Ты пьешь
волшебный яд
желаний, Тебя
преследуют мечты:

At any place you fancy him, The refuge for the happy wishes;	Везде воображаешь ты Приюты счастливых свиданий;
At any place in front of you Your fatal tempter waits for you.	Везде, везде перед тобой Твой искуситель роковой.
XVI	XVI
In grief of love Tatyana goes To their garden, she is sad;	Тоска любви Татьяну гонит, И в сад идет она грустить,
But suddenly her eye- lids close, She hasit- ates to make a step.,	И вдруг недвижны очи клонит, И лень ей далее ступить.
Her chest is high, her cheeks are covered By instant flame, they quickly flowered,	Приподнялася грудь, ланыты Мгновенным пламенем покрыты,
The breath is fading in her lips, She heard some noise, her eyes did glimpse...	Дыханье замерло в устах, И в слухе шум, и блеск в очах...
The night then comes, the moon is mooving Around distant parts of sky;	Настанет ночь; луна обходит Дозором дальный свод небес,

<p>A nightingale in haze of night His loud melodies is tuning.</p>	<p>И соловей во мгле древес Напевы звучные заводит.</p>
<p>In dark my Tanya's quite upset With nurse in whisper has a chat:</p>	<p>Татьяна в темноте не спит И тихо с няней говорит:</p>
<p>XVII</p>	<p>XVII</p>
<p>'...can't sleep, it's stuffy, you unclose The window and sit beside...'</p>	<p>"Не спится, няня: здесь так душно! Открой окно да сядь ко мне".</p>
<p>-But what is it -</p>	<p>- Что, Таня, что с тобой? -</p>
<p>' You tell of those Your old times... I've boring tide..'</p>	<p>"Мне скучно, Поговорим о старине".</p>
<p>-But what about?</p>	<p>- О чем же, Таня?</p>
<p>I had happened To know many old le- gends,</p>	<p>Я, бывало, Хранила в памяти не мало</p>
<p>A lot of stories with the whirls, With wicked ghosts and the girls...</p>	<p>Старинных былей, небылиц Про злых духов и про девиц;</p>

My memory is dark... I'm granny... And much forgot... of life the line	А нынче все мне тёмно, Таня: Что знала, то забыла.
Is drawn, in turn I've bad nay time.	Да, Пришла худая череда!
My poor mind...	Зашибло... -
- You tell me, nanny,	"Расскажи мне, няня,
About girls, you meant above, And how did you fall in love?	Про ваши старые года: Была ты влюблена тогда?"
XVIII	XVIII

-Ah, dear my! in my teenager We heard yet nothing of the love,	- И, полно, Таня! В эти лета Мы не слыхали про любовь;
Or otherwise I'd be with rages By all my kin pursued for love.-	А то бы согнала со света Меня покойница свекровь.-
'But how did you marry, nanny?' -It was by wish of God.	"Да как же ты венчалась, няня?" - Так, видно, бог велел.

My Vanny Was younger, than myself I mean, And I was, dear, yet thirteen.	Мой Ваня Моложе был меня, мой свет, А было мне тринадцать лет.
For weeks match- maker was then com- ing To all my kin, and due to that	Недели две ходила сваха К моей родне, и наконец
My father gave con- sent to wed.	Благословил меня отец.
In fear I was crying, darling,	Я горько плакала со страха,
In weep my plait was then undid, With songs to altar us could lead.	Мне с плачем косу расплели Да с пеньем в церковь повели.
XIX	XIX
And I'm in family un- known...	И вот ввели в семью чужую...
But are you listening yet to me?	Да ты не слушаешь меня... -
'Well... I, my nanny... don't know... For love I'm longing, dear me!	"Ах, няня, няня, я тоскую, Мне тошно, милая моя:

To cry, to weep I'm now ready...' -I see, you are unwell already	Я плакать, я рыдать готова!.." - Дитя мое, ты нездорова;
My dear God, you bless and save!	Господь помилуй и спаси!
What do you want to ask, you say!	Чего ты хочешь, попроси...
But let me help with sacred water.	Дай окроплю святой водою, Ты вся горишь... -
You are in heat.- - But I'm not ill Well... nanny, I'm in love, I feel., - God bless you now, dear daughter! -	"Я не больна: Я... знаешь, няня... влюблена". -Дитя мое, господь с тобою! -
The nurse was using own way To help the girl with cross and pray.	И няня девушку с мольбой Крестила дряхлою рукой.
XX	XX
'I fell in love', again she whispers In nurse's ear in dismay.	"Я влюблена", - шептала снова Старушке с горестью она.
-My hearty friend, you have some fevers.-	- Сердечный друг, ты нездорова.

' I fell in love... you'd get away	"Оставь меня: я влюблена".
Meanwhile the moon was brightly shining, By languid light it was enlightning	И между тем луна сияла И томным светом озаряла
Tatyana's pale and dismal charms, Her hair down let by chance,	Татьяны бледные красы, И распущенные власы,
The tracks of tears; in a chair In front of heroine in grief	И капли слез, и на скамейке Пред героиней молодой,

In wadded jacket and kerchief The old woman with grey hair.	С платком на голове седой, Старушку в длинной телогрейке;
And all around dreams in still, With light of moon its all fulfilled.	И все дремало в тишине При вдохновительной луне.
XX I	XXI
While at the moon Tatyana's looking, By own heart away she's gone...	И сердцем далеко носилась Татьяна, смотря на луну...
Of mind some vague a thought is moving...	Вдруг мысль в уме ее родилась...

'You, nanny, let me stay forlone.	"По́ди, оставь меня одну.
You give a pen and paper, dear, I'll stay in bed; make table near;	Да́й, ня́ня, мне перо, бума́гу, Да стол подвину́; я скоро лягу́;
Forgive me'.	Прости".
Lone in the room In stillness, in the light of moon	И вот она одна. Все тихо. Светит ей луна.
She's writing, on the table leaning, And always Eugene's kept in mind,	Облокотя́сь, Та́тьяна пише́т, И все Евге́ний на уме́,
Her letter of unwitting kind By love of innocence is breathing.	И в необдуманном письме́ Любо́вь невинной де́вы дыши́т.
The letter's ready, has been fit...	Письмо́ гото́во, сло́жено...
Tatyana, tell: for whom is it?	Та́тьяна! для́ кого́ ж оно́?
XXII	XXII

I knew some difficult
young ladies' Like
winter cold, pure,
light,

Я знал красавиц
недоступных,
Холодных, чистых,
как зима,

Implacable at their
ages, Inscrutable for
all my mind;

Неумолимых,
неподкупных,
Непостижимых для
ума;

In them I marvelled at
the virtue And fash-
ioned arrogance, that
hurts you,

Дивился я их спеси
модной, Их
добродетели
природной,

And I confess: from
them I fled: It seemed
with horror I had read

И, признаюсь, от них
бежал, И, мнится, с
ужасом читал

On their foreheads
words of Hades:
Forever hopes you
must leave...

Над их бровями
надпись ада: Оставь
надежду навсегда²⁰.

For them to love yet
meant to grieve, To
scare males was joy
for ages.

Внушать любовь для
них беда, Пугать
людей для них
отрада.

May be, you saw at
Neva's banks Some
ladies of these queer
ranks.

Быть может, на
берегах Невы
Подобных дам
видали вы.

XXIII

Among admirers obedient I've seen she-cranks of other kinds:

In pride they were with males indifferent.
At distance stayed from praise and sighs.

And I had found then, amazing: By their bashful, stern behaving

XXIII

Среди поклонников послушных Других причудниц я видал,

Самолюбиво равнодушных Для вздохов страстных и похвал.

И что ж нашел я с изумленьем? Они, суровым повеленьем

They scared love quite timid, shy., But they attracted lovers by

At least regret, sincerity, At least by sounds of the speech,

Which seemed to be more tender, rich; And with the trustful blind entreaty

Some youthful lover ran again Behind the fuss, but all in vain.

Пугая робкую любовь, Ее привлечь умели вновь

По крайней мере сожаленьем, По крайней мере звук речей

Казался иногда нежней, И с легковерным ослепленьем

Опять любовник молодой Бежал за милой суетой.

But why Talyana
should be guilty?

За что ж виновнее
Татьяна?

Because she's inno-
cent and plain,

За то ль, что в милой
простоте

Of fraud she knows
nothing strictly And
wants to dream her
life away?

Она не ведаёт
обмана И верит
избранной мечте?

Because her love is not
of fashion, Obedient to
the call of passion?

За то ль, что любит
без искусства,
Послушная
влеченью чувства,

Because ire, truthful-
ness she's swift? Be-
cause from heavens
got as gift

Что так доверчива
она, Что от небес
одарена

To have some quick
and restless fancy? Be-
cause her will and wit
has had

Воображением
мятежным, Умом и
волею живой,

And wayward, willful
is her head? Or heart
is flaming, tender,
healthy?

И своенравной
головой, И сердцем
пламенным и
нежным?

But can't you really ab- solve Her passions, if you them revolve?	Ужели не простите ей Вы легкомыслия страстей?
XXV	XXV
Coquette is judging al- ways coolly; Tatyana loves without jest,	Кокетка судит хладнокровно, Татьяна любит не шутя
For love she's dedic- ated truly Like loyal child for mother's nest,	И предается безусловно Любви, как милое дитя.
She doesn't say: 'Let us postpone For multiply- ing price of own	Не говорит она: отложим - Любви мы цену тем умножим,
Attractiveness; to catch in nets By first expressing some re- gret	Вернее в сети заведем; Сперва тщеславие кольнем
For hopes; then misun- derstanding Well use to break the heart; again	Надеждой, там недоуменьем Измучим сердце, а ПОТОМ
Return him life by jeal- ous flame Or other- wise the male offen- ded,	Ревнивым оживим огнем; А то, скучая наслажденьем,

Like prisoner from
any chain Is ready to
escape again,

Невольник хитрый
из оков Всечасно
вырваться готов.

XXVI

XXVI

But I forsee some more
of bounds: The hon-
our of my land to save,

Еще предвижу
затрудненья: Родной
земли спасая честь,

I have without any
doubts Tatyana's let-
ter to translate.

Я должен буду, без
сомненья, Письмо
Татьяны перевести.

Uneasily she was ex-
pressing Her thoughts
in mother tongue ex-
pressive;

Она по-русски плохо
знала, Журналов
наших не читала

Her Russian was yet
very bad As Russian
books she never read.

И выражалася с
трудом На языке
своем родном,

That's why in French
she's always writing.

Итак, писала по-
французски...

Alas! I must repeat
again:

Что делать!
повторяю вновь:

A lady's love until to-
day To speak her Rus-
sian isn't trying,

Доныне дамская
любовь Не
изъяснялася по-
русски,

And proud language's now lit For prose postal a bit.	Доныне гордый наш язык К почтовой прозе не привык.
XXVII	XXVII
To-day they wish to make each lady To read in Russian.	Я знаю: дам хотят заставить Читать по- русски.
What's the end?	Право, страх!
You'll hardly meet to- day a maiden With Russian magazine in hand.	Могут ли их себе представить С "Благонамеренным" 2 1 в руках!
My poets! I'd like to hear If I am right; the ladies dear	Я шлюсь на вас, мои поэты; Не правда ль: милые предметы,
To whom in secret you did write Some verse, your sins to justify,	Которым, за свои грехи, Писали втайне вы стихи,
To whom your hearts were dedicating,- In written Russian they were bad	Которым сердце посвящали, Не все ли, русским языком
As no knowledge they had had, And dearly were deforming	Владея слабо и с трудом, Его так мило искажали,

The grammar; language from abroad
For mother tongue they all had got.

И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?

XXVIII

XXVIII

And God forbid at evening party
Or after ball, at porch, on step

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разезде на крыльце

To meet a student while departing,
Or scholar wearing night cap.

С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!

I don't like the Russian speeches
Without grammar incompleteness,
As well as lips without smile.

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

Perhaps I'll grieve if in a while

Быть может, на беду мою,

Of younger beauties generation
Will follow the journal's call:

Красавиц новых поколенья,
Журналов вняв молящий глас,

To grammar will subdue us all, To verse will pay too much attention:

К грамматике приучит нас; Стихи введут в употребление;

But I... it doesn't bother me: To old times I'll loyal be.

Но я... какое дело мне? Я верен буду старине.

XXIX

XXIX

Some wrong and wry neglectful babble Of mispronouncing of words

Неправильный, небрежный лепет, Неточный выговор речей

Like long before make heart my tremble And all my soul always flirts.

По-прежнему сердечный трепет Произведут в груди моей;

To have remorse I haven't forces; Like Bogdanovich's all verses I'd like all dear gallicisms, As well as previous youthful sins.

Раскаяться во мне нет силы, Мне галлицизмы будут милы, Как прошлой юности грехи, Как Богдановича стихи.

But well, its time I should be busy: The beauty's letter I should use.

Но полно. Мне пора заняться Письмом красавицы моей;

But I am ready to refuse As its translation isn't easy.	Я слово дал, и что ж? ей-ей Теперь готов уж отказаться.
I know: Parny's tender rhymes Make no hit at present times.	Я знаю: нежного Парни Перо не в моде в наши дни.
XXX	XXX
The bard of feasts, of languid sadness, you had chance to stay with me,	Певец Пиров и грусти томной ²² , Когда б еще ты был со мной,
With my request im- modest, gladless I'd trouble you for help- ing me:	Я стал бы просьбою нескромной Тебя тревожить, милый мой:
To make your dear magic tuning Of beauty's passion mood, resuming	Чтоб на волшебные напевы Переложил ты страстной девы
Some foreign words, she often writes.	Иноплеменные слова.
But where are you? Come! My rights	Где ты? приходи: свои права
To you I give with my endeavours And bows.	Передаю тебе с поклоном...

But in gloomy cliffs	Но посреди печальных скал,
Instead of praise he gets yet griefs: Alone under Finnish heavens	Отвыкнув сердцем от похвал, Один, под финским небосклоном,
He's hiking. Never, I believe, He has been bothered that I grieve.	Он бродит, и душа его Не слышит горя моего.
XXXI	XXXI
In hands I have Tatyana's letter. It's kept by me with sac- red sigh.	Письмо Татьяны предо мною; Его я свято берегу,
With secret grief I read this matter, While reading cannot put aside.	Читаю с тайною тоскою И начитаться не могу.
By whom was tender- ness inspired? - With words neglectness who's admired?	Кто ей внушал и эту нежность, И слов любезную небрежность?
And who inspired touching talk Which looks like madman's hearty mock.	Кто ей внушал умильный вздор, Безумный сердца разговор,

It's both harmful and absorbing.	И увлекательный и вредный?
All that I don't grasp.	Я не могу понять.
Let's read	Но вот

My bad translation incomplete. Its like of picture poor copy; Or like of	Неполный, слабый перевод, С живой картины список бледный
"Freischutz" lovely tune {9} But played by pupils in a Fume.	Или разыгранный Фрейшиц Перстами робких учениц:
Tatyana's letter to Onegin.	Письмо
I write to you - what more or other To add to all by this is said?	Татьяны к Онегину Я к вам пишу - чего же боле? Что я могу еще сказать?
And now at your will is rather To punish me with scorn for that.	Теперь, я знаю, в вашей воле Меня презреньем наказать.
But if my wretched fate you rather Will grasp with pity little bit, You'll never leave me such unfit.	Но вы, к моей несчастной доле Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня.

At first I wished to
keep it secret; Believe
me: never of my
shame You'd guess, as
I would well behave

Сначала я молчать
хотела; Поверьте:
моего стыда Вы не
узнали б никогда,
Когда б надежду я
имела

If I had any hope rigid
Not often, mere once a
week,

Хоть редко, хоть в
неделю раз В
деревне нашей
видеть вас,

At you in village have
a weak But look. To
listen to your speak-
ing,

Чтоб только
слышать ваши речи,
Вам слово молвить,
и потом

A word to say, and
then again To think ar-
id think, but of the
same All day and night
until new meeting.

Все думать, думать
об одном И день и
ночь до новой
встречи.

They say, you are a
lone guy, In country's
stillness you are bor-
ing.

Но, говорят, вы
нелюдим; В глуши, в
деревне все вам
скучно,

And we... with noth-
ing can we shine, We
all to see you are ador-
ing.

А мы... ничем мы не
блестим, Хоть вам и
рады простодушно.

What for you visited all us?	Зачем вы посетили нас?
In village, in forgotten stillness Of you I'd never know, thus I wouldn't know tor- tures sleepless.	В глуши забытого селенья Я никогда не знала б вас, Не знала б горького мученья.
Of agitated soul's feel- ings	Души неопытной волненья Смирив со временем (как знать- ?),
With time I'd smooth and then might be I'd find a friend to suit my soul, Would be a loyal wife on whole, And virtuous mother I would be.	По сердцу я нашла бы друга, Была бы верная супруга И добродетельная мать.
Some other...	Другой!..
But to no person In all the world I'd give my heart,	Нет, никому на свете Не отдала бы сердца я!
It's all decided (it's my version) By heavens board: I'm yours at heart.	То в вышнем суждено совете... То воля неба: я твоя; Вся жизнь моя была залогом

My life has been a
pawn but fruitless Of
meeting with my dear
friend;

Свиданья верного с
тобой; Я знаю, ты
мне послан богом,

I know, you were sent
by goodness, You'll be
my guard until the
end,

До гроба ты
хранитель мой... Ты
в сновиденьях мне
являлся

You came to me when
I was sleeping, Un-
seen you were to me
beloved,

Незримый, ты мне
был уж мил, Твой
чудный взгляд меня
томил,

Your glance made lan-
guish me far love,
Your voice was touch-
ing all my feeling For
long... But that was not
a dreamt You came, at
once I got to know: In-
flamed and heated I
was whole.

В душе твой голос
раздавался Давно...
нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я
вмиг узнала, Вся
обомлела, запылала

And then I thought:
He's now in;

И в мыслях молвила:
вот он!

<p>It's true; to you I had boon listening, In still- ness spoke. you to me</p>	<p>Не правда ль? я тебя слыхала: Ты говорил со мной в тиши, Когда я бедным помогала</p>
<p>When I to wretchers was assisting Or by the prayer was releasing From stress my soul within me.</p>	<p>Или молитвой улаждала Тоску волнуемой души?</p>
<p>That instant I could trunk with reason</p>	<p>И в это самое мгновенье Не ты ли, милое виденье,</p>
<p>That you had come, my dear vision In darkness came for head of bed</p>	<p>В прозрачной темноте мелькнул, Приникнул тихо к изголовью?</p>
<p>And stilly neared me in calmness. I think its you with love and brightness Could whis- per full of hopes word.</p>	<p>Не ты ль, с отрадой и любовью, Слова надежды мне шепнул?</p>
<p>What are you: angel guardian trusty Or tempter treacherous and ghastly?</p>	<p>Кто ты, мой ангел ли хранитель, Или коварный искуситель:</p>
<p>You help my doubts to resolve:</p>	<p>Мои сомненья разреши.</p>

Well, may he all it is by now The fraud of innocent young girl	Быть может, это все пустое, Обман неопытной души!
For changes fated any- how...	И суждено совсем иное...
Let it be so: you have had	Но так и быть!
In hands my fate for ever now, In front of you I tears shed: De- fend my soul anyhow...	Судьбу мою Отныне я тебе вручаю, Перед тобою слезы лью, Твоей защиты умоляю...
Imagine: I'm alone, thus From no man have understanding...	Вообрази: я здесь одна, Никто меня не понимает,
It seems to me, my wit is fading And silently I perish must.	Рассудок мой изнемогает, И молча гибнуть я должна.
I wait: with glance when you approach Some hopes give to poor heart Or heavy dream you stop by hard Alas! deserved by me reproach.	Я жду тебя: единым взором Надежды сердца оживи Иль сон тяжелый перерви, Увы, заслуженным укором!
I stop!	Кончаю!
I dread to read again...	Страшно перечесть...

In fear shameful heart is sinking.	Стыдом и страхом замираю...
For me your honour is the bail, I trust you bravely all my feeling...	Но мне порукой ваша честь, И смело ей себя вверяю...
XXXII	XXXII
Tatyana now sighs and moans, The letter's trembling on her palm, The wafer's dry- ing on her own In- flamed by fever rigid tongue.	Татьяна то вздохнет, то охнет; Письмо дрожит в ее руке; Облатка розовая сохнет На воспаленном языке.
Her head to shoulder's inclining, Her light chemise is now slid- ing From charming shoulder away...	К плечу головешкой склонилась, Сорочка легкая спустилась С ее прелестного плеча...
But now radiant moon's ray Is dying out, and some quaky From earth gets out steam.	Но вот уж лунного луча Сиянье гаснет. Там долина Сквозь пар яснее.

A stream Like silver
shines. And after
dream By hornlet
peasants have been
waking.

Там поток
Засеребрился; там
рожок Пастуший
будит селянина.

Its morning: everyone
again Is up. To her it's
all the same.

Вот утро: встали все
давно, Моей Татьяне
все равно.

XXXIII

XXXIII

She doesn't see that
day is breaking. She
sits in bed with
hanging head And on
her letter isn't press-
ing Her well cut out
round stamp.

Она зари не
замечает, Сидит с
понишкой головой И
на письмо не
напирает Своей
печати вырезной.

But stealthily the door
unlocking Grey-haired
nurse already's walk-
ing, With tea on tray is
coming up: -My child,
it's time for getting up;
But, beauty, you are
now ready!

Но, дверь тихонько
отпирая, Уж ей
Филиппьевна седая
Приносит на подносе
чай. "Пора, дитя мое,
вставай: Да ты,
красавица, готова!

My dear early little
bird!

О пташка ранняя
моя!

<p>Last evening frightful words I'd heard; Thank God!</p>	<p>Вечор уж как боялась я!</p>
<p>I see you strong already!</p>	<p>Да, слава богу, ты здорова!</p>
<p>Of nightly grief I see none track, Your face is blushing poppy-red.-</p>	<p>Тоски ночной и следа нет, Лицо твое как маков цвет".</p>
<p>XXXIV</p>	<p>XXXIV</p>
<p>'Ah, will you do a fa- vour, nanny?' -All right, my dear, you command.-</p>	<p>- Ах! няня, сделай одолженье. - "Изволь, родная, прикажи".</p>
<p>'D'you think.' indeed... suspicions any... But do you see...</p>	<p>- Не думай... право... подозренье... Но видишь... ах! не откажи. -</p>
<p>Ah, don't mind' -My friend, by God to hail I dare--</p>	<p>"Мой друг, вот бог тебе порука".</p>
<p>'You send your grand- child stilly there To give this note to... to my...</p>	<p>- Итак, пошли тихонько внука С запиской этой к О... к тому...</p>

The neighbour... order
to your guy: Not say a
word he must be
ready, By no means to
call my name!... -To
whom, my dear?

К соседу... да велеть
ему, Чтоб он не
говорил ни слова,
Чтоб он не называл
меня... - "Кому же,
милая моя?

Tell again, You see, I'm
now muddle-headed.

Я нынче стала
бестолкова.

Too many neighbours
we have had, I cannot
count al! them yet.-

Кругом соседей
много есть; Куда мне
их и перечесть".

XXXV

XXXV

'What slow-witted you
are, nyanya!' -I'm old,
dear friend of heart,
My wit is now fading,
Tanya: But long ago I
was smart: By word of
barin's will I'd
rather...-

- Как недогадлива
ты, няня! -
"Сердечный друг, уж
я стара, Стара; тупеет
разум, Таня; А то,
бывало, я востра,
Бывало, слово
барской воли..."- Ах,
няня, няня! до того
ли?

'Ah, nanny, that is quite (mother, I'm never bothered by your wit; I speak of letter, you should fit For that Onegin' -Well done dealing.

Что нужды мне в твоём уме? Ты видишь, дело о письме К Онегину. - "Ну, дело, дело.

Do not be angry, dear. you Well know: I am dull for you...

Не гневайся, душа моя, Ты знаешь, непонятна я...

But you are pale... What are you feeling? 'It's nothing, nanny, not at all.

Да что ж ты снова побледнела?" - Так, няня, право ничего.

But send your boy, and first of all' .

Пошли же внука своего.

XXXVI

XXXVI

The day had gone, but no answer...

Но день протек, и нет ответа.

Next day has come...

Другой настал: все нет как нет.

She's up at once, Like shade she's pale, but no answer...

Бледна, как тень, с утра одета, Татьяна ждет: когда ж ответ?

Well dressed, she's
waiting for her
chance, But came to
Olga her adorer.,.

Приехал Ольгин
обожатель.

'And where is your
friend, the former?-
Vladimir such request
has got, It seems, he us
at all forgot.'

"Скажите: где же
ваш приятель? - Ему
вопрос хозяйки
был. - Он что-то нас
совсем забыл".

Tatyana's flushing, all
she's trembling - To be
to-day he promised
me,- Vladimir an-
swers, - may be, he For
post now yet is wait-
ing.- Tatyana stands,
she drops her eyes As
if reproached by the
vice.

Татьяна, вспыхнув,
задрожала. - Сегодня
быть он обещал, -
Старушке Ленский
отвечал, - Да, видно,
почта задержала. -
Татьяна потупила
взор, Как будто
слыша злой укор.

XXXVII

XXXVII

It's getting dark;
already, shining, Is
hissing evening samo-
var, It heats the tea-
pot, brought from
China; Light steam is
whirling so far.

Смеркалось; на
столе, блистая,
Шипел вечерний
самовар, Китайский
чайник нагревая;
Под ним клубился
легкий пар.

By Olga's hand the
tea's been pouring To
little cup of guest ador-
ing By dark and
sweetly scenting
stream; A boy already
brings the cream; At
window Tatyana's
standing, She's breath-
ing at the cooling glass
And lost in thought
quite deep and vast
With pretty finger she
is melting On misted
window's cool pane
Her pattern O.E. again.

Разлитый Ольгиной
рукою, По чашкам
темною струею Уже
душистый чай
бежал, И сливки
мальчик подавал;
Татьяна пред окном
стояла, На стекла
хладные дыша,
Задумавшись, моя
душа, Прелестным
пальчиком писала
На отуманенном
стекле Заветный
вензель О да Е.

XXXVIII

XXXVIII

Meanwhile her soul's
feelings moan, Her
tears filled her lan-
guid glance...

И между тем душа в
ней ныла, И слез был
полон томный взор.

What chatters!.. Blood
in her runs cold...

Вдруг топот!.. кровь
ее застыла.

They rush into the
yard at once!

Вот ближе! скачут...
и на двор Евгений!

'Ah, Eugene!', - She is quickly running, Like shade she's prompt, to exit's jumping, From porch for garden through the yard She flies, to look yet back it's hard; In short a minute she's been racing Across the bridges and the glade, Along the forest, brook, the lake, She is the lilac bushes breaking, Through flowers she runs... in wrench Without breath she reached a bench,

XXXIX

Has fallen...

' Here's He! that's Eugene!

My God! what thoughts could come to him!

"Ах!" - и легче тени Татьяна прыг в другие сени, С крыльца на двор, и прямо в сад, Летит, летит; взглянуть назад Не смеет; мигом обежала Куртины, мостики, лужок, Аллею к озеру, лесок, Кусты сирен переломала, По цветникам летя к ручью. И, задыхаясь, на скамью

XXXIX

Упала...

"Здесь он! здесь Евгений!

О боже! что подумал он!"

Of tortures full, her heart refuges The

В ней сердце, полное мучений, Хранит

hopes of her heavy
dream.

надежды темный
сон; Она дрожит и
жаром пышет,

She's trembling in the
heat of fever, □ For
him she waits and
doesn't hear That in
the garden maidens
sing, While they are
gathering, not seen, In
bushes berries: they
were given To sing
strict order (while they
job To make them
banns not to rob As
berries never could be
eaten: In country they
invented then The way
the banns to defend!),

И ждет: нейдет ли?
Но не слышит. В саду
служанки, на грядках,
Сбирали ягоду в
кустах И хором по
наказу пели (Наказ,
основанный на том,
Чтоб барской ягоды
тайком У ста
лукавые не ели И
пеньем были
заняты: Затея
сельской остроты!)

Maiden's Song

Песня девушек

Maidens dear, beauti-
ful, We are mates in
friendliness,

Девицы, красавицы,
Душеньки,
подруженьки,

Let us play inventfully,
Lot us play more hap-
pily,

Разыграйтесь
девицы,
Разгуляйтесь,
милые!

Let us sing in gaiety Song of maidens intimate,	Затяните песенку, Песенку заветную,
Lets attract. brave fellow To the chorus merryful,	Заманите молодца К хороводу нашему,
When we get that fellow, When we see him, instantly	Как заманим молодца, Как завидим издали,
Let's away get rapidly, Him bespatter easily	Разбежимтесь, милые, Закидаем вишеньем,
With the berries laughingly, Don't hear secretly	Вишеньем, малиною, Красною смородиной.
Maiden's singing intimate, Don't peep invisibly	Не ходи подслушивать Песенки заветные,
At the games of maidenhood.	Не ходи подсматривать Игры наши девичьи.
XL	XL
But she's neglectful to the singing, To ringing voices of the maids,	Они поют, и, с небреженьем Внимая звонкий голос их,

She waits impatiently for feeling That hearty tremble now fades,	Ждала Татьяна с нетерпеньем, Чтоб трепет сердца в ней затих,
That gets away of cheeks the flaming.	Чтобы прошло ланит пыланье.
Her breast as yet is greatly trembling,	Но в персях то же трепетанье,
But doesn't lade the heat of cheeks, And brighter, strikingly it heats,	И не проходит жар ланит, Но ярче, ярче лишь горит...
As well as poor moth is blending And shines like rainbowed a thing	Так бедный мотылек и блещет И бьется радужным крылом,
When him a school- boy clips the wing, Or like a little hare's trembling	Плененный школьным шалуном; Так зайчик в озими трепещет,
When sees: a hunter from afar At him is looking so far,	Увидя вдруг издалека В кусты припавшего стрелка.
XLI	XLI
At last she's very deeply sighing, From little bench is getting	Но наконец она вдохнула И встала со скамьи своей;

is going, and when
she's trying To turn
aside... is coming up

Пошла, но только
повернула В аллею,
прямо перед ней,

Just He! His gaze on
her he's fixing, Like
dreadful shade for her
he's reaching,

Блестящая взорами,
Евгений Стоит
подобно грозной
тени,

And she, as if she's
burned by flame, Has
stopped at once and
looks away...

И, как огнем
обожжена,
Остановилась она.

But sequels of the sud-
den meeting To-day,
my dear reader-friend,

Но следствия
нежданной встречи
Сегодня, милые
друзья,

I cannot show to the
end As I must go after
speaking

Пересказать не в
силах я; Мне должно
после долгой речи

To have a rest and
have a hike, That's
why I'll finish other
time.

И погулять и
отдохнуть: Докончу
после как-нибудь.

CHAPTER FOUR

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

La morale est dans
□□□□ la natura des
choses.

La morale est dans la
nature des choses.

Necker □□□□The
morality is □□□□In
the nature of things.

Necker.

I, II, III, IV, V, VI, VII

I. II. III. IV. V. VI. VII

The less we love a
pretty woman, The
easier she's liking us,

Чем меньше
женщину мы любим,
Тем легче нравимся
мы ей

The surely we may her
min Among the nets of
tempting fuss.

И тем ее вернее
губим Средь
обольстительных
сетей.

The cool debauchery
was known As science
of the love: its own

Разврат, бывало,
хладнокровный
Наукой славился
любовной,

Delights it glorifies it-
self, Without love it
revels self.

Сам о себе везде
трубя И наслаждаясь
не любя.

But such amusements,
yet important, Are
worthy of an old ape

Но эта важная забава
Достойна старых
обезьян

Of praised grandfath-
er's old age: The
Lovelace fame is now
rottened

Хваленых дедовских
времен: Ловласов
обветшала слава

With all the fame of
red high heels, With
grand, magestic old
wigs.

Со славой красных
каблуков И
величавых париков.

VIII

VIII

Who isn't bored to be
dissembling, To tell
the same who never
ends?

Кому не скучно
лицемерить,
Различно повторять
одно,

Who grandly tries but
mere rambling To
prove the people: eggs
is eggs?

Стараться важно в
том уверить, В чем
все уверены давно,

Who listens to the
same objections And
bans the thoughts of
wrong reflections

Всё те же слышать
возраженья,
Уничтожать
предрассужденья,

Of girls, which never
had that sin As they
are only thirteen?

Которых не было и
нет У девочки в
тринадцать лет!

Whom don't bore the
falseful fears, The
prayers, swears,
threats and hints,

Кого не утомят
угрозы, Моленья,
клятвы, мнимый
страх,

Love-letter secrets on
six sheets, The fraud,
the gossip, rings, the
tears,

Записки на шести
листах, Обманы,
сплетни, кольца,
слезы,

Of many kin suspi-
cious gaze, Of hus-
bands friendship's
heavy haze?

Надзоры теток,
матерей И дружба
тяжкая мужей!

IX

IX

That was the way of
Eugene's thinking.

Так точно думал мой
Евгений.

In his first youth he
was untrained,

Он в первой юности
своей

Was victim of the wild
misleading Of big his
passions unrestrained.

Был жертвой бурных
зablуждений И
необузданных
страстей.

By habits of the life
he's pampered, By
somebody he was well
tempered,

Привычкой жизни
избалован, Одним на
время очарован,

But others made him
disappoint! The slow
languid was the point.

Разочарованный
другим, Желаньем
медленно томим,

He's languished by the hits rebuffing, Attentive in the still and noise	Томим и ветренным успехом, Внимая в шуме и в тиши
To protests of soul's voice, Suppressed his yawning by his laugh- ing.	Роптанье вечное души, Зевоту подавляя смехом:
Eight years did he kill these ways, And thus he lost of prime young days.	Вот как убил он восемь лет, Утратя жизни лучший цвет.
X	X
He ceased to fall in love with beauties And dangled after like the rest;	В красавиц он уж не влюблялся, А волочился как- нибудь;
Himself consoled if not suited, Betrayed - was glad to have a rest,	Откажут - мигом утешался; Изменят - рад был отдохнуть.
He looked for girls without passion And left them all with none compassion,	Он их искал без упоенья, А оставлял без сожаленья,

Did not remember love and spite, Be- haved like some indif- ferent guy	Чуть помня их любовь и злость. Так точно равнодушный гость
For evening whist who's coming briskly, Sits down, plays not very hard,	На вист вечерний приезжает, Садится; кончилась игра:
Then gets he out of the yard, At home falls asleep too quickly,	Он уезжает со двора, Спокойно дома засыпает
At dawn who never knows yet The even- ing where will he spend.	И сам не знает поутру, Куда поедет ввечеру.
XI	XI
Onegin got Tatyana's message. It quickly touched his soul's strings:	Но, получив посланье Тани, Онегин живо тронут был:
For all his thoughts it was a passage - Unusu- al tongue of maiden's dreams.	Язык девических мечтаний В нем думы роem возмутил;

In thoughts her face
too pale he found, She
often seemed to be
cast down;

И вспомнил он
Татьяны милой И
бледный цвет и вид
унылый;

And into sweet and
sinless dream By soul
he was getting in.

И в сладостный,
безгрешный сон
Душою погрузился
он.

Of old times the heat
of feeling, May be,
could capture for a
while;

Быть может,
чувствий пыл
старинный Им на
минуту овладел;

He didn't want to
cheat meanwhile The
trusting heart of pure
being.

Но обмануть он не
хотел Доверчивость
души невинной.

For garden now we
shall fleet In which
she's got with him to
meet.

Теперь мы в сад
перелетим, Где
встретилась Татьяна
с ним.

XII

XII

Some minutes they
were silent both, One-
gin then to her came
up

Минуты две они
молчали, Но к ней
Онегин подошел

And. told her:

И молвил:

' To me you wrote, Do not deny.	"Вы ко мне писали, Не отпирайтесь.
I've read it up:	Я прочел
Of trusting soul hard confessions, Of pure love such good expressions;	Души доверчивой признанья, Любви невинной излиянья;
I can your frankness estimate, It made my feelings agitate	Мне ваша искренность мила; Она в волненье привела
And passions which were mute and heartless; To praise yet you I don't want;	Давно умолкнувшие чувства; Но вас хвалить я не хочу;
For it I shall repay a lot By my admission, truly artless;	Я за нее вам отплачу Признаньем также без искусства;
All my confessions must you take: For judgement yours I give my fate.	Примите исповедь мою: Себя на суд вам отдаю.
XIII	XIII
'If I would wish to have restricted My life by family, you see,	Когда бы жизнь домашним кругом Я ограничить захотел;

<p>If by my lot I were convicted A husband, father just to be,</p>	<p>Когда б мне быть отцом, супругом Приятный жребий повелел;</p>
<p>If by the family best vision For instant I'd be charmed with reason,-</p>	<p>Когда б семейственной картиной Пленился я хоть миг единый, -</p>
<p>Believe, I'd never try anew To look for better bride but. you.</p>	<p>То, верно б, кроме вас одной Невесты не искал иной.</p>
<p>I'll simply say without fevers: If previous idol I could find,</p>	<p>Скажу без блесков мадригальных: Нашед мой прежний идеал,</p>
<p>Alone you, to speak my mind, I'd take as friend of days my grievous,</p>	<p>Я, верно б, вас одну избрал В подруги дней моих печальных,</p>
<p>Of all the charming for the bail And would be happy... till I fail!</p>	<p>Всего прекрасного в заял, И был бы счастлив... сколько мог!</p>
<p>XI</p>	<p>XIV</p>
<p>I'm not quite made to be much happy. My soul's alien for bliss;</p>	<p>Но я не создан для блаженства; Ему чужда душа моя;</p>

Perfections yours
make speech my
gappy, Of them I'm not
yet worthy, miss.

Напрасны ваши
совершенства: Их
вовсе недостоин я.

Believe (for bail I give
my conscience), The
wedlock will be
poignant nonsense.

Поверьте (совесть в
том порукой),
Супружество нам
будет мукой.

I might be deeply lov-
ing you, But getting
used I'd run from you;

Я, сколько ни любил
бы вас, Привыкнув,
разлюблю тотчас;

Your tears, if you will
be crying, Would nev-
er touch my gloomy
heart,

Начнете плакать:
ваши слезы Не
тронут сердца моего,

But they would mad-
den it too hard.

А будут лишь бесить
его.

What roses, you can
be judging,

Судите ж вы, какие
розы

For us fine Hymen
now makes And
maybe yet for many
days.

Нам заготовит Г
именей И, может
быть, на много дней.

XV

XV

<p>'In all the world its most badly To see in family the wife</p>	<p>Что может быть на свете хуже Семьи, где бедная жена</p>
<p>Who's waiting for her husband sadly Alone daily all her life.</p>	<p>Грустит о недостойном муже, И днем и вечером одна;</p>
<p>That she is good, dull husband knows But at has fate he curses throws,</p>	<p>Где скучный муж, ей цену зная (Судьбу, однако ж, проклиная),</p>
<p>He's always frowned, taciturn, He's chilly, jealous, angry turned!</p>	<p>Всегда нахмурен, молчалив, Сердит и холодно-ревнив!</p>
<p>That's what I am.</p>	<p>Таков я.</p>
<p>Indeed, you won't With all your pure flaming heart</p>	<p>И того ль искали Вы чистой, пламенной душой,</p>
<p>Be glad with such a man... You smart With rare wit your letter wrote!</p>	<p>Когда с такою простотой, С таким умом ко мне писали?</p>
<p>Indeed, d'you have this kind of mate Destined to your severe. fate?</p>	<p>Ужели жребий вам такой Назначен строгую судьбой?</p>
<p>XVI</p>	<p>XVI</p>

<p>'My dreams and years won't rather Return to make me new a bit,</p>	<p>Мечтам и годам нет возврата; Не обновлю души моей...</p>
<p>I love you, but with love of brother And may be tenderer in- deed.</p>	<p>Я вас люблю любовью брата И, может быть, еще нежней.</p>
<p>You listen but without anger: With time young girl will change her temper,</p>	<p>Послушайте ж меня без гнева: Сменит не раз младая дева</p>
<p>Her easy dreams by other dreams; As well as trees can change the leaves</p>	<p>Мечтами легкие мечты; Так деревцо свои листы</p>
<p>In early spring of every year.</p>	<p>Меняет с каждою весною.</p>
<p>You see, by skies its predestined:</p>	<p>Так видно небом суждено.</p>
<p>You'll fall in love once more and find... You learn to rule yourself: I fear</p>	<p>Полюбите вы снова: но...</p>

Not any man can
grasp such things; Ig-
norance many
troubles brings'

Учитесь властвовать
собою; Не всякий
вас, как я, поймет; К
беде неопытность
ведет".

XVII

XVII

This way my Eugene
was her teaching.

Так проповедовал
Евгений.

Through tears never
seeing him,

Сквозь слез не видя
ничего,

Without breath, with
timid feeling Tatyana
listened then to him.

Едва дыша, без
возражений, Татьяна
слушала его.

He gave his hand; in all
her grievance (As they
would say, it was un-
witnessed)

Он подал руку ей.
Печально (Как
говорится,
машинально)

Tatyana silently curl
lean, Her languid head
she bent to him;

Татьяна молча
оперлась, Головкой
томною склонясь;

Through kitchen-
garden they went
home; They came to-
gether; no one

Пошли домой вкруг
огорода; Явились
вместе, и никто

Did try to make of that some fun: The country's freedom has its own	Не вздумал им пенять на то. Имеет сельская свобода
And happy rights for own self Like haughty Moscow itself.	Свои счастливые права, Как и надменная Москва.
XVIII	XVIII
And you agree, my dear reader: This time like real gentleman	Вы согласитесь, мой читатель, Что очень мило поступил
With dear Tanya he was eager Himself to show honest man,	С печальной Таней наш приятель; Не в первый раз он тут явил
Revealed his own soul simple, Meanwhile malevolence of people	Души прямое благородство, Хотя людей недоброхотство
With him was always on the bends: His en- emies as well as friends	В нем не щадило ничего: Враги его, друзья его
(It is the same for people simple) To curse him tried this way and that.	(Что, может быть, одно и то же) Его честили так и сяк.

Each man has enemies, but yet From friends defend us God a little	Врагов имеет в мире всяк, Но от друзей спаси нас, боже!
Ah, many friends were near then!	Уж эти мне друзья, друзья!
With reason I remembered them.	Об них недаром вспомнил я.
XIX	XIX
And what?	А что?
It's right.	Да так.
I simply wrote Of idle, blackish dreams of mine;	Я усыпляю Пустые, черные мечты;
In brackets I would like to note: You haven't more insulting lie,	Я только в скобках замечаю, Что нет презренной клеветы,
By liars secretly prepared, By worldly mob in chorus favoured,	На чердаке вралем рожденной И светской чернью ободренной,
And no nonsense in the world Or epigram with brutal word	Что нет нелепицы такой, Ни эпиграммы площадной,

Which friend of yours with smile of terror In circles decent, so right,	Которой бы ваш друг с улыбкой, В кругу порядочных людей,
---	--

Without purpose or a spite Would not re- peat for days in error;	Без всякой злобы и затей, Не повторил стократ ошибкой;
--	--

With might and main he'll you defend With love of kinsman, not of friend!	А впрочем, он за вас горой: Он вас так любит... как родной!
--	---

XX	XX
----	----

H'm, h'm! You, gener- ous my readers, Are all your kinsfolk o'key- ?	Гм! гм! Читатель благородный, Здорова ль ваша вся родня?
---	---

You let me now my ideas To tell you all this very day.	Позвольте: может быть, угодно Теперь узнать вам от меня,
--	--

What does the kinsfolk mean namely?	Что значит именно родные.
--	------------------------------

It means the following thing mainly:	Родные люди вот какие:
---	---------------------------

We must all time all them caress, Respect and love at heart, not less;	Мы их обязаны ласкать, Любить, душевно уважать
---	--

And by the people's usual custom On Christmas must we come to see;	И, по обычаю народа, О рождестве их навещать
To be the rest of year free Congratulations are accustomed;	Или по почте поздравлять, Чтоб остальное время года
We them remind about us...	Не думали о нас они...
And let them God long live for us!	Итак, дай бог им долги дни!
XXI	XXI
But then, the love of tender beauties More trusty is than friendship, kin,	Зато любовь красавиц нежных Надежней дружбы и родства:
And you have right to it, not duties, Among rebellious storms, I mean,	Над нею и средь бурь мятежных Вы сохраняете права.
It's right, of course, but trends of fashion, But of the nature willful pressure,	Конечно так. Но вихорь моды, Но своенравие природы,
Opinions of the worldly might...	Но мненья светского поток...

And fair sex like down's slight...	А милый пол, как пух, легок.
Besides, opinions of the husband By very good and virtuous wife	К тому ж и мнения супруга Для добродетельной жены
Most be respected for the life. And true girl- friend in love's adjust- ment	Всегда почтенны быть должны; Так ваша верная подруга
Sometimes allured is for days: With love the Satan jokes makes.	Бывает вмиг увлечена: Любовью шутит сатана.
XXII	XXII
But whom to love?	Кого ж любить?
Whom you'd be trust- ing?	Кому же верить?
Who's that, which nev- er us betrays?	Кто не изменит нам один?
Who's helpfully for us adjusting His own deeds and when he prays,	Кто все дела, все речи мерит Услужливо на наш аршин?

Who helps from slander not to perish?	Кто клеветы про нас не сеет?
--	---------------------------------

Who carefully us can cherish?	Кто нас заботливо лелеет?
To whom my vice is not a harm?	Кому порок наш не беда?
Who never bores us by his charm?	Кто не наскучит никогда?
By those phantoms he, vain seeker, Should not in vain exhaust himself:	Призрака суетный искатель, Трудов напрасно не губя,
You first of alt must love yourself, My dear venerable reader!	Любите самого себя, Достопочтенный мой читатель!
Such subject's worthy of your mind: More gentle never you will find.	Предмет достойный: ничего Любезней, верно, нет его.
XXIII	XXIII
What was the sequence of the meeting-?	Что было следствием свиданья?
Alas, it's easy to divine!	Увы, не трудно угадать!

Of love mad suffer-
ings she's feeling .
Without ceasing for a
while

Любви безумные
страданья Не
перестали волновать

In young sad soul's as-
pirations; And yet
much more with dis-
mal passions

Младой души,
печали жадной; Нет,
пуще страстью
безотрадной

Tatyana poor is in
heat; in bed she never
falls asleep;

Татьяна бедная
горит; Ее постели
сон бежит;

The health, the prime
of life, its sweetness,
The smile, the inno-
cent calm ease,-

Здоровье, жизни
цвет и сладость,
Улыбка,
девственный покой,

Ali that has gone like
sound's fizz, And dear
Tanya's youth all
dwindles:

Пропало все, что
звук пустой, И
меркнет милой Тани
младость:

The shade of coming
storm this way Is dark-
ening all the breaking
day.

Так одеваает бури
тьень Едва
рождающийся день.

XXIV

XXIV

Alas, Tatyana's daily
fading: She's paling,
sinking and is mute,

Увы, Татьяна
увядает, Бледнеет,
гаснет и молчит!

She's nothing ever entertaining,
For life she wouldn't give a hoot..

Ничто ее не занимает,
Ее души не шевелит.

All heads are now grandly shaking
The neighbours whisper (they are wailing):

Качая важно голову,
Соседи шепчут меж собою:

It's time, its time to marry her!

Пора, пора бы замуж ей!..

But it's enough to speak of her:

Но полно. Надо мне скорей

I'd cheer up imagination
By picture where love yet strives.

Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.

Unwittingly, you see,
the lives Confuse yet me with incarnation;

Невольню, милые мои,
Меня стесняет сожаленье;

Forgive me, but my love is deep
To Tanya's dear heart indeed.

Простите мне: я так люблю Татьяну
милую мою!

XXV

XXV

Each minute more is captivated
By Olga's beauty so young,

Час от часу плененный боле
Красами Ольги молодой,

By bondage Lensky's
fascinated, Gave up his
soul to the fun.

Владимир
сладостной неволе
Предался полною
душой.

With her he's ever in
her chamber Until the
daylight turns more
fainter;

Он вечно с ней. В ее
покое Они сидят в
потемках двое;

Or in the garden hand
in hand They walk at
morning so grand;

Они в саду, рука с
рукой, Гуляют
утренней порой;

And what?

И что ж?

By love intoxicated,
Embarrassed by the
tender shame,

Любовью упоенный,
В смятенье нежного
стыда,

Sometimes he dares
like in game, By smile
of Olga animated,

Он только смеет
иногда, Улыбкой
Ольги ободренный,

To play by her untwis-
ted lock, To kiss the
edge of Olga's frock.

Развитым локоном
играть Иль край
одежды целовать.

XXVI

XXVI

Sometimes to Olga he
is reading With mor-
als novel for herself,

Он иногда читает
Оле
Нравоучительный
роман,

Whose author bolter
nature's feeling Than
Chateaubriand does
himself.

В котором автор
знает боле Природу,
чем Шатобриан,

Meanwhile some two
or three of pages
(Some idle gibberish
or fables,

А между тем две, три
страницы (Пустые
бредни, небылицы,

But dangerous for the
maiden's heart) Quite
reddening he's miss-
ing up.

Опасные для сердца
дев) Он пропускает,
покраснев.

They are alone far
from people, Are play-
ing at the board of
chess,

Уединясь от всех
далеко, Они над
шахматной доской,

On table leaning with
slight press, Are sit-
ting, lost in thought. a
little,

На стол облокотясь,
порой Сидят,
задумавшись
глубоко,

And own pawn with
own rook Distracted
Lensky there took,

И Ленский пешкою
ладью Берет в
рассеянье свою.

XXVII

XXVII

When he's at home, al-
ways there By Olga is
he kept all day.

Поедет ли домой, и
дома Он занят
Ольгою своей.

Of album leaflets with his care To decorate he works away;	Летучие листки альбома Прилежно украшает ей:
In them he draws the country whole, The Kyprid's temple, graves alone:	То в них рисует сельски виды, Надгробный камень, храм Киприды,
Or on the lyre draws a dove With pens and paints, with all his love;	Или на лире голубка Пером и красками слегка;
Or on the leaves for re- collections, Of other signatures beneath	То на листках воспоминая Пониже подписи других
His own tender verse he leaves Like monu- ment to his affections,	Он оставляет нежный стих, Безмолвный памятник мечтая,

Of instant thought some slight a trace, But of the same for years race.	Мгновенной думы долгий след, Все тот же после многих лет.
XXVIII	XXVIII

Of course, for times you have been seeing A country maiden's al- bum big,	Конечно, вы не раз видали Уездной барышни альбом,
Which by the girl- friends had been scrib- bling From start, from end in any twig.	Что все подружки измарали С конца, с начала и кругом.
In it, in spite of rules of spelling Excessive verse, as they are telling,	Сюда, назло правописанью, Стихи без меры, по преданью
As sign of friendship's written in, Continued, lessened for the whim.	В знак дружбы верной внесены, Уменьшены, продолжены.
The first of leaflets just can show: Qu'ecrirez- vous sur ces tablettes;	На первом листике встречаешь Qu'?cri- rez-vous sur ces tab- lettes,
It's signed by t.a.v.	И подпись: t. ? v.
Annette; {10} And on the last one you read so:	Annette; А на последнем прочитаешь:

Who loves you more
than I can do Must
here write a verse
anew.

"Кто любит более
тебя, Пусть пишет
далее меня".

XXIX

XXIX

Without fail you'll find
them here: Two
hearts, the blooms, the
torch's rays;

Тут непременно вы
найдете Два сердца,
факел и цветки;

You'll find some voves
to the dear To love her
until dying days.

Тут верно клятвы вы
прочтете В любви до
гробовой доски;

Some poet from ranks
of army Signed verse
of villaine, though
charming.

Какой-нибудь пиит
армейский Тут
подмахнул стишок
злодейский.

To such an album, be-
ing tight, If to confess,
I'd like to write,

В такой альбом, мои
друзья, Признаться,
рад писать и я,

With all my soul being
sure That any rubbish,
done with zeal,

Уверен будучи
душою, Что всякий
мой усердный вздор

Will get some favour-
able deal, And after-
wards they'll not en-
dure

Заслужит
благосклонный взор
И что потом с
улыбкой злою

Maliciously discuss
with smiles: If I was
sharp or dull in lies,

Не станут важно
разбирать, Остро иль
нет я мог соврать.

XXX

XXX

But uncoordinated
volumes From devil's
library all got,

Но вы, разрозненные
томы Из библиотеки
чертей,

And albums perfect
but enormous, Of styl-
ish rhymers racking
lot,

Великолепные
альбомы, Мученье
модных рифмачей,

You all, whom decor-
ated quickly Tolstoy
with brush such won-
drous, sweatily,

Вы, украшенные
проворно Толстого
кистью чудотворной

Or Baratinsky with his
pen,- Let be you birnt
by thunder then!

Иль Баратынского
пером, Пускай
сожжет вас божий
гром!

When some
respiended dear lady
To give in quatro me
yet tries, {11}

Когда блистательная
дама Мне свой in-
quarto подает,

I am engulfed by trembling vice: An epigram is being ready	И дрожь и злость меня берет, И шевелится эпиграмма
At bottom of my soul fast... But give them madrigal at last!	Во глубине моей души, А мадригалы им пиши!
XXXI	XXXI
Not madrigals my Lensky's writing In Olga's album, and indeed	Не мадригалы Ленский пишет В альбоме Ольги молодой;
His pen with love is always sighing Without coolness of the wit:	Его перо любовью дышит, Не хладно блещет остротой;
He writes of all that he can hear Or see of Olga in the near,	Что ни заметит, ни услышит Об Ольге, он про то и пишет:
And full of truth which he can meet His elegies like rivers fleet.	И, полны истины живой, Текут элегии рекой.
Thus you, Yazykov, always wrote {12} In gust of passion of your heart,	Так ты, Языков вдохновенный, В порывах сердца своего,

God knows, whom by words you dart; Of elegies the precious code	Поешь бог ведает кого, И свод элегий драгоценный
Sometimes will give you all the rate Of all your own real fate.	Представит некогда тебе Всю повесть о твоей судьбе.
XXXII	XXXII
But hist!	Но тише!
D'you hear?	Слышишь?
Critic strictly Demands from us: be getting rid	Критик строгий Повелевает сбросить нам
Of elegy's bad garland quickly; To all the rhymers, friends indeed,	Элегии венок убогий, И нашей братье рифмачам
He shouts: 'Stop your own crying And croaking the same, and whining,	Кричит: "Да перестаньте плакать, И всё одно и то же квакать,
And always pity of the past; Enough, of other sing you fast!	Жалеть о прежнем, о былом: Довольно, пойте о другом!"

-it's right, but may be you will show The pipe, the dagger and the man;	- Ты прав, и верно нам укажешь Трубу, личину и кинжал,
Of thoughts dead cap- ital again To raise from dead you'll give a hope;	И мыслей мертвый капитал Отвсюду воскресить прикажешь:
Is not it so, friend?	Не так ли, друг?
- Not, then!	- Ничуть.
You write the odes, gentlemen,	Куда! "Пишите оды, господа,
XXXIII	XXXIII
As they them wrote many years Of might, as it through ages came..'	Как их писали в мощны годы, Как было встарь заведено..."

-Just solemn odes you could hear!	- Одни торжественные оды!
Enough, my friend, its all the same!	И, полно, друг; не все ль равно?
-What said the satirist, remember!	Припомни, что сказал сатирик!
Is cunning lyric, who can render	"Чужого толка" хитрый лирик

The 'else's trends', for you the best Among dull rhymers and the rest? -	Ужели для тебя сносней Унылых наших рифмачей? -
'But all the elegies are mere A trifle, aimless idle talk,	"Но всё в элегии ничтожно; Пустая цель ее жалка;
Meanwhile they most be not a mock, But honourable..!' - I could here	Меж тем цель оды высока И благородна..." Тут бы можно
Give arguments, but I do not: To quarrel ages don't want.	Поспорить нам, но я молчу: Два века ссорить не хочу.
XXXIV	XXXIV
Adorer of the glory, freedom, Immersed in own stormy thought,	Поклонник славы и свободы, В волненье бурных дум своих,
Vladimir could have odes written, - To road them Olga never got.	Владимир и писал бы оды, Да Ольга не читала их.
Did happen any bard in tears To deer love to read with fears	Случалось ли поэтам слезным Читать в глаза своим любезным
His own works?	Свои творенья?

They say, they'd got For that the best in world reward.	Говорят, Что в мире выше нет наград.
Indeed, he's blessed, the lover tranquil, Who can explain his own dreams	И впрям, блажен любовник скромный, Читающий мечты свои
To object of his love and hymns, To beauty dear, nicely languid.	Предмету песен и любви, Красавице приятно-томной!
He's blessed... But may be she has been Amused by other, not by him.	Блажен... хоть, может быть, она Совсем иным развлечена.
XXXV	XXXV
But I my fruits of dreams am reading, And my harmonious ventured verse	Но я плоды моих мечтаний И гармонических затей
Alone to my nurse, who's being My old friend from youth and forth.	Читаю только старой няне, Подруге юности моей,
And after rather tedi- ous dinner, When I, re- freshing own inner,	Да после скучного обеда Ко мне забрешшего соседа,

Could catch a neighbour, who by chance Came in -by tragedy at once Him entertained.	Поймав неожиданно за полу, Душу трагедией в углу,
Without jokes By bore and rhyme depressed, all day	Или (но это кроме шуток), Тоской и рифмами томим,
I'm hiking round pretty lake, Some flocks of ducks by chance awoke,	Бродя над озером моим, Пугаю стадо диких уток:

And listening Id my singing rhyme From banks they all togeth- er fly.	Вняв пенью сладкозвучных строф, Они слетают с берегов.
XXXVI, XXXVII	XXXVI. XXXVII
And what's Onegin do- ing?	А что ж Онегин?
Brothers!	Кстати, братья!
I ask: be patient for a time;	Терпенья вашего прошу:
His everyday employ- ments rather In de- tails I should well de- scribe.	Его вседневные занятия Я вам подробно опишу.

In summer Eugene lived like hermit: Past six was getting up in hamlet,	Онегин жил анахоретом: В седьмом часу вставал он летом
And to the river, lightly clad Beneath the mounting he went;	И отправлялся налегке К бегущей под горой реке;
The Gulnare's singer imitating {13} Across this Hellespont could swim:	Певцу Гюльнары подражая, Сей Геллеспонт переплывал,
At home coffee used to drink; Were poor journals for him wait- ing.	Потом свой кофе выпивал, Плохой журнал перебирая,
And then he dressed himself...	И одевался...
XXXVIII, XXXIX	XXXVIII. XXXIX
A sound sleep, the walks, the reading. The forest shade, of brooks the hiss, -	Прогулки, чтение, сон глубокой, Лесная тьнь, журчанье струй,
Sometimes with pretty girl a meeting, A young and fresh un- waited kiss,	Порой белянки черноокой Младой и свежий поцелуй,

<p>The horse for rider proved obedience, The dinner rather well fas- tidious,</p>	<p>Узде послушный конь ретивый, Обед довольно прихотливый,</p>
<p>A bottle of some light sweet wine, Some solitude, the stillness fine:</p>	<p>Бутылка светлого вина, Уединенье, тишина:</p>
<p>Onegin's life is some- what sacred; And he, unfeeling, was to it</p>	<p>Вот жизнь Онегина святая; И нечувствительно он ей</p>
<p>All given up in sum- mer heat. To count days he simply hated,</p>	<p>Предался, красных летних дней В беспечной неге не считая,</p>
<p>Forgot the town and the friends, And bore- dom of the festive blends.</p>	<p>Забыв и город, и друзей, И скуку праздничных затей.</p>
<p>XL</p>	<p>XL</p>
<p>But all the nothern Russian summer Of south winter bad bur- lesque:</p>	<p>Но наше северное лето, Карикатура южных зим,</p>

Appeared-vanished
quickly rather, We
gee, but don't we. con-
fess.

Мелькнет и нет:
известно это, Хоть
мы признаться не
ХОТИМ.

With autumn skies
were daily breathing,
Not every day the sun
was gleaming,

Уж небо осенью
дышало, Уж реже
солнышко блистало,

Each day was shorter
at the noon, The secret
canopy of wood

Короче становился
день, Лесов
таинственная сень

With grievous noise
became all naked, The
tog was falling on the
fields,

С печальным шумом
обнажалась,
Ложился на поля
туман,

The caravan of crying
geese For south
fleeted. And unwaited

Гусей крикливых
караван Тянулся к
югу: приближалась

The time was coming,
dull and hard: Novem-
ber stood in front of
yard.

Довольно скучная
пора; Стоял ноябрь
уж у двора.

XLI

XLI

At break of dawn the night is cold; In corn-fields work has ceased away;	Встает заря во мгле холодной; На нивах шум работ умолк;
With his she-wolf, in hunger bold, A wolf is coming to the way;	С своей волчихою голодной Выходит на дорогу волк;
Him scenting, horses on the road All snort, and travellers quickly hold:	Его почуя, конь дорожный Храпит - и путник осторожный
You'd better hurry up away. The shepherd at the break of day	Несется в гору во весь дух; На утренней заре пастух
Does not make cows go out, And when at noon they are forlone,	Не гонит уж коров из хлева, И в час полуденный в кружок
He doesn't gather them with horn. A maiden's singing in her house,	Их не зовет его рожок; В избушке распевая, дева ²³
She spins; a friend of winter night The splinter's crackling making light.	Прядет, и, зимних друг ночей, Трещит лучинка перед ней.
XLII	XLII

But nowadays the
frosts are crackling (A
rhyme for crackling,
one foresees;

И вот уже трещат
морозы И серебрятся
среди полей...

Its here: take it and be
'tackling' !) All look
like silver snowy
fields...

(Читатель ждет уж
рифмы розы; На, вот
возьми ее скорей!)

More pretty than a
parquette fashioned,
The river, clad in ice,
is flashy,

Опрятней модного
паркета Блистает
речка, льдом одета.

And many boys with
joyful cries Are scar-
ing on sonorous ice;

Мальчишек
радостный народ²⁴
Коньками звучно
режет лед;

On reddish paws a
goose, such heavy, To
get to waters wants to
swim:

На красных лапках
гусь тяжелый,
Задумав плыть по
лону вод,

With care steps on icy
brim And slips, and
falls; all fluffy, merry

Ступает бережно на
лед, Скользит и
падает; веселый

The snowflakes are
flashing, whirl, Like
stars at river's banks
they fall.

Мелькает, вьется
первый снег,
Звездами падая на
берег.

XLIII	XLIII
Such time what can you do in village?	В глуши что делать в эту пору?
To walk?	Гулять?
The seasons country views	Деревня той порой
Unwittingly may bore by image Of its monotonous naked hues.	Невольно докучает взору Однообразной наготой.

To ride a horse in steppe severe?	Скакать верхом в степи суровой?
But then your horse will try in fear	Но конь, притупленной подковой
To scratch unfaithful icy path As he's afraid to fall at last.	Неверный зацепляя лед, Того и жди, что упадет.
Deserted room alone filling You read; it's Pradt, it's Walter Scott.	Сиди под кровлею пустынной, Читай: вот Прадт, вот W. Scott.
You don't want? - check up your cost, Or grudge, or drink, and thus the evening	Не хочешь? - поверяй расход, Сердись иль пей, и вечер длинный

Will pass away more
fast, they tell, And you
will pass the winter
well.

Кой-как пройдет, а
завтра тож, И славно
зиму проведешь.

XLIV

XLIV

Like Harold Child One-
gin's fallen Into the
thoughtful lazy haze:

Прямым Онегин
Чильд-Гарольдом
Вдался в задумчивую
лень:

From bed to icy bath
had fallen And after-
wards was whole days

Со сна садится в
ванну со льдом, И
после, дома целый
день,

Engaged alone with
accounts; Or, taking
cue like somewhat ar-
mours,

Один, в расчеты
погруженный,
Тупым кием
вооруженный,

At own billiard with
two balls He played
from morning one for
all.

Он на бильярде в два
шара Играет с самого
утра.

But when to country
comes the evening The
billiard, cues are left
again,

Настанет вечер
деревенский:
Бильярд оставлен,
кий забыт,

At fire-place the table's lain: Onegin's waiting - Lensky's speeding	Перед камином стол накрыт, Евгений ждет: вот едет Ленский
On roan horses, three abrest; Arid let's have dinner before rest!	На тройке чалых лошадей; Давай обедать поскорей!
XLV	XLV
Of 'Clicquot widow' or 'Moet' Some blessed and fine the dry white wine	Вдовы Клико или Моэта Благословенное вино
In icy bottle for the poet Sometimes is brought at proper time.	В бутылке мерзлой для поэта На стол тотчас принесено.
I It sparkles by Hippo- crene's role, It was by own play and foam	Оно сверкает Ипокреной;25 Оно своей игрой и пеной
(Which seemed to be like this and that) Me captivating; and for that	(Подобием того-сего) Меня пленяло: за него
I last and poor mite was giving For you myself, remember this;	Последний бедный лепт, бывало, Давал я. Помните ль, друзья?

But its magestic merry fizz Caused foolish- ness and some misgiv- ing,	Его волшебная струя Рождала глупостей не мало,
And many verses, jokes, whims, And ar- guments, and merry dreams.	А сколько шуток и стихов, И споров, и веселых снов!
XLVI	XLVI

But it betrays with froth imprudent My stomack. I have never sought	Но изменяет пеной шумной Оно желудку моему,
It now; but 'Bordeaux' prudent To-day to oth- ers nave prefered.	И я Бордо благоразумный Уж нынче предпочел ему.
Some wines to me are not ajusted, Remind a lady-lover rusted,	К Ау я больше не способен; Ау любовнице подобен
Which's shiny, windy and alive, But selfish, idle, thirsts for thrive.	Блестящей, ветреной, живой, И своенравной, и пустой...

And you, 'Bordeaux' you came friendly, Like friend in trouble and in grief,	Но ты, Бордо, подобен другу, Который, в горе и в беде,
You are like comrade, I believe, To help are ready always gently,	Товарищ завсегда, езде, Готов нам оказать услугу
Can share stillness of pastimes; Long live	Иль тихий разделить досуг.
' Bordeaux' all the times!	Да здравствует Бордо, наш друг!
XLVII	XLVII
The fire's dead; and under ashes Like gold is the coal's crust;	Огонь потух; едва золою Подернут уголь золотой;
A jet of steam yet hardly flashes, its whirling, vanishes at last.	Едва заметною струею Виется пар, и теплотой
The fire-place is fad- ing...	Камин чуть дышит.
Smoke From pipes to chimney flies.	Дым из трубок В трубу уходит.
A bowl	Светлый кубок
On table's hissing yet, forlorn...	Еще шипит среди стола.

The evening darkness comes along...	Вечерняя находит мгла...
I like the friendly idle speakings And friendly howl of sweet wine	(Люблю я дружеские враки И дружеский бокал вина
(At season, which is called meanwhile The time of wolf and dog for meetings,	Порою той, что названа Пора меж волка и собаки,
But why? I don't grasp it yet). {14} And now friends enjoy a chat..	А почему, не вижу я.) Теперь беседуют друзья:
XLVIII	XLVIII
'But how are Tatyana, neighbours, And Olga, frisky pretty girl?'	"Ну, что соседки? Что Татьяна? Что Ольга резвая твоя?"
- To pour half-glass you do a favour...	- Налей еще мне полстакана...
Enough, my dear...	Довольно, милый...
Healthy all...	Вся семья
Regards of them to you I'm giving.	Здорова; кланяться велели.
Ah, dear, all my inner feeling	Ах, милый, как похорошели

Adores my Olga: figure, breast!	У Ольги плечи, что за грудь!
You'll see: they all become the bosh	Что за душа!... Когда-нибудь
Let's visit them; you'll be obliging: Or otherwise you judge yourself:	Заедем к ним; ты их обяжешь; А то, мой друг, суди ты сам:
You came two times, but then of self You don't make them yet reminding	Два раза заглянул, а там Уж к ним и носу не покажешь.
And thus... But what a fool I am I They call you: come next week to them.-	Да вот... какой же я болван! Ты к ним на той неделе зван.
XLIX	XLIX
'Me?' - Yes, Tatyana's name-day happy Will be on Saturday...	"Я?" - Да, Татьяны именины В субботу. Оленька и мать
They call, And no reason, even gappy, You have for not to come at all.-	Велели звать, и нет причины Тебе на зов не приезжать. -

'But they will have a throng of people And all the other rabble feeble..?.	"Но куча будет там народу И всякого такого сброду..."
-But no one...	- И, никого, уверен я!
I'm sure... none, They'll be the family, the one.	Кто будет там? своя семья.
Let's go, do thorn such a favour!	Поедем, сделай одолженье!
And what? -	Ну, что ж? -
' Agreed' - You... dear guy!	"Согласен". - Как ты мил! -
And saying so, made he dry A glass to health of dear neighbour,	При сих словах он осушил стакан, соседке приношенье,
And then was speaking of the same: Of Olga, dear love, again!	Потом разговорился вновь Про Ольгу: такова любовь!
L	L
With joy he knew: for wedding carriage Two weeks ahead was fixed above.	Он весел был. Чрез две недели Назначен был счастливый срок.

<p>The secrets of the bed of marriage, The gar- lands of the sweetest love</p>	<p>И тайна брачныя постели, И сладостной любви венок</p>
<p>For his delight were just awaiting.</p>	<p>Его восторгов ожидали.</p>
<p>But Hymen's troubles, griefs of mating,</p>	<p>Гимена хлопоты, печали,</p>
<p>The yawnings, other cold things He never saw in any dreams.</p>	<p>Зевоты хладная чреда Ему не снились никогда.</p>
<p>Meanwhile we all. of Hymen foes, In home life yet see but one</p>	<p>Меж тем как мы, враги Гимена, В домашней жизни зрим один</p>
<p>And boring pictures' row, done In style of La Fontaine's sweet novels.</p>	<p>Ряд утомительных картин, Роман во вкусе Лафонтена...26</p>
<p>My poor Lensky with his heart For such a life was born, young bard.</p>	<p>Мой бедный Ленский, сердцем он Для оной жизни был рожден.</p>
<p>LI</p>	<p>LI</p>

He was beloved., at
least was grateful To
have such hope like a
balm.

Он был любим... по
крайней мере Так
думал он, и был
счастлив.

A hundred times is
blessed, who's faithful.
Who's got his wit to be
quite calm,

Стократ блажен, кто
предан вере, Кто,
хладный ум
угомонив,

Reposes in heart con-
tentment Like drunk-
ard, spending night for
payment,

Покоится в
сердечной неге, Как
пьяный путник на
ночлеге,

Or tenderer - like little
moth Which sucks
spring flower with
force;

Или, нежней, как
мотылек, В весенний
впившийся цветок;

But wretched is, who's
all foreseeing, Who
never felt some ache
of head,

Но жалок тот, кто все
предвидит, Чья не
кружится голова,

Who hates the moving
and the word When
you translate him
their meaning;

Кто все движенья,
все слова В их
переводе ненавидит,

Whose knowledge
makes his heart all
cool Arid him forbids
to play the foolt

Чье сердце опыт
остудил И
забываться
запретил!

CHAPTER FIVE

ГЛАВА ПЯТАЯ

Oh, don't know dread-
ful dreams □□□□ You,
my young Svetlana

О, не знай сих
страшных снов Ты,
моя Светлана!

Zhookovsky

Жуковский.

I

I

That year pretty au-
tumn weather Too
long was staying on in
yard,

В тот год осенняя
погода Стояла долго
на дворе,

The winter had been
longed by nature, In
January it snowed
hard.

Зимы ждала, ждала
природа. Снег выпал
только в январе

On day the third at
early morning Tatyana
saw and was adoring:

На третье в ночь.
Проснувшись рано, В
окно увидела
Татьяна

The yard was under
snow dense: Parterres,
roofs and all the fence;

Поутру побелевший
двор, Куртины,
кровли и забор,

The panes with pat-
terns are like marvel,
By snow flocks are
covered trees,

На стеклах легкие
узоры, Деревья в
зимнем серебре,

Some merry magpies
Tanya sees, All moun-
tains were smoothly
covered

Сорок веселых на
дворе И мягко
устланные горы

By winter carpets,
snow-made.

Зимы
блистательным
ковром.

All's blight, all's white
without shade.

Все ярко, все бело
кругом.

II

II

It's winter!..

Зима!..

Young triumphant
peasant On wooden
sledge renews the
way.

Крестьянин,
торжествуя, На
дровнях обновляет
путь;

His horse the snow
feels at present, Its
trotting, lazily away.

Его лошадка, снег
почуя, Плетется
рысью как-нибудь;

A brave sledge-cart
from field's returning,
It's fluffy furrows up-
turning,

Бразды пушистые
взрывая, Летит
кибитка удалая;

The coachman's on -
box with lash In
sheepskin coat and red
sash.

Ямщик сидит на
облучке В тулупе, в
красном кушаке.

A yard boy's running
in the middle, He
made his dog in sledge
to sit

Вот бегают дворовый
мальчик, В салазки
жучку посадив,

While he preferred to
play a steed. His finger's
frozen a little,

Себя в коня
преобразив; Шалун
уж заморозил
пальчик:

It hurts, he laughs,
through window-
panes At him his
mother's finger
shakes.

Ему и больно и
смешно, А мать
грозит ему в окно...

III

III

But may be those
kinds of pictures By
now can't you all at-
tract,

Но, может быть,
такого рода Картины
вас не привлекают:

As they are mean and
simple features, You
won't see fine art in
that.

Все это низкая
природа; Изящного
не много тут.

But blessed by God of inspiration Another one in. rhymes of fash- ion.	Согретый вдохновенья богом, Другой поэт роскошным слогом
Described for us the snowfall, {15} The winter's bliss and tinges all:	Живописал нам первый снег И все оттенки зимних нег;27
He'll fascinate you, I am sure, By picturing in flaming verse	Он вас пленит, я в том уверен, Рисуя в пламенных стихах
The secret drives in sledge rehearse; But I am ready to endure	Прогулки тайные в санях; Но я бороться не намерен
The peaceful life with him and you, Who pic- tured Finnish frosts anew. {16}	Ни с ним покамест, ни с тобой, Певец финляндки молодой!28
IV	IV
Tatyana (Russian in her soul, Herself she doesn't know why)	Татьяна (русская душою, Сама не зная почему)
With all her cooling beauty lone Did like the Russian winter fine:	С ее холодной красою Любила русскую зиму,

<p>The rime on frosty days yet sunlit; And sledges; and before the sunset</p>	<p>На солнце иний в день морозный, И сани, и зарею поздной</p>
<p>The snow's rose shining charm; On Christmas evenings hazy calm.</p>	<p>Сиянье розовых снегов, И мглу крещенских вечеров.</p>
<p>Of old age triumphant customs At home were supported hard:</p>	<p>По старине торжествовали В их доме эти вечера:</p>
<p>All servant maidens in the yard To guess the fortune were accustomed,</p>	<p>Служанки со всего двора Про барышень своих гадали</p>
<p>Each year guessed for misses much: From army husbands and the march.</p>	<p>И им сулили каждый год Мужьев военных и поход.</p>
<p>V</p>	<p>V</p>
<p>Tatyana trusted legend's fancies Of simple folk's old times.</p>	<p>Татьяна верила преданьям Простонародной старины,</p>

And dreams as well as cartomancies, The moons predictions in the skies.	И снам, и карточным гаданьям, И предсказаниям луны.
By many signs she's al- ways worried, In secret way all objects hurried	Ее тревожили приметы; Таинственно ей все предметы

To tell her something of the rest; Misgivings hardly squeezed her breast.	Провозглашали что- нибудь, Предчувствия теснили грудь.
If mincing cat, on stove sitting, While purring could his muzzle wash,	Жеманный кот, на печке сидя, Мурлыча, лапкой рыльце мыл:
For her the truthful sign it was That guests are coming.	То несомненный знак ей был, Что едут гости.
If she's seeing	Вдруг увидя
A young two-horned the moon at sky, But at unusual left the side,	Младой двурогий лик луны На небе с левой стороны,
VI	VI
She all is trembling, paling, shying.	Она дрожала и бледнела.

And when a falling shining star	Когда ж падучая звезда
Along the darkish sky is flying To scatter in the sky afar,	По небу темному летела И рассыпалася, - тогда
In great confusion she is hastening, While falling star yet isn't fading,	В смятенье Таня торопилась, Пока звезда еще катилась,
The wish of heart to whisper her.	Желанье сердца ей шепнуть.
And when sometimes in front of her	Когда случилось где- нибудь
A monk in black by chance appears, Or quick a hare in the fields	Ей встретить черного монаха Иль быстрый заяц меж полей
Her way is crossing, then she feels Herself embarrassed; and of tears,	Перебегал дорогу ей, Не зная, что начать со страха,
Of sad misgivings she is full, Foresees mis- fortunes as a rife.	Предчувствий горестных полна, Ждала несчастья уж она.
VII	VII

Well, she had found charming secret In sense of horror by it- self:	Что ж? Тайну прелесть находила И в самом ужасе она:
Each one by nature is restricted By contradictions in himself.	Так нас природа сотворила, К противуречию склонна.
The Christmas tide for joy is coming!	Настали святки. То-то радость!
To guess the windy youth is trying	Гадает ветреная младость,
Which doesn't pity any things, In front of which the life yet is	Которой ничего не жаль, Перед которой жизни даль
Immense and light, at distance waiting; Through glasses old people guess	Лежит светла, необозрима; Гадает старость сквозь очки
The end of life; of loss confess With no hopes for regaining:	У гробовой своей доски, Все потеряв невозвратимо;
But all the same, the hope them With baby-talk is lying then.	И все равно: надежда им Лжет детским лепетом своим.
VIII	VIII

<p>Tatyana's interest is affected By melting on the fire wax:</p>	<p>Татьяна любопытным взором На воск потопленный глядит:</p>
<p>It shows traceries affective, Informs of mind's the secret backs.</p>	<p>Он чудно вылитым узором Ей что-то чудное гласит;</p>
<p>From saucers, filled with clear waters Some rings get out as on trotters</p>	<p>Из блюда, полного водою, Выходят кольца чередою;</p>
<p>To her they gave a little ring, An old song began to sing:</p>	<p>И вынулось колечко ей Под песенку старинных дней:</p>
<p>All peasants-men there are enriching, They get the silver with a spade,</p>	<p>"Там мужички-то все богаты, Гребут лопатой серебро;</p>
<p>We sing of their lucky fate And glory!</p>	<p>Кому поем, тому добро И слава!"</p>
<p>- All they are yet feeling</p>	<p>Но сулит утраты</p>
<p>Some loss in all the song's refrains: The song of cat is best for maids. {17}</p>	<p>Сей песни жалостный напев; Милей кошурка сердцу дев29.</p>

IX

IX

The night is frosty,
skies are clear, Of all
the heaven's bodies
light

Морозна ночь, все
небо ясно; Светил
небесных дивный
хор

All flows in a single
gear...

Течет так тихо, так
согласно...

Tatyana to the yard,
such wide,

Татьяна на широкой
двор

In open light dress
comes out, At moon
her mirror's aiming
down,

В открытом
платице выходит,
На месяц зеркало
наводит;

But darkish mirror
can reflect The trem-
bling moon alone yet...

Но в темном зеркале
одна Дрожит
печальная луна...

The snow's crackling...
someone's near... On
her tiptoe fast she flies

Чу... снег хрустит...
прохожий; дева К
нему на цыпочках
летит,

And asks him stilly,
sweetly sighs More
tenderer than reed-
pipe dear:

И голосок ее звучит
Нежней свирельного
напева:

What is your name? - He's looking on, {18} At last he answers: - Aghaphon...	Как ваше имя?30 Смотрит он И отвечает: Агафон.
X	X
Tatyana took advice of nanny; As she in bath- room had to guess	Татьяна, по совету няни Сбираясь ночью ворожить,
She ordered secretly her granny: Prepare table for a guest...	Тихонько приказала в бане На два прибора стол накрыть;
At once was frightened my Tatyana...	Но стало страшно вдруг Татьяне...
And I, while thinking of Swetlana,	И я - при мысли о Светлане
Was too afraid, I must confess...	Мне стало страшно - так и быть...
But with Tatyana shan't we guess.	С Татьяной нам не ворожить.
Her belt of silk she is removing, Undressed is going to bed,	Татьяна поясок шелковый Сняла, разделась и в постель

And Lei is soaring	Легла. Над нею
--------------------	----------------

above head: {19} And under pillow unmoving	вьется Лель, А под подушкой пуховой
Her maiden's mirror yet she keeps.	Девичье зеркало лежит.
It all is still.	Утихло все.
Tatyana steeps.	Татьяна спит.
XI	XI
Tatyana has a dream unknown: As if she lone were to get	И снится чудный сон Татьяне. Ей снится, будто бы она
Across a glade, all un- der snow Around which all's dark and sad.	Идет по снеговой поляне, Печальной мглою окружена;
In snow-drifts in front of maiden A stream is boiling, all is raging,	В сугробах снежных перед нею Шумит, клубит волной своею
Makes noise, is dark and grey, quite lost Yet isn't frozen by frost.	Кипучий, темный и седой Поток, не скованный зимой;
Two poles glued by halves of floe (Dis- astrous, trembling little aid)	Две жердочки, склеены льдиной, Дрожащий, гибельный мосток,

Across the torrent
have been laid. In
front of noisy gulf of
flow,

Положены через
поток; И пред
шумящею пучиной,

By deep embarrass-
ment fulfilled She has
to stop, she's standing
still.

Недоумения полна,
Остановилась она.

XII

XII

As at the reason of the
parting Tatyana's
grumbling at the
brook,

Как на досадную
разлуку, Татьяна
ропщет на ручей;

She doesn't see yet any
party Which could be
helpful in the hook.

Не видит никого, кто
руку С той стороны
подал бы ей;

The snow-drift at once
is moving...

Но вдруг сугроб
зашевелился.

And who, d'you think,
from it is looking?

И кто ж из-под него
явился?

Some big and shaggy
bear comes .. Tatyana:
'Ah!' But he becomes

Большой,
взъерошенный
медведь; Татьяна ах!
а он реветь,

Polite; with sharp-clawed paw he's rapping Her hand to offer help; she bends	И лапу с острыми когтями Ей протянул; она скрепясь
And leans on him with trembling hands; All fearful she's shyly stepping	Дрожащей ручкой оперлась И боязливými шагами
But crosses bridge; her helping her: She runs... the bear's after her!	Перебралась через ручей; Пошла - и что ж? медведь за ней!
XIII	XIII
Of looking back she doesn't dare And hurries up, she's quickening steps,	Она, взглянуть назад не смея, Поспешный ускоряет шаг;
But from. the shaggy lackey-bear She cannot get away, She flaps:	Но от косматого лакея Не может убежать никак;
The bear drags behind and groans; In front of them she sees and moans:	Кряхтя, валит медведь несносный; Пред ними лес; недвижны сосны

A forest stands; a stout pine Is still and	В своей нахмуренной красе;
--	----------------------------

frowned, yet is fine	Отягчены их ветви все
With flocks of snow; through the crowns Of naked birches from the sky	Клоками снега; сквозь вершины Осин, берез и лип нагих
The heaven's bodies beam and shine. The bushes, chutes without bounds	Сияет луч светил ночных; Дороги нет; кусты, стремнины
Are snow-bound by the storm. In depth of snow are forlorn.	Метелью все занесены, Глубоко в снег погружены.
XIV	XIV
She runs for forest... he's about; The flabby snow is knee-deep;	Татьяна в лес; медведь за нею; Снег рыхлый по колена ей;
Her neck was caught by long a bough, Then branches could her ears meet	То длинный сук ее за шею Зацепит вдруг, то из ушей
And rent the ear-rings of gold; Then brittle snows fastly hold	Златые серьги вырвет силой; То в хрупком снеге с ножки милой

Her summer shoes quite wet through all; Then she her handker- chief lets fall.	Увязнет мокрый башмачок; То выронит она платок;
To take it up she can't, in fear Of bear: he about hangs;	Поднять ей некогда; боится, Медведя слышит за собой,
And even by her trem- bling hands To lift her dress ashamed she's here;	И даже трепетной рукой Одежды край поднять стыдится;
She's running - he is after her; She can't be running any more,	Она бежит, он все вослед, И сил уже бежать ей нет.
XV	XV
She falls on snow - he is swift: He's taking her in paws and brings,	Упала в снег; медведь проворно Ее хватает и несет;
And she insensibly is drifting, She doesn't move and doesn't breathe;	Она бесчувственно- покорна, Не шевельнется, не дохнет;
He speeds her up the forest road; Through trees is seen a dwell- ing old,	Он мчит ее лесной дорогой; Вдруг меж дерев шалаш убогой;

<p>It's in the backwoods and it all is bound by the snow-fall,</p>	<p>Кругом все глушь; отвсюду он Пустынным снегом занесен,</p>
<p>Its window is brightly shining, Inside much noise and fuss they've had;</p>	<p>И ярко светится окошко, И в шалаше и крик и шум;</p>
<p>'There is my crony, he said, To warm your- self you must be try- ing!'</p>	<p>Медведь промолвил: "Здесь мой кум: Погрейся у него немножко!"</p>
<p>To inner porch he goes fast, He's laying down her at last.</p>	<p>И в сени прямо он идет И на порог ее кладет.</p>
<p>X U1</p>	<p>XVI</p>
<p>When she recovered she is looking: Some inner porch... the bear's gone;</p>	<p>Опомнилась, глядит Татьяна: Медведя нет; она в сенях;</p>
<p>She hears rings of glasses, hooping Like at the funeral great, long.</p>	<p>За дверью крик и звон стакана, Как на больших похоронах;</p>
<p>Not seeing any use of porches Through</p>	<p>Не видя тут ни капли толку, Г глядит она</p>

think she now stilly watches;	тихонько в щелку,
What does she see? that at the boards Are sitting spooks of any sorts:	И что же видит?.. за столом Сидят чудовища кругом:
One's horned, with muzzle of a hound; Another has of cock the head;	Один в рогах с собачьей мордой, Другой с петушьей головой,
With goat's beard sits a hag; She sees scelet- on stiff and proud,	Здесь ведьма с козьей бородой, Тут остов чопорный и гордый,
A dwarf with tail; and there's that Who's half-a-crane and half- a-cat.	Там карла с хвостиком, а вот Полужуравль и полукот.
XVII	XVII
But that's more won- derful and dreadful: A crayfish on a spider rides,	Еще страшней, еще чуднее: Вот рак верхом на пауке,
At goose's neck a skull is fateful, It's whirling round for all sides;	Вот череп на гусиной шее Вертится в красном колпаке,

A mill is squatting in
the dancing, By wings
it crackles, flaps, is
glancing.

Вот мельница
вприсядку пляшет И
крыльями трещит и
машет;

They bark and laugh,
they whistle, clap,
They sing and speak,
like horses stamp:

Лай, хохот, пенье,
свист и хлоп,
Людская молвь и
конской топ!31

But what Tatyana
could he thinking
When recognized
among the guests

Но что подумала
Татьяна, Когда
узнала меж гостей

Her love but fright
nevertheless, Main
person of this novel
pretty!

Того, кто мил и
страшен ей, Героя
нашего романа!

Onegin's sitting at the
board By stealth is
looking at the door.

Онегин за столом
сидит И в дверь
украдкой глядит.

XVIII

XVIII

He makes a sign and
all they bother; He
drinks and all they
drink and cry;

Он знак подаст - и
все хлопчут; Он
пьет - все пьют и все
кричат;

He laughs - they all are laughing further: He frowns - all are srient, wry.	Он засмеется - все хохочут; Нахмурит брови - все молчат;
That he's the head - it all is clear And Tanya has much less of fear;	Он там хозяин, это ясно: И Тане уж не так ужасно,
Of interest she is now full And tries herself the door to pull...	И, любопытная, теперь Немного растворила дверь...
But suddenly the wind has blown Away the lire of all lamps:	Вдруг ветер дунул, загашая Огонь светильников НОЧНЫХ;
Are troubled house-spirit gangs; Onegin's eyes make tire own,	Смутилась шайка домовых; Онегин, взорами сверкая,
He's rumbling, quickly he gets up, For door he nears, ail got up.	Из-за стола, гремя, встает; Все встали: он к дверям идет.
XIX	XIX
She got afraid and in a hurry Tatyana tries away to fly	И страшно ей; и торопливо Татьяна силится бежать:

And can't; she's now deeply worrier!, She	Нельзя никак; нетерпеливо
---	---------------------------

moans and she'd like to cry...	Метаясь, хочет закричать:
But can't: through door her Eugene enters; In front of eyes of Hades' spectres	Не может; дверь толкнул Евгений: И взорам адских привидений
The girl appeared! Laugh was wild!. They all stood gaping for a while,	Явилась дева; ярый смех Раздался дико; очи всех,
Then hoofs, wry trunks, it let alone The tufted tails, the fangs in mugs,	Копыты, хоботы кривые, Хвосты хохлатые, клыки,
The whiskers and the bloody tongues, The horns and fingers made of bone -	Усы, кровавы языки, Рога и пальцы костяные,
All point at her, such young and fine, And all they cry: 'It's mine! Its mine'	Всё указывает на нее, И все кричат: мое! мое!
XX	XX
'It's mine!' the voice of Eugene thunders! And all the gang has vanished fast.	Мое! - сказал Евгений грозно, И шайка вся сокрылась вдруг;

She stayed in frosty
tone darkness: Young
maiden is with Him at
last.

Осталась во тьме
морозной Младая
дева с ним сам-друг;

Onegin stilly her is
helping And in the
corner is her laying

Онегин тихо
увлекает32 Татьяну в
угол и слагает

On shaky bench, and
own head To Tanya's
shoulder he bends;

Ее на шаткую
скамью И клонит
голову свою

But suddenly her sis-
ter's coming, Then
Lensky comes; the
light has flashed;

К ней на плечо;
вдруг Ольга входит,
За нею Ленский; свет
блеснул;

With threat Onegin
raised his hand And
wildly with his eyes is
shining;

Онегин руку
замахнул, И дико он
очами бродит,

He curses all unbid-
den guests; And half
alive she can't have
breath..

И незваных гостей
бранит; Татьяна чуть
жива лежит.

XXI

XXI

They argue louder;
he's getting Some long
a knife; in short a
while

Спор громче, громче;
вдруг Евгений
Хватает длинный
НОЖ, и ВМИГ

He's killing Lensky;
horrid shading Lays
down, then a dreadful
cry

Повержен Ленский;
страшно тени
Стустились;
нестерпимый крик

Is heard; the dwelling
all is shaking...

Раздался... хижина
шатнулась...

In horror Tanya is
awaking...

И Таня в ужасе
проснулась...

She sees: the room is
light again, Through
window's a frosty
pane

Глядит, уж в комнате
светло; В окне жвось
мерзлое стекло

Of dawn the ray all
crimson sparkles And
Olga opens the door;

Зари багряный луч
играет; Дверь
отворилась. Ольга к
ней,

Like North Aurora's
face of her, And like a
butterfly she flutters.

Авроры северной
алей И легче
ласточки, влетает;

'But now tell;' she says,
'to me: Whom did you
see in dream with
me?'

"Ну, говорит, скажи
ж ты мне, Кого ты
видела во сне?"

At sister Tanya isn't looking; She lies in bed; a book she has	Но та, сестры не замечая, В постеле с книгою лежит,
And leaf by leaf through it is looking But nothing to her sister says...	За листом лист перебирая, И ничего не говорит.
This kind of book yet doesn't show The writer's fancies in a row,	Хоть не являла книга эта Ни сладких вымыслов поэта,
Nor pictures nor a wisdom thought That Virgin or Racine had got,	Ни мудрых истин, ни картин, Но ни Виргилий, ни Расин,
Nor Scott, nor Byron, nor Seneca; The Lady's Fashion Journal had	Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека, Ни даже Дамских Мод Журнал
Less influence on lady's head; It was, my friends, Martyn Zadeka,	Так никого не занимал: То был, друзья, Мартын Задека ³³ ,
The head of Chaldean wise men, Of dreams the fortune-teller then.	Глава халдейских мудрецов, Гадатель, толкователь снов.
XXIII	XXIII

<p>This thoughtful, interesting creation By travelling merchant them was brought</p>	<p>Сие глубокое творенье Завез кочующий купец</p>
<p>One day to their isolation And for Tatyana they then bought:</p>	<p>Однажды к ним в уединенье И для Татьяны наконец Его с разрозненной</p>
<p>Malvina's works but separated For several roubles he abated,</p>	<p>"Мальвиной" Он уступил за три с полтиной, В придачу взяв еще за них</p>
<p>And in addition gave to them Collection of plain fables then, With them two Pentads, a grammar.</p>	<p>Собранье басен площадных, Грамматику, две Петриады</p>
<p>Marmontel's volume them he gave.</p>	<p>Да Мармонтеля третий том.</p>
<p>Martin Zadeka then became The pet of Tanya, and forever</p>	<p>Мартын Задека стал потом Любимец Тани...</p>
<p>He comforts her in all her griefs And constantly with her he sleeps.</p>	<p>Он отрады Во всех печалях ей дарит И безотлучно с нею спит.</p>
<p>XXIV</p>	<p>XXIV</p>

That dream aroused her misgivings.	Ее тревожит сновиденье.
Not grasping ways to understand	Не зная, как его понять,
Of dreadful fancy all the meanings Tatyana wants to find the end.	Мечтанья страшного значение Татьяна хочет отыскать.
In book's short con- tents, finds she out Some words that should explain about	Татьяна в оглавлении кратком Находит азбучным порядком
The dreams: fir-trees, the hag, the bores, The East, the bear, snow- storms	Слова: бор, буря, ведьма, ель, Еж, мрак, мосток, медведь, метель
Etcetera.	И прочая.
Her real doubt Zadeka never could resolve!	Ее сомнений Мартын Задека не решит;
Her dream is sinister, it all At sad adven- tures pointed out.	Но сон зловещий ей сулит Печальных много приключений.
And several days she after that Had been entroubled, deeply sad.	Дней несколько она потом Все беспокоилась о том.

XXV

XXV

By crimson hand not
seen by now The dawn
from morning to-
wards the lay

Но вот багряною
рукою³⁴ Заря от
утренних долин

Has brought. the sun
and anyhow The
merry festival name-
day .

Выводит с солнцем
за собою Веселый
праздник именин.

An Lane's home from
the morning Is full of
guests, of kin adoring:

С утра дом Лариных
гостями Весь полон;
целыми семьями

All neighbours came
by closed sleigh, By
hooded carts, by
britzkas, sledge...

Соседи съехались в
возках, В кибитках, в
бричках и в санях.

In afternoon they
squash and crowd, In
drawing room they
meet new face;

В передней
толкотня, тревога; В
гостиной встреча
новых лиц,

The barks, the smacks
of kissing maids, The
crush, the laugh, the
noise are loud.

Лай мосек, чмоканье
девиц, Шум, хохот,
давка у порога,

All bow, shuffle, gladly
smile, Wet-nurses
scream, the babies cry.

Поклоны, шарканье
гостей, Кормилиц
крик и плач детей.

XXVI

XXVI

With own wife that's
very portly Came stout
Pustyakov at last;

С своей супругою
дородной Приехал
толстый Пустяков;

Gvozdin, good master,
who could shortly
Make beggars of his
peasants fast.

Гвоздин, хозяин
превосходный,
Владелец нищих
мужиков;

Grey-haired couple of
Scotinin With all the
children you'd be see-
ing

Скотинины, чета
седая, С детьми всех
возрастов, считая

From two to thirty
years on; The district
dandy Petushk?v,

От тридцати до двух
годов; Уездный
франтик Петушков,

With him my cousin
first Buy?nov, All
fuzzy, wears peaky
cap,

Мой брат
двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с
козырьком³⁵

(Of course you him
alredy met;) And coun-
sellor retired Fly?nov,

(Как вам, конечно,
он знаком), И
отставной советник
Флянов,

The greatest gossip,
old cheat, The glutton,
grafter, fool a bit.

Тяжелый сплетник,
старый плут,
Обжора, взяточник и
шут.

XXVII

With Kharlik?v Panf?l
and children Mon-
sieur Triquet arrived,
a wit,

XXVII

С семьей Панфила
Харликова Приехал
и мосье Трике,

Who left Tamb?v
without hindrance, He
wears glasses, brown
wig.

Остряк, недавно из
Тамбова, В очках и в
рыжем парике.

In pocket he, as
Frenchman real, Has
brought for his
Tatyana dear,

Как истинный
француз, в кармане
Трике привез куплет
Татьяне

The lilt, well known
round me: Reveilles
vous, belle endormie.
{20}

На голос, знаемый
детьми: R?veillez
vous, belle endormie.

Among the songs in
books decrepit Some-
where issued was that
lilt; Triquet with poet's
keen wit For world
from dust that rhyme
extracted,

Меж ветхих песен
альманаха Был
напечатан сей
куплет; Трике,
догадливый поэт,

Was brave instead of 'elle Nina' To put the 'belle Tatiana'	Его на свет явил из праха, И смело вместо belle Nina Поставил belle Ta- tiana.
XXVIII	XXVIII
By now from a distant village The idol of the ladies ripe,	И вот из ближнего посада Созревших барышень кумир,
For district mothers pleasant image - The regimental chief ar- rived.	Уездных матушек отрада, Приехал ротный командир;
He came, What news, such sentimental!	Вошел... Ах, новость, да какая!
Well have the music regimental!	Музыка будет полковая!
The colonel sent it for the chance.	Полковник сам ее послал.
What joy: to-day we'll have to dance!	Какая радость: будет бал!
The girls are jumping all around.	Девчонки прыгают заране; 36 Но кушать подали.
Its time for dinner, Guests have had	Четой

To come to tables hand in hand.	Идут за стол рука с рукой.
Around Tanya ladies crowd,	Теснятся барышни к Татьяне;
The men confront. All cross in peace. The throng, all humming, takes the seats.	Мужчины против; и, крестясь, Толпа жужжит, за стол сядась.
XXIX	XXIX
The talks are saved for time much better: The mouths chew, From every side	На миг умолкли разговоры; Уста жуют. Со всех сторон
The plates and covers jointly clatter, The glasses clink, all filled with wine.	Гремят тарелки и приборы Да рюмок раздается звон.
But in a while the guests from suburb Are making up a com- mon hubbub:	Но вскоре гости понемногу Подъемлют общую тревогу.
They don't listen to, they cry, They argue, laugh and squeak in fright.	Никто не слушает, кричат, Смеются, спорят и пицат.

And suddenly my Lensky enters, With hire Onegin.	Вдруг двери настежь. Ленский входит, И с ним Онегин.
' Ah, my Lord!',	"Ах, творец! -
The mistress cries, 'At last you've got!'	Кричит хозяйка: - наконец!"
In crowd everybody renders:	Теснятся гости, всяк отводит
They take away the chairs, plates, Them call, they give the friends a place.	Приборы, стулья поскорей; Зовут, сажают двух друзей.
XXX	XXX
Against Tatyana in a row They sit. Of morn- ing moon more pale	Сажают прямо против Тани, И, утренней луны бледней

She's trembling like persued a doe, Her darkening eyes she hides away	И трепетней гонимой лани, Она темнеющих очей
From them: she new blazes greatly, She feels herself in pas- sion badly;	Не подымает: пышет бурно В ней страстный жар; ей душно, дурно;

She's deaf for greet-
ings of the friends; To
hide her tears quickly
bends

Она приветствий
двух друзей Не
слышит, слезы из
очей

Her head; is seeming
to be ready For deep a
faint, this being mild;

Хотят уж капать; уж
готова Бедняжка в
обморок упасть;

But will and power of
mind All overcame,
and she already

Но воля и рассудка
власть Превозмогли.
Она два слова

Some words, yet stilly,
tries to say, But at the
table could she stay.

Сквозь зубы молвила
тишком И усидела за
столом.

XXXI

XXXI

For long Onegin
couldn't bear That tra-
gical and nervous
mood

Траги-нервичесских
явлений, Девичьих
обмороков, слез

Of girls, the tears,
faints not rare:
Enough he had them
all en route.

Давно терпеть не мог
Евгений: Довольно
их он перенес.

Like crank by chance
at feast enormous He's
angry.

Чудак, попав на пир
огромный, Уж был
сердит.

And Tatyana's nervous

Но девы томной

And trembling state is seen by him; All vexed, he's being in a whim.	Замея трепетный порыв, С досады взоры опустив,
He's puffing, he is remonstrating, He swore to devil Lensky's head For sufferings, he here had.	Надулся он и, негодуя, Поклялся Ленского взбесить И уж порядком отомстить.
Already for triumph he's waiting,	Теперь, заранее торжествуя,
And he invents by whim's requests Caricatures of the guests.	Он стал чертить в душе своей Карикатуры всех гостей.
XXXII	XXXII
Of course, Onegin's not alone, Who saw her disarray in eyes,	Конечно, не один Евгений Смятенье Тани видеть мог;
But aim of looks and talks on whole That time at feast are fatty pies	Но целью взоров и суждений В то время жирный был пирог
(Unhappily, too much all salted). But. with the help of resin bottled,	(К несчастью, пересоленный); Да вот в бутылке засмоленной,

Between blancmanger and roasts fine They now bring the Tsimly- an wine.	Между жарким и блан-манже, Цимлянское несут уже;
With narrow and long wine-glasses, Remind- ing slender waist of yours,	За ним строй рюмок узких, длинных, Подобно талии твоей,
Zhizhi, my soul's crys- tal first, The subject of naive my passes,	Зизи, кристалл души моей, Предмет стихов моих невинных,
Enticing goblet for my love, Its you, who made me drunk with love,	Любви приманчивый фиал, Ты, от кого я пьян бывал!
XXXIII	XXXIII

And now, free from humid stopper, Each bottle bangs and all the wine	Освободясь от пробки влажной, Бутылка хлопнула; ВИНО
Can hiss; with bear- ings important, By couplets tortured all the time,	Шипит; и вот с осанкой важной, Куплетом мучимый давно,

Triquet gets up; the whole meeting The deepest silence now's keeping.	Трике встает; пред ним собрание Хранит глубокое молчанье.
Tatyana hardly sighs, the man Addresses her with verse in hand	Татьяна чуть жива; Трике, К ней обратясь с листком в руке,
And falsely sings, Applauds and crying Are greeting him.	Запел, фальшивя. Плески, клики Его приветствуют.
And she has had	Она
To reverence for singing that; The poet, such great but shying.	Певцу присесть принуждена; Поэт же скромный, хоть великий,
To her is drinking first, his rhyme He gives to Tanya at that time.	Ее здоровье первый пьет И ей куплет передает.
XXXIV	XXXIV
For greetings and congratulations She gives each one her thankful look.	Пошли приветы, поздравленья; Татьяна всех благодарит.

But when her thanks for termination To Eu- gene came, tier lan- gaid mood,	Когда же дело до Евгенья Дошло, то девы томный вид,
Embarrassment, her being tired Arosed pity, he's admired;	Ее смущение, усталость В его душе родили жалость:
He mutely bowed to the girl, His gaze some- how was in all	Он молча поклонился ей, Но как-то взор его очей
Such charming, tender.	Был чудно нежен.
Was she feeling; That he then really was moved,	Оттого ли, Что он и вправду тронут был,
Or, like coquette, he simply boomed? By his good will Or willy-nilly	Иль он, кокетствуя, шалил, Невольно ль, иль из доброй воли,
He showed tender- ness. Such start En- livens poor Tama's heart.	Но взор сей нежность изъявил: Он сердце Тани оживил.
XXXV	XXXV
The driven chairs noise arouse; All throng has rushed to anter-room	Гремят отдвинутые стулья; Толпа в гостиную валит:

As well as bees from tasty house With noise are flying for the bloom	Так пчел из лакомого улья На ниву шумный рой летит.
All satisfied at feast by dinner The neigh- bours puff in room, the inner;	Довольный праздничным обедом, Сосед сопит перед соседом;
The ladies sit at fire- place; You see in corners whispering maids;	Подсели дамы к камельку; Девицы шепчут в уголку;
Green tables are pre- pared now, All active players they invite:	Столы зеленые раскрыты: Зовут задорных игроков

For boston, lumber come in sight, For whist, well famous un- til now.	Бостон и ломбер стариков, И вист, доныне знаменитый,
They all are family the same, The sons of greedy bore at game.	Однообразная семья, Все жадной скуки сыновья.
XXXVI	XXXVI

They now play the eighth of roberts, Of whist the braves; eight times in line	Уж восемь робертов сыграли Герои виста; восемь раз
They all replaced for each of roberts; The tea's been brought.	Они места переменяли; И чай несут.
I could define	Люблю я час
The time of day by tea or dinner, Or supper.	Определять обедом, чаем И ужином.
Every country eater	Мы время знаем
Can know time without fuss: The stomach is the watch for us.	В деревне без больших сует: Желудок - верный наш брегет;
In brackets to the point I'd note: In all my verses, by my rhyme	И кстати я замечу в скобках, Что речь веду в моих строфах
About feasts, enormous, fine, About meals and corks I wrote	Я столь же часто о пирах, О разных кушаньях и пробках,
Like idol, - you, Omir divine, - For three millenniums in line,	Как ты, божественный Омир, Ты, тридцати веков кумир!

XXXVII, XXXVIII,
XXXIX

XXXVII. XXXVIII.
XXXIX

The tea's been
brought; the quiet
maidens Are taking
saucers into hand,

Но чай несут;
девицы чинно Едва
за блюдички
взялись,

At once behind the
door awakens The
sound of bassoon from
band:

Вдруг из-за двери в
зале длинной Фагот
и флейта раздались.

Enjoyed by thunder of
the music From tea
with rum at once re-
fusing,

Обрадован музыки
громом, Оставля
чашку чаю с ромом,

The Pans of the dis-
trict girls, With Olga
Petushkova then whirls,

Парис окружных
городков, Подходит к
Ольге Петушков,

With Tanya Lensky;
Kharlikova, The bride
of more than ripening
age,

К Татьяне Ленский;
Харликову, Невесту
переспелых лет,

By hard from big
Tambov's engaged;
Buyanov whirls with
Pustyakova,

Берет тамбовский
мой поэт, Умчал
Буянов Пустякову,

The rest all gathered at the hail: Of ball the beauty shines for all.	И в залу высыпали все. И бал блестит во всей красе.
XL	XL
At the beginning of my novel (In chapter first you look it all)	В начале моего романа (Смотрите первую тетрадь)
I'd like to use the Al- ban's model: In Peters- burg to show ball.	Хотелось вроде мне Альбана Бал петербургский описать;
But then, amused by idle dreamings, Atten- ded to my better feel- ings	Но, развлечен пустым мечтаньем, Я занялся воспоминаньем
Of known ladies feet and legs.	О ножках мне знакомых дам.
But by your narrow small tracks,	По вашим узеньким следам,
Ah, feet, in vain I was affected.	О ножки, полно заблуждаться!
The further I'm from youth my gay,	С изменой юности моей

The wiser I should get
each day: My deeds
and rhymes to have
corrected,

Пора мне сделаться
умней, В делах и в
слоге поправляться,

And even this my
chapter five From all
digressions to refine.

И эту пятую тетрадь
От отступлений
очищать.

XLI

XLI

Monotonous and
sometimes yet sense-
less, Like whirlwind of
the youthful lives,

Однообразный и
безумный, Как
вихорь жизни
МОЛОДОЙ,

The waltz is whirling;
noisy, taintless, A
couple after couple
flies.

Кружится вальса
вихорь шумный;
Чета мелькает за
четой.

The time revengeful
now nears, In secret
Eugene gaily sneers,

К минуте мщенья
приближаясь,
Онегин, втайне
усмехаясь,

Comes up to Olga: sev-
eral jests, And they are
whirling near guests.

Подходит к Ольге.
Быстро с ней
Вертится около
гостей,

Then he for her a chair's finding, They speak about this and that,	Потом на стул ее сажает, Заводит речь о том о сем;
And several minutes after that With her the waltz again he's dan- cing.	Спустя минуты две потом Вновь с нею вальс он продолжает;
All are amazed, my Lensky sighs, Does not believe his own eyes.	Все в изумленье. Ленский сам Не верит собственным глазам.
XLII	XLII
Mazurka's sounding.	Мазурка раздалась.
It happened. When thunder of mazurka came,	Бывало, Когда гремел мазурки гром,
The halls enormous is all then trembled, The parquet's cracks wee heard again.	В огромной зале все дрожало, Паркет трещал под каблуком,
The frames were shak- ing, trembling there But nowadays the men, like fair	Тряслися, дребезжали рамы; Теперь не то: и мы, как дамы,

Young ladies on the
floor all glide But yet
in towns, countryside

Скользим по
лаковым доскам. Но
в городах, по
деревням

Mazurka now all its
rating, Initiative beau-
ties keeps:

Еще мазурка
сохранила
Первоначальные
красы:

The jumps, moustache,
the clicks of heels Are
all the same without
changing

Припрыжки,
каблуки, усы Всё те
же: их не изменила

By worst of modes:
modern fuss, Which is
a tyrant for us.

Лихая мода, наш
тиран, Недуг
новейших россиян.

XLIII, XLIV

XLIII. XLIV

Buy?nov, my quick-
temperd brother, To
Eugene brought two
girls at once:

Буянов, братец мой
задорный, К герою
нашему подвел

With Olga Tanya;
quickly rather Onegin
Olga took for dance.

Татьяну с Ольгою;
проворно Онегин с
Ольгою пошел;

He rules her, but neglectly gliding, And, bending, whispers her his finding:	Ведет ее, скольззя небрежно, И, наклонясь, ей шепчет нежно
Some madrigal of old days, And presses hand; at once her face	Какой-то пошлый мадригал, И руку жмет - и запылал
In proud, touching inflammation Is blushing crimson.	В ее лице самолюбивом Румянец ярче.
Lensky saw	Ленский мой
All those changes. All the more He, full of jealous indignation,	Все видел: вспыхнул, сам не свой; В негодовании ревнивом
Is waiting for the end of dance, And for cotillion her invites.	Поэт конца мазурки ждет И в котильон ее зовет.
XLV	XLV
But yet she can't.	Но ей нельзя.
And what's the reason?	Нельзя? Но что же?
Ah, Olga gave the word to him,	Да Ольга слово уж дала
Onegin.	Онегину.

Goodness me, it isn't For him to hear!	О боже, боже! Что слышит он?
What a whim...	Она могла...
Impossible!?	Возможно ль?
She's mere infant, But yet coquette! A giddy instance!	Чуть лишь из пеленок, Кокетка, ветреный ребенок!
And, so cunning, she is gay. Already's able to betray!	Уж хитрость ведает она, Уж изменять научена!
He can't endure such a blow; The whims of women he can curse.	Не в силах Ленский снести удара; Проказы женские кляня,
Gets out, asks for own horse And rides.	Выходит, требует коня И скачет.
Two pistols in a row,	Пистолетов пара,
Two bullets - fitting at this rate - Will quickly settle all his fate.	Две пули - больше ничего - Вдруг разрешат судьбу его.
CHAPTER SIX	ГЛАВА ШЕСТАЯ
La, sotto i giorni nu- bilosi e brevi, □ □ □ Nasce una gente a cui i'morir non dole.	La sotto i giorni nu- bilosi e brevi, Nasce una gente a cui l'morir non dole.

Petrarka □□□Where
days are cloudy and
short A tribe was there
born □□□For which to
die makes no hurt. (It.)

Petr.

I

I

But when Vladimir
disappeared, Onegin,
languished by the
bore,

Заметив, что
Владимир скрылся,
Онегин, скукой
ВНОВЬ ГОНИМ,

Was lost in thought; to
Olga near Revengeful
words said no more.

Близ Ольги в думу
погрузился,
ДОВОЛЬНЫЙ
МЩЕНИЕМ СВОИМ.

And Olga's yawning;
round here She's look-
ing for her Lensky
dear.

За ним и Оленька
зевала, Глазами
Ленского искала,

For her cotillion now
seems Like long and
heavy dreadful
dreams,

И бесконечный
КОТИЛЬОН Ее томил,
как тяжкий сон.

At last it stopped.

Но кончен он.

All have the supper.

Идут за ужин.

The beds are made.
And any guest

Постели стелют; для
гостей

Has own place to have a rest, From porch to maiden's.	Ночлег отводят от сеней До самой девичьи.
All they utter	Всем нужен
A need for sleep.	Покойный сон.
Onegin my To sleep at home lone fled.	Онегин мой Один уехал спать домой.
II	II
All's now calm; in rooms you hear: Is snoring heavy Pustyak?v	Все успокоилось: в гостиной Храпит тяжелый Пустяков
With own heavy hall, his dear; Gvozd?n, Buy?nov, Petushk?v	С своей тяжелой половиной. Гвоздин, Буянов, Петушков
And Flyanov who is not quite healthy, On chairs in a room are wealthy.	И Фляннов, не совсем здоровый, На стульях улеглись в столовой,
Monsieur Triquet is on the floor, In jersey, capped, not far from door.	А на полу мосье Трике, В фуфайке, в старом колпаке.

In Tanya's, Olga's rooms all maidens Already happy dreams have had;	Девицы в комнатах Татьяны И Ольги все объяты сном.
At window alone, sad (Diana's ray lights up, her wakens)	Одна, печальна под окном Озарена лучом Дианы,
My poor Tanya sits, can't sleep, And looks into the darkling field.	Татьяна бедная не спит И в поле темное глядит.
III	III
By his anwaited appar- ition, By instant ten- derness of eyes,	Его неожиданным появленьем, Мгновенной нежностью очей
By got by Olga strange tuition She's touched, in depth of soul sighs;	И странным с Ольгой поведеньем До глубины души своей
She's been embar- rassed, cannot now Him understand yet anyhow;	Она проникнута; не может Никак понять его; тревожит
She's troubled by the jealous trend: As if some cold foe's hand	Ее ревнивая тоска, Как будто хладная рука

Can press her heart, or a misfortune, That waits for her, is black, makes noise.	Ей сердце жмет, как будто бездна Под ней чернеет и шумит...
'I'll perish, - says my Tanya's voice - From him to die is pleasant fortune.	"Погибну, - Таня говорит, - Но гибель от него любезна.
I don't grudge: why should I grudge?	Я не ропщу: зачем роптать?

He can't give happi- ness at large'.	Не может он мне счастья дать".
IV	IV
But forward, forward, you, my story!	Вперед, вперед, моя исторья!
My muse new person just reveals.	Лицо нас новое зовет.
Some several miles from Krasnog?ry, From Lensky's village, there lives	В пяти верстах от Красногорья, Деревни Ленского, живет
And is alive yet for the present, In philosoph- ical sense desert,	И здравствует еще доньне В философической пустыне

Zar?tsky, brawler;
they believe: Of
gambling gang he was
the chief,

Зарецкий, некогда
буян, Картежной
шайки атаман,

The chief of rakes, a
tribune-tippler. Hut
now simply good the
head

Глава повес, трибун
трактирный, Теперь
же добрый и простой

Of family; not mar-
ried yet; A real friend,
a landlord, ripper;

Отец семейства
холостой, Надежный
друг, помещик
мирный

To honest people he
belongs: This way the
century reforms!

И даже честный
человек: Так
исправляется наш
век!

V

V

A smooth-tongued
voice of world, it
happened, His evil
bravery could praise:

Бывало, льстивый
голос света В нем
злую храбрость
выхвалял:

From pistol he, not be-
ing rattled, At fifteen
metres stuck the ace.

Он, правда, в туз из
пистолета В пяти
сажнях попадал,

But he at real field of
action Himself white
raptured by affection

И то сказать, что и в
сраженье Раз в
настоящем упоенье

Distinguished: bravely to the slush From Kalmyk horse he fell in rush.	Он отличился, смело в грязь С коня калмыцкого сваясь,
Like drunkard tight by real Frenchmen Was captivated (dear lot!).	Как зюзя пьяный, и французам Достался в плен: драгой залог!
New Regulus (of hon- our God) Anew he could the bonds aban- don:	Новейший Регул, честь бог, ГОТОВЫЙ вновь предаться узам,
At Verrey's every morning's time On credit drank three quarts of wine.	Чтоб каждым утром у Вери ³⁷ В долг осушать бутылки три.
VI	VI
He joked in a funny manner, Could fool an idiot for fun,	Бывало, он трунил забавно, Умел морочить дурака
Could make of clever fool for ever, Explicit or implicit one.	И умного дурачить славно, Иль явно, иль исподтишка,
Sometimes himself for tricks on others Was given lessons by the others;	Хоть и ему иные штуки Не проходили без науки,

Sometimes himself,
not as a rule, Could he
entrapped like real
fool;

Хоть иногда и сам
впросак Он
попадался, как
простак.

For merry dispute he
was able To be in an-
swers dull or sharp,

Умел он весело
поспорить, Остро и
тупо отвечать,

Sometimes could keep
his answer dark;
Sometimes a quarrel
could enable

Порой расчетливо
смолчать, Порой
расчетливо
повздорить,

To make the friends
embroiled become,
Made friends to barri-
er to come;

Друзей поссорить
молодых И на барьер
поставить их,

VII

VII

To have a breakfast
three together Could
make them quickly re-
concile,

Иль помириться их
заставить, Дабы
позавтракать
втроем,

And then in secret
could defame them By
merry jest or real he.

И после тайно
обесславить Веселой
шуткою, враньем.

'Sed alia temporal' But rudeness {21} (Like dream of love, the prank of goodness)	Sed alia tempora! Удалость (Как сон любви, другая шалость)
With youthful years gets away, And my Zaretsky, I would say,	Проходит с юностью живой. Как я сказал, Зарецкий мой,
Behind accacias, bird cherries From storms is hidden in his den,	Под сень черемух и акаций От бурь укрывшись наконец,
Can live like real wise a ma7i: Like that Horatius with cabbage	Живет, как истинный мудрец, Капусту садит, как Гораций,
His geese and ducks tie breeds for fee And teaches children ABC.	Разводит уток и гусей И учит азбуке детей.
VIII	VIII
He's not a fool; Onegin, grudging, Did not respect the heart of his;	Он был не глуп; и мой Евгений, Не уважая сердца в нем,
But liked the spirit of his judging, Judicious talks of that and this.	Любил и дух его суждений, И здравый толк о том о сем.

And he with pleasure long ago Was meeting him; that's why at borne	Он с удовольствием, бывало, Видался с ним, и так нимало
Was not astonished at the dawn To see him coining to his hall;	Поутру не был удивлен, Когда его увидел он.
But after first cordial greeting Zaretsky's si- lent for a while	Тот после первого привета, Прервав начатый разговор,
And to Onegin with wry smile From poet he gives for reading A leaf.	Онегину, осклабя взор, Вручил записку от поэта.
Onegin, standing up, At window it all read up.	К окну Онегин подошел И про себя ее прочел.
IX	IX
It was an honourable, pleasant A challenge, or cartel quite short,	То был приятный, благородный, Короткий вызов, иль картель:
It was polite and not discrepant: For duel Lensky called, in short.	Учтиво, с ясностью холодной Звал друга Ленский на дуэль.

Onegin at the first admission To agent of such secret mission	Онегин с первого движенья, К послу такого порученья
Returned; without extra word always ready - shortly said.	Оборотясь, без лишних слов Сказал, что он всегда готов.
Zaretsky was explains refusing; To stay for long he didn't want:	Зарецкий встал без объяснений; Остаться доле не хотел,
At home had to work a lot; And he went out; but my Eugene	Имея дома много дел, И тотчас вышел; но Евгений
Alone with his soul's self Unsatisfied was by himself.	Наедине с своей душой Был недоволен сам собой.
X	X
It serves him right: to think if strictly, If secret judge for him to call,	И поделом: в разборе строгом, На тайный суд себя призвав,
He was to blame at times more thickly: At first, he wasn't right at all	Он обвинял себя во многом: Во-первых, он уж был неправ,

That he at love such
timid, tender Last
evening joked like of-
fender;

Что над любовью
робкой, нежной Так
подшутил вечер
небрежно.

Then let the poet en-
raged To play the fool:
at his teenage

А во-вторых: пускай
поэт Дурачится; в
осьмнадцать лет

It is forgivable.

Оно простительно.

Onegin Who loved the
youth with all his
heart

Евгений, Всем
сердцем юношу
любя,

Himself should show
as the hard Without
prejudices heading

Был должен оказать
себя Не мячиком
предрассуждений,

Not flaming boy for
fighting fit But male
with honour and the
wit.

Не пылким
мальчиком, бойцом,
Но мужем с честью и
с умом.

XI

XI

He could his feelings
there show But not to
bristle like a beast.

Он мог бы чувства
обнаружить, А не
щетиниться, как
зверь;

No should disarm him
long ago, That young a
soul.

Он должен был
обезоружить Младое
сердце.

But at least

"Но теперь

It's late, the time has
gone; his letter To rue
was brought; the
whole matter

Уж поздно; время
улетело... К тому ж -
он мыслит - в это
дело

Is spoiled by old duels
fan, He's evil, gossip,
talking man...

Вмешался старый
дуэлист; Он зол, он
сплетник, он
речист...

Of course, he thinks, 'I
could be scornful To
alt his funny, lying
word;

Конечно, быть
должно презренье
Ценой его забавных
слов,

But whisper, laugh of
fools can hurt..'

Но шепот, хохотня
глупцов..."

Opinion of the public
mournful!

И вот общественное
мнение!38

The spring of honour,
idol last!

Пружина чести, наш
кумир!

Yet does it whirl the
world and us:

И вот на чем
вертится мир!

XII

XII

By eager enmity ex-
ited Vladimir for the
answer waits.

Кипя враждой
нетерпеливой,
Ответа дома ждет
поэт;

Eloquent man, by him
invited, Triumphantly
the answer trails.

И вот сосед
велеречивый Привез
торжественно ответ.

And now jealouser's
triumphant!

Теперь ревнивцу то-
то праздник!

He was afraid of be-
ing answered

Он все боялся, чтоб
проказник

In form of merry,
pretty jest With some-
what ruse, to have the
breast

Не отшутился как-
нибудь, Уловку
выдумав и грудь

Of enemy from pistol
parried.

Отворотив от
пистолета.

But now doubts all are
solved:

Теперь сомненья
решены:

For mill they all have
had resolved At dawn
in time to come in car-
riage

Они на мельницу
должны Приехать
завтра до рассвета,

With friend a pistol
fight to launch, To aim
at temple or at
haunch.

Взвести друг на
друга курок И
метить в ляжку иль
в висок.

XIII

XIII

As he to hate coquette decided Excited Lensky didn't want	Решась кокетку ненавидеть, Кипящий Ленский не хотел
Before the fight to be invited... At watch, the sun he's looking on...	Пред поединком Ольгу видеть, На солнце, на часы смотрел,
At last he gave it up, and failing, Himself he found at her dwelling.	Махнул рукою напоследок - И очутился у соседок.
He thought she would be much confused, By his arrival much ab- used;	Он думал Оленьку смутить, Своим приездом поразить;
But riot at all: like long ago For poor bard is on the watch	Не тут-то было: как и прежде, На встречу бедного певца
His Olga's jumping from the porch Like feather-brained and trail a hope:	Прыгнула Оленька с крыльца, Подобна ветреной надежде,
She's playful, careless and gay, Well, just the same as every day.	Резва, беспечна, весела, Ну точно та же, как была.
XIV	XIV

<p>'What for you early disappeared?'</p>	<p>"Зачем вечер так рано скрылись?"</p>
<p>Was asking Olya him at once</p>	<p>Был первый Оленькин вопрос.</p>
<p>My Lensky's feelings all were smeared, He was afraid at her to glance.</p>	<p>Все чувства в Ленском помутились, И молча он повесил нос.</p>
<p>Annoyance, jealousy could vanish In front of eyes with clear relish,</p>	<p>Исчезла ревность и досада Пред этой ясностью взгляда,</p>
<p>In front of tenderness quite plain, In front of soul playful, frail...</p>	<p>Пред этой нежной простотой, Пред этой резвою душой! ..</p>
<p>He looks at her with tender ardour; He's yet beloved with previous force,</p>	<p>Он смотрит в сладком умиленье; Он видит: он еще любим;</p>
<p>He's now languished by remorse, He's being ready to beg pardon,</p>	<p>Уж он, раскаяньем томим, Готов просить у ней прощенье,</p>

He's trembling, loses
fitting words, He's
happy, has improved
his health,

XV, XVI, XVII

Трепещет, не
находит слов, Он
счастлив, он почти
здоров...

XV. XVI. XVII

Again he, downcast
and thoughtful, In
front of dear Olga
stands;

И вновь
задумчивый,
унылый Пред милой
Ольгою своей,

It seems to him like
something awful To
her remind all even-
ing gaps.

Владимир не имеет
силы Вчерашний
день напомнить ей;

He thinks of here:

Он мыслит:

'I'll be defender; I'll
not endure when of-
fender

"Буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб
развратитель

By fire of the praise
and sighs To tempt the
heart of girl yet tries:

Огнем и вздохов и
похвал Младое
сердце искушал;

Or when a worm dis-
dained and deadly Is
growing out lily's stem

Чтоб червь
презренный,
ядовитый Точил
лилеи стебелек;

Of morning flower
which then At halt of
life must wither
faintly'.

Чтобы двухутренний
цветок Увял еще
полураскрытый".

My Friends, you know,
what it means: With
friend of mine I've
shooting things.

Все это значило,
друзья: С приятелем
стреляюсь я.

XVIII

XVIII

Ah, if he knew, by
what a cruel Offence.
Tatyana's heart was
burnt!

Когда б он знал,
какая рана Моей
Татьяны сердце
жгла!

It Tanya knew of near
duel, At least the day
before had heard

Когда бы ведала
Татьяна, Когда бы
знать она могла,

That Eugene and his
friend Vladimir At
dawn will argue their
living

Что завтра Ленский
и Евгений Заспорят о
могильной сени;

On earth, then might
be by her love She'd
joined the friends the
day above!

Ах, может быть, ее
любовь Друзей
соединила б вновь!

But no man in all the
district Could ever
know of that fuss:

Но этой страсти и
случайно Еще никто
не открывал.

Onegin was as mute as dust, Tatyana pined for love in secret;	Онегин обо всем молчал; Татьяна изнывала тайно;
It could be known by the nurse But slow-witted all she was.	Одна бы няня знать могла, Да недогадлива была.
XIX	XIX
All evening Lensky was distracted, Was now silent, now gay;	Весь вечер Ленский был рассеян, То молчалив, то весел вновь;
The man, by muses once affected, As usual frowns all the day.	Но тот, кто музою взлелеян, Всегда таков: нахмуря бровь,
At clavichords he had been sitting, But only for chords was fitting;	Садился он за клавикорды И брал на них одни аккорды,
At Olga then he fixed his gaze And whispered: 'I've my happy days...'	То, к Ольге взоры устремив, Шептал: не правда ль? я счастлив.
But it is late, it's time to go...	Но поздно; время ехать.

His heart is pressed,
fulfilled with bore,

Сжалось В нем
сердце, полное
тоской;

At time of parting fur-
thermore It beats like
ready just to blow.

Прощаясь с девой
молодой, Оно как
будто разрывалось.

At him she stares all
the way:

Она глядит ему в
лицо.

'What's happened?'-
'Nothing'... - Gets away.

"Что с вами?" - Так. -
И на крыльцо.

XX

XX

At home he took out
pistols To check them
up, then put them
back

Домой приехав,
пистолеты Он
осмотрел, потом
вложил

Into the box; he now
bristles; Undressed, he
took some Shiller's
work.

Опять их в ящик и,
раздетый, При
свечке, Шиллера
открыл;

To read... but thoughts
yet make him wonder
His heart is sad but
doesn't slumber,

Но мысль одна его
объемлет; В нем
сердце грустное не
дремлет:

With unaccountable
charms He sees his
Olga in his arms...

С неизъяснимою
красой Он видит
Ольгу пред собой.

Vladimir has the book to close; He takes a pen: his verse has got	Владимир книгу закрывает, Берет перо; его стихи,
A lot of pretty loving rot; He it declaims; the sound flows	Полны любовной чепухи, Звучат и льются. Их читает
Away in lirical a heat, He cites like Delvig, drunk at feast. {22}	Он вслух, в лирическом жару, Как Дельвиг пьяный на пиру.
XXI	XXI
By chance his verse yet anyhow Is kept by me; you read this rhyme;	Стихи на случай сохранились; Я их имею; вот они:
'Where are, where are withdrawn you now The golden days of life my prime?	"Куда, куда вы удалились, Весны моей златые дни?
What does next day for me prepare?	Что день грядущий мне готовит?
In vain I try to be aware,	Его мой взор напрасно ловит,
The depth of mist can it conceal, Of fate right law will it reveal	В глубокой мгле таится он. Нет нужды; прав судьбы закон.

But shall I fall by shaft through pierced Or will it pass beside, will slip?	Паду ли я, стрелой пронзенный, Иль мимо пролетит она,
All's good: for vigil and for sleep Will come the hour well geared;	Все благо: бдения и сна Приходит час определенный;
Are blessed the troubles of the day, Is blessed the darkness of the gravel	Благословен и день забот, Благословен и тьмы приход!
XXII	XXII
By rays of day will shine the morning And brightly will be playing clay,	Блеснет завтра луч денницы И заиграет яркий день;
But I, it may be, not adoring Will see the secrets of the grave,	А я, быть может, я гробницы Сойду в таинственную сень,
The memory of bard, yet youthful, Will sink into oblivion truthful,	И память юного поэта Поглотит медленная Лета,
The world will me for- get, but you My charming girl, will ever you	Забудет мир меня; но ты Придешь ли, дева красоты,

Some tears shed at urn my early: 'He tell in love with me,' to thinks	Слезу пролить над ранней урной И думать: он меня любил,
To me alone could he bring His dawn of life, such sad and stormy!	Он мне единой посвятил Рассвет печальный жизни бурной!..
My hearty friend, my friend beloved, You come, I'm husband yours by love!"	Сердечный друг, желанный друг, Приди, приди: я твой супруг!.."
XXIII	XXIII
His verse is sluggish and obscure (It's called romanticism by us;	Так он писал темно и вяло (Что романтизмом мы зовем,
To see it here even poor I cannot; does it bother us?)	Хоть романтизма тут нимало Не вижу я; да что нам в том?)
At last before the dawn of morning His tired head on table's falling	И наконец перед зарюю, Склонясь усталой головою,
At the ideal, fashioned word, A stilly dream my Lensky had.	На модном слове идеал Тихонько Ленский задремал;

But as soon as in
charms of dreaming
He lost himself - his
neighbour comes

Но только сонным
обаяньем Он
позабылся, уж сосед

To silent room of bard,
alarms And wakens
Lensky by appealing:

В безмолвный
входит кабинет И
будит Ленского
воззваньем:

'It's seven soon, it's
time to wake, Onegin,
may be, has to wait'.

"Пора вставать:
седьмой уж час.
Онегин верно ждет
уж нас".

He was mistaken:
sleeping fair Onegin
then for world was
dead,

XXIV Но ошибался
он: Евгений Спал в
это время мертвым
сном.

The shades of night
are now rare And Ves-
per's met by cock
ahead.

Уже редуют ночи
тени И встречен
Веспер петухом;

Onegin is deep sleep
just having; The sun is
now high in heaven,

Онегин спит себе
глубоко. Уж солнце
катится высоко,

And flitting quickly
snow-storm Is shining,
whirling. But at all

И перелетная метель
Блестит и вьется; но
постель

From bed Onegin
wasn't moving, The
dream yet flies about
him.

Еще Евгений не
покинул, Еще над
ним летает сон.

At last he fast awakes
from dream, Apart the
flaps of curtain's mov-
ing

Вот наконец
проснулся он И полы
завеса раздвинул;

He looks and sees: the
time is high Away
from yard for mill to
fly.

Глядит - и видит, что
пора Давно уж ехать
со двора.

XXV

XXV

He hurries up to ring.

Он поскорей звонит.

His servant Guillot
from France, is run-
ning in,

Вбегает К нему слуга
француз Гильо,

He offers necessary
service And dressing-
gown puts on him.

Халат и туфли
предлагает И подает
ему белье.

Onegin's quick to
dress. Already His
servant's ordered to
be ready

Спешит Онегин
одеваться, Слуге
велит
приготовляться

Together go and with him To take the box with fighting thing.	С ним вместе ехать и с собой Взять также ящик боевой.
The sledge for race is now ready, In it he's flying to the mill;	Готовы санки беговые. Он сел, на мельницу летит.
Has come; to servant says he will Lepage's fatal barrels steady^ {23}	Примчались. Он слуге велит Лепажа ³⁹ стволы роковые
With him be keeping, and the sledge To park in field not far from hedge.	Нести за ним, а лошадям Отъехать в поле к двум дубкам.
XXVI	XXVI
My Lensky on the dam is leaning, For them impatiently he waits.	Опершись на плотину, Ленский давно нетерпеливо ждал;
With mill Zaretsky has been dealing: Mill-stones he investigates.	Меж тем, механик деревенский, Зарецкий жернов осуждал.
Onegin's coining with excuses.	Идет Онегин с извиненьем.

Zaretsky to behave re- fuses: 'But where is the second yours?'	"Но где же, - молвил с изумленьем Зарецкий, - где ваш секундант?"
In duels classic, ped- ant cross	В дуэлях классик и педант,
He loved the method with his passion: To make a man on earth to lay	Любил методу он из чувства, И человека растянуть
He didn't want by any way But by the rules of artful fashion,	Он позволял не как- нибудь, Но в строгих правилах искусства,
As legends say of old age (For that we'd praise in him the sage).	По всем преданьям старины (Что похвалить мы в нем должны).
XXVII	XXVII
'My second? - Eugene said with passion, My friend, monsieur Guillot, does wait.	"Мой секундант? - сказал Евгений, - Вот он: мой друг, mon- sieur Guillot.
I can't foresee any ob- jection To this repres- entation made.	Я не предвижу возражений На представление мое:

Its true, he is unknown version, But really he's honest person!

Хоть человек он неизвестный, Но уж конечно малый честный".

Zaretsky's bitten both lips; To Lensky Eugene then appeals:

Зарецкий губу закусил.

'Shall we begin?' 'Perhaps,' says Lensky.

Онегин Ленского спросил: "Что ж, начинать?" - Начнем, пожалуй, - Сказал Владимир.

And quickly both they yet off

И пошли

Behind the mill.

За мельницу.

Meanwhile far off The honest person and Zaretsky

Пока вдали Зарецкий наш и честный малый

Grand treaty's ditties exercise; The foes stand and drop the eyes.

Вступили в важный договор, Враги стоят, потупя взор.

XXVIII

XXVIII

The foes!

Враги!

Shortly each from other Were drifted they by thirst of blood.	Давно ли друг от друга Их жажда крови отвела?
Not long ago they like brothers Divided meals, ideas, flood	Давно ль они часы досуга, Трапезу, мысли и дела
Of daily troubles.	Делили дружно?
Now spiteful, Like in vendetta they are frightful,	Ныне злобно, Врагам наследственным подобно,
Like in a dreadful misty dream Against each other in the still	Как в страшном, непонятном сне, Они друг другу в тишине
Prepare ruins once for ever...	Готовят гибель хладнокровно...
They'd better laugh be- fore they had	Не засмеяться ль им, пока
With blood sustained each pure hand... They'd better part in friendly manner...	Не обагрилась их рука, Не разойтись ль любовно?..
The enmity's afraid in world Of eyes derisive, scornful word!	Но дико светская вражда Боится ложного стыда.
XXIX	XXIX

<p>The pistols all are now shining, The hammer's jingling at the lock,</p>	<p>Вот пистолеты уж блеснули, Гремит о шомпол молоток.</p>
<p>To barrels go bullets hiding; First time is clicking pistol's cock.</p>	<p>В граненый ствол уходят пули, И щелкнул в первый раз курок.</p>
<p>The powder, by grey parts handed, On shelf is falling; an indented,</p>	<p>Вот порох струйкой сероватой На полку сыплется.</p>
<p>Reliably well screwed the flint Is cocked once more.</p>	<p>Зубчатый,</p>
<p>And stands at stint</p>	<p>Надежно ввинченный кремень Введен еще.</p>
<p>Behind a stump Guillot quite scared.</p>	<p>За ближний пень Становится Гильо смущенный.</p>
<p>The foes put the capes on steppe.</p>	<p>Плащи бросают два врага.</p>
<p>Zaretsky thirty second step Has measured with exactness cared</p>	<p>Зарецкий тридцать два шага Отмерил с точностью отменной,</p>

Then took the friends
for last his track Arid
each of them the pis-
tol had.

Друзей развел по
крайний след, И
каждый взял свой
пистолет.

XXX

XXX

'You now meet...' - And
both coolly, The en-
emies, not aiming yet,

"Теперь сходитесь".
Хладнокровно, Еще
не целя, два врага

In slow gait, quite fast
and smoothly Have
come the fourth
already step.

Походкой твердой,
тихо, ровно Четыре
перешли шага,

Four fatal for the life
the stages...

Четыре смертные
ступени.

His pistol then Onegin
raises

Свой пистолет тогда
Евгений,

Not stopping coming
in advance, The first of
them to catch a
chance.

Не престава
наступать, Стал
первый тихо
подымать.

And more five steps
they neared striding,
And Lensky screwed
left eye more fast,

Вот пять шагов еще
ступили, И Ленский,
жмуря левый глаз,

Began to aim... but quickly just Onegin shot...	Стал также целить - но как раз Онегин выстрелил...
The clock's been striking	Пробили
The fixing time; the poor bard In silence drops his pistol hard	Часы урочные: поэт Роняет молча пистолет,
XXXI	XXXI
On chest he puts his hand, unfortunate, And falls.	На грудь кладет тихонько руку И падает.
His misty, foggy gaze Expresses death but not the torture.	Туманный взор Изображает смерть, не муку.
From mountains descends this way	Так медленно по скату гор,
In sunny rays all sparkling, shining A block of snow hardly sliding.	На солнце искрами блистая, Спадает глыба снеговая.
By instant cool is all filled up To him Onegin hurries up,	Мгновенным холодом облит, Онегин к юноше спешит,

He looks, he calls him - all's for nothing!	Глядит, зовет его ... напрасно: Его уж нет.
He isn't more... The youngling bard	Младой певец
Has found end un- timely hard!	Нашел безвременный конец!
The storm has breathed; his prime such charming	Дохнула буря, цвет прекрасный
Has withered at the morning dawn., The fire at the altar's gone.	Увял на утренней заре, Потух огонь на алтаре!..
XXXII	XXXII
Unmovingly he lay, and queer Was heavy brow's languid peace.	Недвижим он лежал, и странен Был томный мир его чела.
He under chest was wounded here, The blood yet steaming flew at ease.	Под грудь он был навылет ранен; Дымясь из раны кровь текла.
A trice ago was he liv- ing And his young heart was full of feel- ing,	Тому назад одно мгновенье В сем сердце билось вдохновенье,

Of hope, enmity and love, The blood was boiling, life could laugh.	Вражда, надежда и любовь, Играла жизнь, кипела кровь, -
But like a house all deserted It's dark and still, and not by chance	Теперь, как в доме опустелом, Все в нем и тихо и темно;
It's mute for ever all at once.	Замолкло навсегда оно.
Are shut the shutters, limes are flirited The windows.	Закрты ставни, окны мелом Забелены.
The master's gone God knows where, Tracks are wrong.	Хозяйки нет. А где, бог вестъ. Пропал и след.
XXXIII	XXXIII

It's nice by epigram audacious To make er- roneous foe mad,	Приятно дерзкой эпиграммой Взбесить оплошного врага;
It's nice to see when stubborn gracious He bends his horns to butt is apt,	Приятно зреть, как он, упрямо Склонив бодливые рога,

Unwittingly in mirror's peeping Ashamed to recognize: he's beaten;	Невольню в зеркало глядится И узнавать себя стыдится;
Its nicer, friends, much more when he Is wailing foolishly: its me!	Приятней, если он, друзья, Завоеет сдуру: это я!
And much the more it's nice in silence For him prepare honest grave,	Еще приятнее в молчанье Ему готовить честный гроб
To aim unseen at fore- head pale, At distance try to make him silent.	И тихо целить в бледный лоб На благородном расстоянье;
But yet to make him be at rest Of pleasures won't be the best.	Но отослать его к отцам Едва ль приятно будет вам.
XXXIV	XXXIV
What would you feel if by your pistol Were killed a friend such good and young	Что ж, если вашим пистолетом Сражен приятель молодой,

Who was unmodest,
who by bristle. An an-
swer, other trifles
done,

Нескромным
взглядом, иль
ответом, Или
безделицей иной

Offended you at bottle
badly, Or if yet he, an-
noyed, quite madly

Вас оскорбивший за
бутылкой, Иль даже
сам в досаде пылкой

To challenge you could
try like hell? But in
your soul can you tell

Вас гордо
вызвавший на бой,
Скажите: вашею
душой

What would you feel if
still, unmoving Your
friend on earth is
mute at rest

Какое чувство
овладеет, Когда
недвижим, на земле

In front of you with
signs of death Is stiff-
ening slowly, is cool-
ing,

Пред вами с смертью
на челе, Он
постепенно
костенеет,

Is being deaf and
dumb at all To sad and
desperate your call?

Когда он глух и
молчалив На ваш
отчаянный призыв?

XXXV

XXXV

In languish of the
heart remorse He
pressed his pistol in
his hand,

В тоске сердечных
угрызений, Рукою
стиснув пистолет,

At Lensky Eugene looks quite forceless.	Глядит на Ленского Евгений.
'Well, he is killed',- the neighbour said.	"Ну, что ж? убит", - решил сосед.
He's killed!..	Убит!..
By dreadful exclamation Onegin's shuddered; slain, impatient	Сим страшным восклицаньем Сражен, Онегин с содроганьем
To call some people gets away.	Отходит и людей зовет.
Zaretsky cautiously could lay	Зарецкий бережно кладет
On sledge the corpse, all icy, lone, He's taking home dreadful hoard,	На сани труп оледенелый; Домой везет он страшный клад.

And smelling dead the horses snort And struggle; they with white wet loam	Почуя мертвого, храпят И бьются кони, пеной белой
Are wetting iron hard curb-bit, Like shaft they gallop with all speed.	Стальные мочат удила, И полетели как стрела.

My friends, on bard
you'd have a pity: Of
hopes rain-bowed at
prime

Друзья мои, вам
жаль поэта: Во цвете
радостных надежд,

For world has done yet
nothing titling, To
grow male yet hadn't
time

Их не свершив еще
для света, Чуть из
младенческих
одежд,

But withered!

Увял!

Where's agitation And
honourable aspiration

Где жаркое
волненье, Где
благородное
стремленье

Of youthful passion
and of thought, Exal-
ted, tender, bold,
prompt?

И чувств и мыслей
молодых, Высоких,
нежных, удалых?

Where are of stormy
love his itchings, The
thirst for knowledge
and for work,

Где бурные любви
желанья, И жажда
знаний и труда,

The fright of shame, of
evil word? Where are
you, cherished happy
dreamings,

И страх порока и
стыда, И вы,
заветные мечтанья,

The ghosts of un-
earthly whims, Of sac-
red poetry dreams?

Вы, призрак жизни
неземной, Вы, сны
поэзии святой!

XXXVII

XXXVII

He, might be, for the
world's welfare Or
even for the fame was
born;

Быть может, он для
блага мира Иль хоть
для славы был
рожден;

His lyre, now mute,
could dare Alarm a
loud peal for long,

Его умолкнувшая
лира Гремучий,
непрерывный звон

For centuries to make
him known.

В веках поднять
могла.

On steps of world the
bard might go

Поэта, Быть может,
на ступенях света

Upstairs to the highest
rate.

Ждала высокая
ступень.

But his such suffer-
able shade,

Его страдальческая
тень,

It may be, with itself
has carried Some sac-
red secret; evil choice

Быть может, унесла с
собою Святую тайну,
и для нас

Has mined great life-
giving voice, And after
funeral sad habit

Погиб
животворящий глас,
И за могильною
чертою

He'll never hear hymn of times, The blessing of the future tribes.	К ней не домчится гимн времен, Благословение племен.
XXXVIII, XXXIX	XXXVIII. XXXIX
It might be other: he'd be having Some com- mon, plainful, simple lot:	А может быть и то: поэта Обыкновенный ждал удел.
The youthful years would be fading, The soul's heat would not be hot	Прошли бы юношества лета: В нем пыл души бы охладел.
In many trends he'd change his habit: Would part with muses, would be mar- ried,	Во многом он бы изменился, Расстался б с музами, женился,
In village cuckold but good, In wadded over- all with hood	В деревне, счастлив и рогат, Носил бы стеганный халат;
He would have known life quite real, At fourty gout would have had,	Узнал бы жизнь на самом деле, Подагру б в сорок лет имел,

<p>Would bore, eat, drink, be ill, he fat, At last in own bed ideal</p>	<p>Пил, ел, скучал, толстел, хирел, И наконец в своей постеле</p>
<p>Among the children would he die At hands of doctors, weepers, wife.</p>	<p>Скончался б посреди детей, Плаксивых баб и лекарей.</p>
<p>XL</p>	<p>XL</p>
<p>But anyhow, dear reader, Alas! it was young lover's lot:</p>	<p>Но что бы ни было, читатель, Увы, любовник молодой,</p>
<p>The poet, the thought- ful dreamer Was killed by hand of friend for nought!</p>	<p>Поэт, задумчивый мечтатель, Убит приятельской рукой!</p>
<p>There is a place not far from house In which inspired bard could rouse.</p>	<p>Есть место: влево от селенья, Где жил питомец вдохновенья,</p>
<p>Two pines accreted by one root, Beneath are streaming snakes of brook</p>	<p>Две сосны корнями срослись; Под ними струи извилились</p>

Which came from neighbouring a valley; The peasants come to take a rest,	Ручья соседственной долины. Там пахарь любит отдыхать,
The reapers dip the jars for best Arid pleasant clear water daily.	И жницы в волны погружать Приходят звонкие кувшины;
And at the brook in thickened shade Is put a monument just made.	Там у ручья в тени густой Поставлен памятник простой.
XLI	XLI
And near it (when it is raining In spring on corns of near fields),	Под ним (как начинает капать Весенний дождь на злак полей)
A shepherd bast gay sandál's making, Of fishers from the Volga sings.	Пастух, плетя свой пестрый лапоть, Поет про волжских рыбарей;
And young a woman, city dweller All sum- mer in the country spender	И горожанка молодая, В деревне лето провождая,

Can daily headlong
ride full speed; When
she alone in the field

Когда стремглав
верхом она Несется
по полям одна,

At brook the monu-
ment is seeing She's
drawing made of
leather rein,

Коня пред ним
остановляет,
Ремянный повод
натянув,

The veil on hat she
turns away, And su-
perficially is reading

И, флер от шляпы
отвернув, Глазами
беглыми читает

A plain inscription,
then she tries To stop
the dim in tender eyes.

Простую надпись - и
слеза Туманит
нежные глаза.

XLII

XLII

And slowly through
fields she's riding, Im-
mersed is deeply in
the dream:

И шагом едет в
чистом поле, В
мечтанья погружаясь,
она;

For long by fate of
Lensky, striking, Un-
wittingly her soul's
filled

Душа в ней долго
поневоле Судьбою
Ленского полна;

She thinks:

И мыслит:

'Whith Olga what
could happen?

"Что-то с Ольгой
стало?

Or not for long her heart was shattered	В ней сердце долго ли страдало,
And passed away of tears time?	Иль скоро слез прошла пора?
And where is her sister line?	И где теперь ее сестра?
And fugitive of world and people, For stylish beauties stylish man,	И где ж беглец людей и света, Красавиц модных модный враг,
Where is that sullen gloomy crank, The killer of the bard such feeble?'	Где этот пасмурный чудака, Убийца юного поэта?"
Meantime account, made for you, In details I shall give to you,	Со временем отчет я вам Подробно обо всем отдам,
XLIII	XLIII
But now, heartily I though Do love my hero fine,	Но не теперь. Хоть я сердечно Люблю героя моего,
Of course, of him I'll quickly know,- For him I now haven't time.	Хоть возвращусь к нему, конечно, Но мне теперь не до него.

My age inclines for strict a prose, Against light rhymes my age arose	Лета к суровой прозе клонят, Лета шалунью рифму гонят,
And I - with sighing I confess - Am dangling after her much less.	И я - со вздохом признаюсь - За ней ленивей волочусь.
My pen has no old wishes To spoil some useful flying leafs;	Перу старинной нет охоты Марать летучие листы;
Some other, cool and cold dreams. Some other, more severe is- sues	Другие, хладные мечты, Другие, строгие заботы
In noise of world and in the still Disturb my soul's quiet dream.	И в шуме света и в тиши Тревожат сон моей души.
XLIV	XLIV
I've heard some voice of new desire, I've got new sorrow anew;	Познал я глас иных желаний, Познал я новую печаль;
By new one can't I be admired I pity old one - it's true.	Для первых нет мне упований, А старой мне печали жаль.

<p>You, dreams, my dreams, where is your pleasure And rhyme to it: my youth, my treas- ure ?</p>	<p>Мечты, мечты! где ваша сладость? Где, вечная к ней рифма, младость?</p>
<p>Can it be real that at last My youth had withered in the past?</p>	<p>Ужель и вправду наконец Увял, увял ее венец?</p>
<p>Can it be real anyhow Without elegical deed</p>	<p>Ужель и впрям и в самом деле Без элегических затей</p>
<p>That spring of youth could quickly speed (As I could joke until now)?</p>	<p>Весна моих промчалась дней (Что я шутя твердил доселе)?</p>
<p>And is it true, it can't return?</p>	<p>И ей ужель возврата нет?</p>
<p>And am I soon at thirties turn?</p>	<p>Ужель мне скоро тридцать лет?</p>

<p>XLV</p>	<p>XLV</p>
<p>It means: my noon has come, its needed For me to realize, I see.</p>	<p>Так, полдень мой настал, и нужно Мне в том сознаться, вижу я.</p>

O'key, but let us part not frigid. Ah, youth my light! Ah, dear me!	Но так и быть: простимся дружно, О юность легкая моя!
I'm grateful for the good enjoyments, For sadness, for the pretty torments,	Благодарю за наслажденья, За грусть, за милые мученья,
For noise, for storms, for many feasts, For everything! For all your gifts	За шум, за бури, за пиры, За все, за все твои дары;
To you I'm grateful!	Благодарю тебя.
You alone Among anxieties in still	Тобою, Среди тревог и в тишине,
Could me enjoy... I've had my fill; It is enough!	Я насладился... и вполне; Довольно!
With clear soul	С ясною душою
New way I'm starting, do my best From all past life to take a rest.	Пускаюсь ныне в новый путь От жизни прошлой отдохнуть.
XLVI	XLVI
Let me look back.	Дай оглянусь.

Forgive me thickets In which my days have passed away,	Простите ж, сени, Где дни мои текли в глуши,
Were lilted with pas- sions, lazy fidgets, With dreams of thoughtful soul's haze.	Исполнены страстей и лени И снов задумчивой души.
And you, my youthful inspiration, Disturb my weak imagination,	А ты, младое вдохновенье, Волнуй мое воображенье,
You make my sleepy heart revive, To my good nook more often dive.	Дремоту сердца оживляй, В мой угол чаще прилетай,
You don't let be cooled my soul, Become em- bittered, hardened, dry,	Не дай остыть душе поэта, Ожесточиться, очерстветь,
At last like dead to pet- rify In deadly thrill of world on whole;	И наконец окаменеть В мертвящем упоенье света,
In this a dirty pool with you, My friends, I have a bath like you.	В сем омуте, где с вами я Купаюсь, милые друзья!40
CHAPTER SEVEN	ГЛАВА СЕДЬМАЯ

You are, my Moscow, □□□□ beloved of Russia daughter, □□□□ and where can we find some other of the kind..	Москва, России дочь любима, Где равную тебе сыскать?
Dmitriyev.	Дмитриев.
How would you not love Moscow?	Как не любить родной Москвы?
Baratynsky.	Баратынский.
The drive to Moscow! □□□□ It means the world to see!	Гоненье на Москву! что значит видеть свет!
Where is it better?	Где ж лучше?

Where we have never been.	Где нас нет.
Griboyedov	Грибоедов.
I	I
By vernal rays all driven now From hills the snows, turned to mud,	Гонимы вешними лучами, С окрестных гор уже снега
By turbid brooks have run all down To meadows, all under flood.	Сбежали мутными ручьями На потопленные луга.

By clear smile the nature's fitting Through dream the year's morning meet- ing	Улыбкой ясною природа Сквозь сон встречает утро года;
The shining skies are now blued.	Синея блещут небеса.
Yet limpid is the near wood	Еще прозрачные, леса
As if by greenish down covered.	Как будто пухом зеленеют.
A bee to fields, of trib- ute well,	Пчела за данью полевой
Is flying from the waxy cell.	Летит из кельи восковой.
Are drying valleys many-coloured;	Долины сохнут и пестреют;
The herds make noise; of nightingale The song at silent night is gay.	Стада шумят, и соловей Уж пел в безмолвии ночей.
II	II
Quite sad for me is your occurence, The spring, the spring! of love the time!	Как грустно мне твое явленье, Весна, весна! пора любви!

What languid agitation current There is in blood and soul mine!	Какое томное волненье В моей душе, в моей крови!
With hard emotion yet tender I am enjoyed by breath such gentle	С каким тяжелым умилением Я наслаждаюсь дуновеньем
Of puffing to my face the spring In bosom of the country's still!	В лицо мне веющей весны На лоне сельской тишины!
Or am I stranger to enjoyments, To all that gladdens and revives,	Или мне чуждо наслажденье, И все, что радует, живит,
Triumphant is and gladly shines, Is boring me, makes suffer torments	Все, что ликует и блестит Наводит скуку и томленье
My soul, long ago dead, And all for it seems dark ahead?	На душу мертвую давно И все ей кажется темно?
III	III
Or aren't we glad to see returning Of perished in the autumn leaves	Или, не радуясь возврату Погибших осенью листов,

Because remember bitter mourning When hear noise of forest's thicks?	Мы помним горькую утрату, Внимая новый шум лесов;
Or with the nature just reviving We close in, confused by minding	Или с природой оживленной Сближаем дуמוю смущенной
The withering of own days, Which can't re- vive by any ways?	Мы увяданье наших лет, Которым возрожденья нет?

May be, the thought to us is coming Amid po- etical a dream	Быть может, в мысли нам приходит Средь поэтического сна
Of other, old, better spring, And all the heart it is alarming	Иная, старая весна И в трепет сердце нам приводит
By dreams of distant pretty side, About moon and charming night...	Мечтой о дальней стороне, О чудной ночи, о луне...
IV	IV
Is time: all good but lazy-bone Epicurean wise all men,	Вот время: добрые ленивцы, Эпикурейцы- мудрецы,

<p>You all indifferent, lucky, prone Of Levsh- in school the pupils, fans, {24}</p>	<p>Вы, равнодушные счастливицы, Вы, школы Левшина41 птенцы,</p>
<p>You, country Priams, should be ready; And you, each sensitive a lady:</p>	<p>Вы, деревенские Приамы, И вы, чувствительные дамы,</p>
<p>The spring to country all you calls, The time of work, of fruits, of warmth,</p>	<p>Весна в деревню вас зовет, Пора тепла, цветов, работ,</p>
<p>The time for strolles, much inspired, And all seductive, tempting nights.</p>	<p>Пора гуляний вдохновенных И соблазнительных ночей.</p>
<p>Be quick, my friends! the field invites. In carts with weights of food, attires,</p>	<p>В поля, друзья! скорей, скорей, В каретях, тяжко нагруженных,</p>
<p>By own or by post- chase You get away from city gates.</p>	<p>На долгих иль на почтовых Тянитесь из застав градских.</p>
<p>V</p>	<p>V</p>

And you, my reader dear, gracious, In your borough from other land	И вы, читатель благосклонный, В своей коляске выписной
You leave your city big, audacious, In which the winter's mirth you'd had.	Оставьте град неугомонный, Где веселились вы зимой;
With dear muse of mine capricious Let's hear forest's noise de- licious	С моею музой своенравной Пойдемте слушать шум дубравный
At nameless river, small and fine. In vil- lage where Eugene mine,	Над безыменную рекой В деревне, где Евгений мой,
That hermit idle and despondent Yet re- cently in winter lived	Отшельник праздный и унылый, Еще недавно жил зимой
Not far from Tanya, young and grieved, My dear dreamer quite re- spondent;	В соседстве Тани молодой, Моей мечтательницы милой,
But where now he is not... And where left he dismal rot.	Но где его теперь уж нет... Где грустный он оставил след.

VI

VI

Among the hills in
semicircle Well go
there where brook

Меж гор, лежащих
полукругом, Пойдем
туда, где ручеек,

Through grass is snaking,
green and purple,
Through linden trees
for river's crook.

Виясь, бежит
зеленым лугом К
реке сквозь липовый
лесок.

The nightingales, of
spring the lovers, At
night all sing: dog-rose
flowers;

Там соловей, весны
любовник, Всю ночь
поет; цветет
шиповник,

You hear voice of little
source, You see grave-
stone small and coarse

И слышен говор
ключевой, - Там
виден камень
гробовой

In shade of two pine-
trees quite old; In-
scription can to you
explain:

В тени двух сосен
устарелых.
Пришельцу надпись
говорит:

'Vladimir Lensky
here's lain, He met his
death like man quite
hold

"Владимир Ленский
здесь лежит,
Погибший рано
смертью смелых,

At such a year, such an
age.

В такой-то год,
таких-то лет.

You lie, young hard, in peace all age!"	Покойся, юноша- поэт!"
VII	VII
On branches of the pine permissive Some- times an early morn- ing wind	На ветви сосны преклоненной, Бывало, ранний ветерок
Above this urn, to fate submissive, A wreath mysterious could swing.	Над этой урной смиренной Качал тайнственный венок.
It happened: late at time of leisures Two girl-friends, both yet teen-agers	Бывало, в поздние досуги Сюда ходили две подруги,
Were in the dimmish light of moon Em- braced, were weeping at the tomb.	И на могиле при луне, Обнявшись, плакали оне.
But now...	Но ныне... памятник унылый Забыт.
Tomb-stone is gloomy, Is lost, and last of feet the prints	К нему привычный след
Decayed...	Заглох.

<p>The branch has no wreath; Beneath, alone, grey and puny,</p>	<p>Венка на ветви нет; Один, под ним, седой и хилый</p>
<p>The shepherd's singing as before And makes bast sandal more and more.</p>	<p>Пастух по-прежнему поет И обувь бедную плетет.</p>
<p>VIII, IX, X</p>	<p>VIII. IX. X</p>
<p>My poor Lensky! badly pining Not very long was weeping she.</p>	<p>Мой бедный Ленский! изнывая, Не долго плакала она.</p>
<p>Alas! young bride, if she were trying, To sadness loyal couldn't be.</p>	<p>Увы! невеста молодая Своей печали неверна.</p>
<p>Some other now drew attention, Some other managed with invention</p>	<p>Другой увлек ее вниманье, Другой успел ее страданье</p>
<p>By love her grief to lull to sleep, Some uhlan could her flattered keep;</p>	<p>Любовной лестью усыпить, Улан умел ее пленить,</p>
<p>That uhlan's loved by all her soul... At altar now does she stand</p>	<p>Улан любим ее душою... И вот уж с ним пред алтарем</p>

With wreath,
ashamed, his hand in
hand, With drooping
head, as if yet lone,

Она стыдливо под
венцом Стоит с
пониженной головою,

With fire in the droop-
ing eyes, Unwittingly
she slightly smiles.

С огнем в
потупленных очах, С
улыбкой легкой на
устах.

XI

XI

Behind the grave my
Lensky poor To deaf
eternity was used.

Мой бедный
Ленский! за могилой
В пределах вечности
глухой

Was he, the youth, a
singer gloomy By fatal
treachery confused?

Смутился ли, певец
унылый, Измены
вестью роковой,

Or sleeping over the
Lethe The poet is
quiet, easy,

Или над Летою
усыпленный Поэт,
бесчувствием
блаженный,

Him nothing there can
alarm, The world for
him is shut dud dumb?

Уж не смущается
ничем, И мир ему
закрыт и нем?..

Yes! just indifferent
oblivion Behind the
grave for all us waits.

Так! равнодушное
забвенье За гробом
ожидает нас.

Of loos, friends and
lover-maids The voice
is fading.

Врагов, друзей,
любовниц глас Вдруг
МОЛКНЕТ.

All yet living

Про одно именье

The heirs of estate, all
cross, Obscenely dis-
putes try to force.

Наследников
сердитый хор
Заводит
непристойный спор.

XII

XII

The ringing voice of
Olga, though, From
Larin's soon forever
went:

И скоро звонкий
голос Оли В
семействе Лариных
УМОЛК.

That uhlan, slave of lot
his own, With her
should come to regi-
ment.

Улан, своей
невольник доли, Был
должен ехать с нею в
ПОЛК.

And sadly shedding
hitter tears To part
with Olga mother
nears

Слезами горько
обливаясь,
Старушка, с дочерью
ПРОЩАЯСЬ,

And seems to be yet
hardly live: But Tanya
simply couldn't cry,

Казалось, чуть жива
была, Но Таня
плакать не могла;

She deathly pale was
looking round And all
her face was greatly
sad

Лишь смертной
бледностью
покрылось Ее
печальное лицо.

When to the porch to
part all went. At part-
ing all they fussed
about

Когда все вышли на
крыльцо, И всё,
прощаясь, суетилось

Around carriage of the
young; To see them off
Tatyana flung.

Вокруг кареты
молодых, Татьяна
проводила их.

XIII

XIII

For long as if through
fog she one Could fol-
low them all with
eyes...

И долго, будто сквозь
тумана, Она глядела
им вослед...

And now Tanya is
alone Alas! for long-
time friend she sighs,

И вот одна, одна
Татьяна! Увы!
подруга стольких
лет,

Her young and dear,
pretty, charming, Her
confidante, her near
darling

Ее голубка молодая,
Ее наперсница
родная,

Is brought a long way
off by fate, They must
for ever separate.

Судьбою вдаль
занесена, С ней
навсегда разлучена.

Like shade she aim-
lessly is hiking And
comes into deserted
park...

Как тень она без
цели бродит, То
смотрит в опустелый
сад...

And everywhere finds
some mark... But none
relief she is yet finding

Нигде, ни в чем ей
нет отрад, И
облегченья не
находит

For tears her, by will
suppressed - Her heart
is torn in half at
breast,

Она подавленным
слезам, И сердце
рвется пополам.

XIV

XIV

And in the solitude
severe Her passion's
heating yet much
more,

И в одиночестве
жестоким Сильнее
страсть ее горит,

And of Onegin, far
from here, Her heart
reminds much more to
her.

И об Онегине
далеком Ей сердце
громче говорит.

For him she never will
be waiting; In him she
always must be hating

Она его не будет
видеть; Она должна
в нем ненавидеть

The killer of his brother-bard; The bard is dead... and that is hard,	Убийцу брата своего; Поэт погиб... но уж его
But he's forgotten, and to other His bride has given all herself...	Никто не помнит, уж другому Его невеста отдалась.
Of bard the memory itself Like smoke at blue sky is rather...	Поэта память пронеслась Как дым по небу голубому,
For him two hearts, I can believe, Yet are in grief...	О нем два сердца, может быть, Еще грустят...
What for to grieve?	На что грустить?..
XV	XV
The evening sky's more dark.	Был вечер. Небо меркло.
The waters Are still.	Воды Струились тихо.
Some noise by beetle's raised.	Жук жужжал.
Some round dance away disperses: Behind the river smoked, blazed	Уж расходились хороводы; Уж за рекой, дымясь, пылал
The fisher's fire.	Огонь рыбачий.

Field is clear In moonlight all it seems like silver.	В поле чистом, Луны при свете серебристом,
In own dreams all's being lost For long Tatyana goes forth.	В свои мечты погружена, Татьяна долго шла одна.
She went and went.., All of a sudden Sees manor-house from a hill,	Шла, шла. И вдруг перед собою С холма господский видит дом,
Some grove, hamlet under hill, Behind the river sees a garden;	Селенье, рощу под холмом И сад над светлою рекою.
She looks, and all her own heart More often's heating and more hard.	Она глядит - и сердце в ней Забилося чаще и сильней.
XVI	XVI
The doubts all confused her soul:	Ее сомнения смущают:
' Shall go forth or should return?..	"Пойду ль вперед, пойду ль назад?..
He isn't here...	Его здесь нет.
I'm unknown...	Меня не знают...
I'll take a look and then turn',	Взгляну на дом, на этот сад".

She now from the hill comes down, And hardly breathing looks around	И вот с холма Татьяна сходит, Едва дыша; кругом обводит
Bewildered and astonished hard...	Недоуменья полный взор...
She enters a deserted yard.	И входит на пустынный двор.
All barking, dogs to her are running.	К ней, лая, кинулись собаки.
At her much frightened loud cries	На крик испуганный ея
Of yard boys family just flies.	Ребят дворовая семья Сбежалась шумно.
Ran up and not without fighting	Не без драки
The boys got dogs behind the fence And took the maiden for defence.	Мальчишки разогнали псов, Взяв барышню под свой покров.
XVII	XVII
May I just see the banns home? Them Tanya asked.	"Увидеть барской дом нельзя ли?" - Спросила Таня.
As quick as can	Поскорей

To call Anisya children go,
To take the keys from porch they
ran;

К Анисье дети
побежали У ней
ключи взять от
сеней;

At once Anisya then
appeared; Through
porch the way was
quickly cleared

Анисья тотчас к ней
явилась, И дверь
пред ними
отворилась,

And she to empty
house went In which
had lived the novel's
crank.

И Таня входит в дом
пустой, Где жил
недавно наш герой.

She sees a hall forgot-
ten now, A cue on bil-
liard has a rest,

Она глядит: забытый
в зале Кий на
бильярде отдыхал,

At crumpled canopy
lies next A riding
switch.

На смятом канапе
лежал Манежный
хлыстик.

And with a bow

Таня дале;

The woman says:

Старушка ей:

' At fire-place Alone
barin sat for days.

"А вот камин; Здесь
барин сживал один.

XVIII

XVIII

In winter here they had dinner With Lensky, neighbour late, as rule...	Здесь с ним обеdывал зимою Покойный Ленский, наш сосед.
You now come to rooms, the inner...	Сюда пожалуйста, за мною.
And here is the banns room.	Вот это барский кабинет;
He slept and coffee had he here, His menager's reports could hear,	Здесь почивал он, кофей кушал, Приказчика доклады слушал
A book at mornings here read...	И книжку поутру читал...
And old barin room this had;	И старый барин здесь живал;
In it, sometimes, on rare sundays At window, in glasses, he	Со мной, бывало, в воскресенье, Здесь под окном, надев очки,
To play the cards was used with me.	Играть изволил в дурачки.
Let give the God his soul chances	Дай бог душе его спасенье,

To rescue, to his	А косточкам его
-------------------	-----------------

hones - peace In grave,
in mother-soil at ease!"

покой В могиле, в
мать-земле сырой!"

XIX

XIX

Tatyana with her eyes
amazing A look at
everything can take,

Татьяна взором
умиленным Вокруг
себя на все глядит,

And all to her it seems
quite wealthy, Revives
her languid soul's rate

И все ей кажется
бесценным, Все душу
томную живит

By this half-torment-
ing a ramble, By table
with a faded candle,

Полу мучительной
отрадой: И стол с
померкшею
лампадой,

At window by books in
heap, By bed with car-
pet, chairs, whip,

И груды книг, и под
окном Кровать,
покрытая ковром,

By sight through panes
at moonlight diminish,
By this quite pallid
feeble light,

И вид в окно сквозь
сумрак лунный, И
этот бледный
полусвет,

By lordly Byron por-
trait bright, By doll
cast-iron and dimin-
ished

И лорда Байрона
портрет, И столбик с
куклою чугунной

With gloomy brow under hat, Who arms cross-folded has had. {25}	Под шляпой с пасмурным челом, С руками, сжатыми крестом.
XX	XX
For long Tatyana here goes At stylish fascinating cell.	Татьяна долго в келье модной Как очарована стоит.
It's late.	Но поздно.
Some cold wind just blows.	Ветер встал холодный.
It's dark in valleys.	Темно в долине.
Rather well The grove sleeps.	Роца спит
At foggy rivers And hills the moon just dasappears.	Над отуманенной рекою; Луна сокрылась за горою,
The pilgrim young, you know why, Should long ago home fly.	И пилигримке молодой Пора, давно пора домой.
And Tanya hides her agitation, But yet she's sighing once again	И Таня, скрыв свое волнение, Не без того, чтоб не вздохнуть,

And then departures
for the way, But asks
before for invitation

Пускается в
обратный путь. Но
прежде просит
позволения

To conic again to have
a look And there lone
read some book.

Пустынный замок
навещать, Чтоб
книжки здесь одной
читать.

XXI

XXI

She parts with woman,
house keeping, Be-
hind the gates.

Татьяна с
ключницей
простилась За
воротами.

And in a day

Через день

At early morning
comes for meeting
With lone canopy
again.

Уж утром рано вновь
явилась Она в
оставленную сень.

For silent room alone
getting At once the
whole world forget-
ting With nobody
nearby

И в молчаливом
кабинете, Забыв на
время все на свете,

For long is weeping
she this time.

Осталась наконец
одна, И долго
плакала она.

But then with books she could be dealing.	Потом за книги принялася.
At first of them she didn't think, But their choice seemed queer thing, And she was lost in their reading,	Сперва ей было не до них, Но показался выбор их Ей странен. Чтенью предалася
With thirst of soul all them held; And she discovered other world.	Татьяна жадною душой; И ей открылся мир иной.
XXII	XXII
And though Eugene, as we know, For long from reading turned his face,	Хотя мы знаем, что Евгений Издавна чтение разлюбил,
But several books of common row Himself excluded from disgrace:	Однако ж несколько творений Он из опалы исключил:
Of Giaour, Juan famous singer, With him some more two-three might linger:	Певца Гяура и Жуана Да с ним еще два-три романа,
In them reflects the whole age And modern man of nowadays	В которых отразился век И современный человек

Is pictured rather well correctly With his im- moral soul wry,	Изображен довольно верно С его безнравственной душой,
Quite egoistic, selfish, dry, To dreaming ded- icated greatly	Себялюбивой и сухой, Мечтанью преданной безмерно,
With his malicious evil wit, Who boils in ac- tion for a bit.	С его озлобленным умом, Кипящим в действии пустом.
XXIII	XXIII
And many pages yet are keeping Some sharpened markings by the nail;	Хранили многие страницы Отметку резкую ногтей;
On them attentive eyes are fixing By will and passion of the maid.	Глаза внимательной девицы Устремлены на них живеи.
Tatyana's now trem- bling, seeing By what a thought, a note, feeling	Татьяна видит с трепетаньем, Какою мыслью, замечаньем
Sometimes Onegin was surprised, With what could mutely co- incide;	Бывал Онегин поражен, В чем молча соглашался он.

At margins of the books she's meeting Of reader's pencil slightest signs:	На их полях она встречает Черты его карандаша.
Onegin's soul always tries Unwittingly to show feeling	Везде Онегина душа Себя невольно выражает
With short a word or with a cross, With question sign and so forth.	То кратким словом, то крестом, То вопросительным крючком.
XXIV	XXIV
And by degrees but is beginning Tatyana him to comprehend -	И начинает понемногу Моя Татьяна понимать
Thank God, more clearly - she's feeling The man, for whom to sigh she had	Теперь яснее - слава богу - Того, по ком она вздыхать

Through all her fate, severe, ruling. This crank, this dangerous and a gloomy	Осуждена судьбою властной: Чудак печальный и опасный,
Creation of the hell or sky, This angel, haughty devil wry,	Созданье ада иль небес, Сей ангел, сей надменный бес,

What's he? is real imitation From Moscow a spook or whim	Что ж он? Ужели подражанье, Ничтожный призрак, иль еще
In Harold cloak, hat with brim, Or other whims interpretation?	Москвич в Гарольдовом плаще, Чужих причуд истолкованье,
Of stylish words some ready set?	Слов модных полный лексикон?..
Is he a parody not yet?	Уж не пародия ли он-?
XXV	XXV
Is really the secret's found?	Ужель загадку разрешила?
Or really she guessed not wrong?	Ужели слово найдено?
The time is fast, she must be out: For her are waiting so long	Часы бегут; она забыла, Что дома ждут ее давно,
Two neighbours, home have been walking And all about her are talking.	Где собралися два соседа И где об ней идет беседа.

'You see, Tatyana's not a child,' The old woman's voice is mild,-	- Как быть? Татьяна не дитя, - Старушка молвила кряхтя. -
' Of them my Olga is the younger.	Ведь Оленька ее моложе.
To fix her fate it's time, I see;	Пристроить девушку, ей-ей,
What shall I do, I can't foresee; The same she says to all but sharper:	Пора; а что мне делать с ней? Всем наотрез одно и то же:
' Do not.'	Нейду.
Her grief she never hides And lone in the woods she hikes."	И все грустит она, Да бродит по лесам одна.
XXVI	XXVI
'But may be she's in love?' 'Who knows?	"Не влюблена ль она?" - В кого же?
Buy?nov courted: was refused.	Буянов сватался: отказ.
To Petushk?v she never goes; Pukht?n, the hussar, toed to fuse	Ивану Петушкову - тоже. Гусар Пыхтин гостил у нас;
Quite greatly, when he made a visit, On her was fawning, you should see it!	Уж как он Танею прельщался, Как мелким бесом рассыпался!

I thought that time: will do, perhaps; But what d'you think? again collapse!	Я думала: пойдет авось; Куда! и снова дело врозь.
'Well, dear me, what is the matter?	"Что ж, матушка? за чем же стало?
For fair of the brides her bring,	В Москву, на ярманку невест!
To Moscow, they need good things.'..,	Там, слышно, много праздных мест".
' Ah, father my! the profit's worsened..'.	- Ох, мой отец! доходу мало. -

'For single winter it will do, At least I'll credit money you'...	"Довольно для одной зимы, Не то уж дам хоть я взаймы".
XXVII	XXVII
The old woman was admired By that ad- vice, such simple, good;	Старушка очень полюбила Совет разумный и благой;
She courted... at once decided: To Moscow by winter route!	Сочлась - и тут же положила В Москву отправиться зимой.
This news Tatyana quickly hears.	И Таня слышит новость эту.

To judgments by the world severe	На суд взыскательному свету
To bring her features clear, plain, Simplicity of country maid	Представить ясные черты Провинциальной простоты,
And her attires, such belating, And her be- lating tune of speech!	И запоздалые наряды, И запоздалый склад речей;
Of city dandies, maid- ens rich To catch the eyes derisive, rating	Московских франтов и цирцей Привлечь насмешливые взгляды!..
Such dread! She wants to be away, In thickets of the woods to stay.	О страх! нет, лучше и верней В глуши лесов остаться ей.
XXVIII	XXVIII
She's getting up with rays of morning, At once she hurries to the fields	Вставая с первыми лучами, Теперь она в поля спешит
And with her eyes all them adoring She looks around and she speaks:	И, умиленными очами Их озирая, говорит:

'Forgive me, ever peaceful valleys, Hill peaks well known under heavens,	"Простите, мирные долины, И вы, знакомых гор вершины,
And you, well known dear wood, And charming skies of neighbourhood.	И вы, знакомые леса; Прости, небесная краса,
Forgive me you, my dear nature; I change my world such still and light	Прости, веселая природа; Меняю милый, тихий свет
For noise of fuss such brilliant, bright.	На шум блистательных свет...
And you forgive, my freedom later!	Прости ж и ты, моя свобода!
For what and where do I strive?	Куда, зачем стремлюся я?
And what can give me fate of mine?'	Что мне сулит судьба моя?"
XXIX	XXIX
Much longer now she is hiking, But now brook and now hill	Ее прогулки длятся доле. Теперь то холмик, то ручей

Induce to have a stop, inviting In front of their charms to kneel.	Останавлиют поневоле Татьяну прелестью своей.
And like with friends, for long well known, With all the meadows and groves	Она, как с давними друзьями, С своими рощами, лугами
She hurries up to have a chat.	Еще беседовать спешит.
But summer's flying quicker yet.	Но лето быстрое летит.

The autumn golden is coming, The nature's now trembling, pale	Настала осень золотая. Природа трепетна, бледна,
Like victim under charming veil.	Как жертва, пышно убрана...
And now North, all clouds driving,	Вот север, тучи нагоняя,
Has breathed, has wailed; from nothern shelf Enchanting winter comes herself.	Дохнул, завыл - и вот сама Идет волшебница зима.
XXX	XXX

<p>It came, it scattered, it is hanging On boughs of the oak-trees;</p>	<p>Пришла, рассыпалась; клоками Повисла на суках дубов;</p>
<p>It lies like carpets, white and waving, Among the fields, around hills.</p>	<p>Легла волнистыми коврами Среди полей, вокруг холмов;</p>
<p>The banks of stopped, unmoving river By shroud are equated here.</p>	<p>Брега с недвижною рекою Сравняла пухлой пеленою;</p>
<p>The frost is sparkling, we are glad To every- one of winter prank.</p>	<p>Блеснул мороз. И рады мы Проказам матушки зимы.</p>
<p>But Tanya's heart yet isn't gladdened, To meet the winter never came,</p>	<p>Не радо ей лишь сердце Тани. Неидет она зиму встречать,</p>
<p>The frosty dust did not inhale, With early snow, as it happened,</p>	<p>Морозной пылью подышать И первым снегом с кровли бани</p>
<p>Can't wash her arms, her breast and face: Afraid she is of winter ways.</p>	<p>Умыть лицо, плеча и грудь: Татьяне страшен зимний путь.</p>

XXXI

XXXI

Departuring date
again's belated And
can yet run the last of
dates.

Отъезда день давно
просрочен, Проходит
и последний срок.

Upholsterers inspec-
ted, painted Renewed
the old closed sleighs.

Осмотрен, вновь
обит, упрочен
Забвенью
брошенный возок.

Of three kibitkas
transport own Can
bring belongings of
the home:

Обоз обычный, три
кибитки Везут
домашние пожитки,

The chairs, saucepans
and the trunks, The
mattresses and jams in
jars,

Кастрюльки, стулья,
сундуки, Варенье в
банках, тюфяки,

The feather beds, the
cocks in cages, The
basins, pots, et cetera,

Перины, клетки с
петухами, Горшки,
тазы et cetera,

Well, many trifles like
the bra.

Ну, много всякого
добра.

Among the servants-
maids-teenagers.

И вот в избе между
слугами

Arose noise at parting
grades: They bring
from stables eighteen
jades.

Поднялся шум,
прощальный плач:
Ведут на двор
осьмнадцать кляч,

XXXII

XXXII

They harness them in
sleighs for road. The
breakfast's ready in
the room.

В возок боярский их
впрягают, Готовят
завтрак повара,

They all kibitkas brim-
full load. All men and
women raise a boom.

Г орой кибитки
нагружают, Бранятся
бабы, кучера.

On jade postillion's sit-
ting ragged, Emaci-
ated, beard's shaggy.

На кляче тощей и
косматой Сидит
форейтор бородатый,

All servants gathered
at the gate To part
with barins.

Сбежалась челядь у
ворот Прощаться с
барами.

Boom could fade.

И вот

They sat. The aging
sleigh is sliding, Is
stilly crawling through
the gate.

Уселись, и возок
почтенный, Скользя,
ползет за ворота.

' Forgive, my place, my
peaceful mate!

"Простите, мирные
места!

Forgive, secluded my asylum!	Прости, приют уединенный!
But shall I see you?' - Tanya cries And sheds the tears from her eyes.	Увижу ль вас?.." И слез ручей У Тани льется из очей.
XXXIII	XXXIII
When we for better education Will widen more all needed frames	Когда благому просвещенью Отдвинем более границ,
(In times, by thorough foundation Of philo- sophical best rates,	Современем (по расчисленью Философических таблиц,
Five hundred years), roads, may be, In all the state will change invently:	Лет чрез пятьсот) дороги, верно, У нас изменятся безмерно:
The highways Russia will unite, Connect and cross its any side;	Шоссе Россию здесь и тут, Соединив, пересекут.
Cast-iron bridges over waters Will go like a bow wide;	Мосты чугунные чрез воды Шагнут широкою дугой,

At any sides we'll hills divide, Will dig the tunnels under waters;	Раздвинем горы, под водой Пророем дерзостные своды,
And christened world will have the will To build per station own inn.	И заведет крещеный мир На каждой станции трактир.
XXXIV	XXXIV
We haven't any decent road, Forgotten bridges all decay.	Теперь у нас дороги плохи ⁴² , Мосты забытые гниют,
The bugs and fleas at stations lone Each minute take your sleep away.	На станциях клопы да блохи Заснуть минуты не дают;
The inns are absent.	Трактиров нет.
Rooms are cold, In them some hungry but high-flown	В избе холодной высокопарный, но голодный
A menu hangs for order's sake And teases appetite in vain.	Для виду прейскурант висит И тщетный дразнит аппетит,

Meanwhile the Cyclops of the village In front of dimmish forge's light

Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем

With Russian hammer and the might Return to sleighs the foreign image;

Российским лечат молотком Изделье легкое Европы,

They bless the harmful ruts of land And ditches of the fatherland.

Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV

XXXV

But at the time of cold winter The drive is pleasant all the day:

Зато зимы порой холодной Езда приятна и легка.

Like senseless rhymes of stylish In winter's even every way.

Как стих без мысли в песне модной,
Дорога зимняя гладка.

Automedones all are dashing {26} Untiring are troikas flashing.

Автомедоны наши бойки, Неутомимы наши тройки,

Amusing idle gaze, all miles Are glimpsing like a fence in eyes.	И версты, теща праздный взор, В глазах мелькают, как забор ⁴³ .
Unlucky Larina was going (To waste the money was afraid)	К несчастью, Ларина тащилась, Боясь прогонов дорогих,
Not by the post-chaise, by jade, And my Tatyana was enjoying	Не на почтовых, на своих, И наша дева насладилась
Enough the boredom on the ways: The journey took them seven days.	Дорожной скукою вполне: Семь суток ехали оне.
XXXVI	XXXVI
In front of them when they were near White-stone Moscow they saw:	Но вот уж близко. Перед ними Уж белокаменной Москвы
Like heat are shining crosses dear; They gilded cupolas adore.	Как жар, крестами золотыми Горят старинные главы.
Ah, brethren! pleased I was then greatly When many curches, each with belfry,	Ах, братцы! как я был доволен, Когда церквей и колоколен,

<p>The gardens, chambers before me I could at once all gathered see!</p>	<p>Садов, чертогов полукруг Открылся предо мною вдруг!</p>
<p>Each day in grief of separation By fickle fate, too far from you</p>	<p>Как часто в горестной разлуке, В моей блуждающей судьбе,</p>
<p>You, Moscow, I thought of you!</p>	<p>Москва, я думал о тебе!</p>
<p>My Moscow... in this lunation</p>	<p>Москва... как много в этом звуке</p>
<p>For Russian heart too much is fused And echoed in it through muse!</p>	<p>Для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!</p>
<p>XXXVII</p>	<p>XXXVII</p>
<p>They see encircled by its grove Petrovsky castle.</p>	<p>Вот, окружен своей дубравой, Петровский замок.</p>
<p>It in strain</p>	<p>Мрачно он</p>
<p>With pride for recent fame can glow: Napo- leon waited waited but in vain</p>	<p>Недавнею гордится славой. Напрасно ждал Наполеон,</p>

(Still previous happiness was feeling) To see my Moscow just kneeling	Последним счастьем упоенный, Москвы коленопреклоненной
Of old Kremlin keys to give; But didn't come at all to him	С ключами старого Кремля: Нет, не пошла Москва моя
My Moscow with guilty feeling; Yet neither feast and nor a gift	К нему с повинной головою. Не праздник, не приемный дар,
She had in hand: by fire heat That hero she was meeting.	Она готовила пожар Нетерпеливому герою.

From here, deeply lost in thought, He looked at threatening flame he got.	Отселе, в думу погружен, Глядел на грозный пламень он.
XXXVIII	XXXVIII
Good-bye, the witness of past glory, Petrovsky castle.	Прощай, свидетель падшей славы, Петровский замок.
Go on!	Ну! не стой, Пошел!

Of turnpike pillars
white and florid Are
seen... Tverskaya gets
along...

Уже столпы заставы
Белеют: вот уж по
Тверской

Across the pits the
sleigh is speeding, Is
passing by the stalls,
the women,

Возок несется чрез
ухабы. Мелькают
мимо будки, бабы,

The lanterns, children,
many shops, A palace,
gardens, cloisters,
flocks

Мальчишки, лавки,
фонари, Дворцы,
сады, монастыри,

Of Buchars, sledges,
kitchen-gardens, The
merchants, peasants
arid the huts,

Бухарцы, сани,
огороды, Купцы,
лачужки, мужики,

The boulevards, cos-
sacks and the butts,
Drug-stores and
towers, the garments,

Бульвары, башни,
казаки, Аптеки,
магазины моды,

The balconies; with
lions gate, While on
the crosses jackdaws
reign.

Балконы, львы на
воротах И стаи галок
на крестах.

XXXIX, XL

XXXIX. XL

To tiresome this drive, all failing, An hour or two they gave;	В сей утомительной прогулке Проходит час-другой, и вот
At Kharit?nya's in the alley In front of house at the gate	У Харитонья в переулке Возок пред домом у ворот
The sleigh has stopped; to auntie old, Consumptive now, to behold	Остановился. К старой тетке, Четвертый год больной в чахотке,
Her own house they have come; The door wide open was done	Они приехали теперь. Им настезь отворяет дверь,
By greyish Kalmyk: wears glasses And torn a coat, socks in hands;	В очках, в изорванном кафтани, С чулком в руке, седой калмык.
At inner room a cry just bangs: Princess is ill in bed, but fusses.	Встречает их в гостиной крик Княжны, простертой на диване.
In tears women have embraced And exclam- ations have been raised.	Старушки с плачем обнялись, И восклицанья полились.
XLI	XLI
- Princess, mon ange! -	- Княжна, mon ange! -

'Pachette!' - Alina! {27}	"РаЛейе!" - Алина! -
' Who might be thinking... all the time!	"Кто б мог подумать? Как давно!
For how long?	Надолго ль?
My cousin dear, Sit down... complex is the life!	Милая! Кузина! Садись - как это мудрено!
My God, a scene from novels dear...' -And that's my daughter...	Ей-богу, сцена из романа..."

Tanya, near!	- А это дочь моя, Татьяна. -
' Ah, Tanya!	"Ах, Таня! подойди ко мне -
Dear! come to rue... As in a dream it seems to be...	Как будто брежу я во сне...
D'you, Grandison in mind yet keeping?'	Кузина, помнишь Грандисона?"
What Grandison? Ah, Grandison!	- Как, Грандисон?.. а, Грандисон!
Well, I remember... has he gone?	Да, помню, помню. Где же он? -

At Simeon's he's now Living. He saw me at Twelfth-night some- time, His son was mar- ried then meanwhile.	"В Москве, живет у Симеона; Меня в сочельник навестил; Недавно сына он женил.
XLII	XLII
And that... but after- wards you'll know, Is not it true?	А тот... но после всё расскажем, Не правда ль?
With kin to meet	Всей ее родне
To-morrow we'll Tan- ya show...	Мы Таню завтра же покажем.
But I can hardly drag my feet,	Жаль, разъезжать нет мочи мне;
To be with you I can- not go...	Едва, едва таскаю ноги.
But you are tortured by the road.	Но вы замучены с дороги;
Let's come together... take a rest...	Пойдемте вместе отдохнуть...
I haven't force... is tired breast...	Ох, силы нет... устала грудь...
For me is now hard the gladness, Not only the grief... my heart...	Мне тяжела теперь и радость, Не только грусть... душа моя,

For nowhere am I smart...	Уж никуда не годна Я...
With age the life is such a badness...'	Под старость жизнь такая гадость..."
And here she, exhausted, sad In tears bad a cough has had.	И тут, совсем утомлена, В слезах раскашлялась она.
XLIII	XLIII
Of ill princess the joy, caresses Are touching Tanya, but she feels	Больной и ласки и веселье Татьяну трогают; но ей
Quite badly at unknown places, Accustomed to her chamber, fields.	Нехорошо на новоселье, Привыкшей к горнице своей.
And under curtain fine, all silky, In her new bed she is un-sleepy,	Под занавескою шелковой Не спится ей в постеле новой,
And early ringing of the bells (Precursor of the morning works)	И ранний звон колоколов, Предтеча утренних трудов,
Nor makes get up without choosing.	Ее с постели подымает.
At window she now sits.	Садится Таня у окна.

The more to light the
darkness fits. In vain
for fields she's now
looking:

Редеет сумрак; но
она Своих полей не
различает:

Instead she sees un-
known yard, The
fence, the kitchen,
mews, a cart.

Пред нею
незнакомый двор,
Конюшня, кухня и
забор.

XLIV

XLIV

To all of kin the din-
ners row They take my
Tanya every day

И вот: по
родственным обедам
Развозят Таню
каждый день

To each grandparent
to show Her lazyness
dispersed for days.

Представить
бабушкам и дедам Ее
рассеянную лень.

The kin from distant
places rare Have
tender welcome every-
where,

Родне, прибывшей
издалеча, Повсюду
ласковая встреча,

And exclamations at
the board:

И восклицанья, и
хлеб-соль.

'What big is Tanya!

"Как Таня выросла!

Is it not

Давно ль

That recently I was you christening?'	Я, кажется, тебя крестила?
I was taking you in hands!	А я так на руки брала!
' And I your ears pulled by hands!'	А я так за уши драла!
' And I was gingerbread you giving!'	А я так пряником кормила!"
And all grandparents exclaim: 'But how years fly away!'	И хором бабушки твердят: "Как наши ГОДЫ-ТО ЛЕЯТ!"
XLV	XLV
In them you can't see any changes, They keep in patterns old gap:	Но в них не видно перемены; Всё в них на старый образец:
Princess Helena has for ages The same of tulle well made night cap,	У тетушки княжны Елены Все тот же тюлевый чепец;
Is whitening on Luk?rya Lvovna, The same yet lies Lytib?v Petr?vna.	Все белится Лукерья Львовна, Все то же лжет Любовь Петровна,

Iv?n Petr?vich's fool and bore, Semy?n Petr?vich stints yet more;	Иван Петрович так же глуп, Семен Петрович так же скуп,
With Pelag?ya Nicol?vna The same's monsieur, her Fine- Mouche, friend,	У Пелагеи Николавны Все тот же друг мосьё Финмуш,
The same is dog, the same's her man Which is of club the loyal number,	И тот же шпиц, и тот же муж; А он, все клуба член исправный,
Still humble, deaf like long before, Still eats and drinks for two or more.	Все так же смирен, так же глух И так же ест и пьет за двух.
XLVI	XLVI
My Tanya's hugged by their daughters.	Их дочки Таню обнимают.
Of Moscow young graces good	Младые грации Москвы
At first are silent her observers, They look at her from head to foot;	Сначала молча озирают Татьяну с ног до головы;

They all can find her
somewhat queer Pro-
vincial and affected
creature

Ее находят что-то
странной,
Провинциальной и
жеманной,

But somewhat pale
and rather thin, And
yet she's looking
rather slim;

И что-то бледной и
худой, А впрочем
очень недурной;

Submissive to the nat-
ural passion Invite to
them, become her
friends,

Потом, покорствуя
природе, Дружатся с
ней, к себе ведут,

Are kissing, tenderly
press hands, They flop
her curls up to the
fashion,

Целуют, нежно руки
жмут, Взбивают
кудри ей по моде

And all entrust in
singing voice The
secrets of the maiden's
choice,

И поверяют нараспев
Сердечны тайны,
тайны дев,

XLVII

XLVII

Of others victories and
own The pranks, the
hopes and the dreams.

Чужие и свои
победы, Надежды,
шалости, мечты.

All innocent the talkings flow; With lie they beautify some things,	Текут невинные беседы С прикрасой легкой клеветы.
Then for the babbles due concession To hear of her heart confession	Потом, в отплату лепетанья, Ее сердечного признанья
In tender manner they agree.	Умильно требуют оне.
But Tanya now like in dream	Но Таня, точно как во сне,
To their talks pays none attention, In them she sees yet nothing smart,	Их речи слышит без участия, Не понимает ничего,
And secrets of her own heart, Her sacred tears, happy tension	И тайну сердца своего, Заветный клад и слез и счастья,
Quite mutely for herself she keeps, Of them to nobody speaks.	Хранит безмолвно между тем И им не делится ни с кем.
XLVIII	XLVIII
Tatyana tries to listen better To interests of the common clash;	Татьяна вслушаться желает В беседы, в общий разговор;

<p>But in the parlour all are flattered By such a trifle, banal trash;</p>	<p>Но всех в гостиной занимает Такой бессвязный, пошлый вздор;</p>
<p>In talks all's plain, its all indifferent, Yet slander they without interest;</p>	<p>Все в них так бледно, равнодушно; Они клеветуют даже скучно;</p>
<p>In fruitless speeches drily fuse inquiries, some gossips, news,</p>	<p>В бесплодной сухости речей, Расспросов, сплетен и вестей</p>
<p>But none a thought for days is flashing; At neither random nor by chance</p>	<p>Не вспыхнет мысли в целы сутки, Хоть невзначай, хоть наобум;</p>
<p>The languid wit forever smiles; The heart is still, its never dashing,</p>	<p>Не улыбнется томный ум, Не дрогнет сердце, хоть для шутки.</p>
<p>And even nonsense having joys This idle world each time avoids.</p>	<p>И даже глупости смешной В тебе не встретишь, свет пустой.</p>
<p>XLIX</p>	<p>XLIX</p>

From archives coining several youngsters {28} In throng at Tan- ya stiffly gaze,	Архивны юноши толпою На Таню чопорно глядят
By thoughts of her each one another Un- favourably try to daze;	И про нее между собою Неблагосклонно говорят.
Of them some queer clown dismal Her found almost ideal	Один какой-то шут печальный Ее находит идеальной
And leaning mutely on the door Is writing ele- gies for her,	И, прислонившись у дверей, Элегию готовит ей.
At boring aunt's my Tanya meeting Once Vyasemisky in his good age {29}	У скучной тетки Таню встреть, К ней как-то Вяземский подсел
Her soul managed to engage; And near him Tatyana seeing	И душу ей занять успел. И, близ него ее заметь,
His wig yet smoothing by his hand Of her in- quires old man.	Об ней, поправля свой парик, Осведомляется старик.
L	L

But where of Melpomen heavy Resounds
fine and drawling
wail,

Но там, где
Мельпомены бурной
Протяжный
раздается вой,

While she's by tinsel
gown waving In front
of her some throng to
hail;

Где машет мантией
мишурной Она пред
хладною толпой,

Or where Thalia's
stilly dreaming To
friendly claps yet isn't
listening;

Где Талия тихонько
дремлет И плескам
дружеским не
внемлет,

Or where Terpsichore
one Amazes all the
public young

Где Терпсихоре лишь
одной Дивится
зритель молодой

(As well as in the old
years In time of mine
and time of yours),-

(Что было также в
прежни леты, Во
время ваше и мое),

They nowhere turned
to her Lornettes of
jealous ladies dear

Не обратились на
нее Ни дам
ревнивые лорнетты,

Nor tubes of stylish ex-
pert-men From stalls
and boxes ever then.

Ни трубки модных
знатоков Из лож и
кресельных рядов.

They bring Tatyana to grand meeting {30} The tightness, agitation, heat,	Ее привозят и в Собрание. Там теснота, волнение, жар,
Of music roar, of candles gleaming, The flash, the whirl of couples quick,	Музыки грохот, свеч блистанье, Мельканье, вихорь быстрых пар,
Of beauties light and fine attires, Of people variegated choirs,	Красавиц легкие уборы, Людьми пестреющие хоры,
And semicircle wide of brides,- All that at once one's feelings strikes.	Невест обширный полукруг, Всё чувства поражает вдруг.
Enrolled dandies show here The impudence and fine gillette	Здесь кажут франты записные Свое нахальство, свой жилет
And unattentive smart lornette.	И невнимательный лорнет.
On leave the gussars hasten here	Сюда гусары отпускные
Themselves to show making booms, To gleam, to charm, to fly to troops.	Спешат явиться, прогrometerь, Блеснуть, пленить и улететь.

The night has many
stars, all charming;
The brightest one at
heaven's blue

У ночи много звезд
прелестных,
Красавиц много на
Москве.

Among the friends the
moon's more shining;
To Moscow all beau-
ties flew.

Но ярче всех подруг
небесных Луна в
воздушной синеве.

But She whom I yet
don't dare To trouble
with my lyre fair,

Но та, которую не
смею Тревожить
лирою моею,

She like the moon to
shine has come Among
the wives and maids
the one.

Как величавая луна,
Средь жен и дев
блестит одна.

With heavenly her
pride she's touching
The earth when conies
to take a rest:

С какою гордостью
небесной Земли
касается она!

Of what a languor's
full her breast?

Как негой грудь ее
полна!

What languid is her
gaze guile charming:

Как томен взор ее
чудесный!..

But that will do; adieu
is [node: For madness
tribute you have paid.

Но полно, полно;
перестань: Ты
заплатил безумству
дань.

LIII

LIII

The noise, the
laughter, running,
bows, Mazurka, gallop,
waltz.

Шум, хохот, беготня,
поклоны, Галоп,
мазурка, вальс...

Meanwhile

Меж тем,

Between two aunts at
column now, Not seen
by anyone that tame,

Между двух теток у
колонны, Не
замечаема никем,

Tatyana looks but isn't.
soon To this world's
fuss she's hatred feel-
ing.

Татьяна смотрит и
не видит, Волненье
света ненавидит;

She's stuffy here... In
her dreams Transfers
for life among the
fields,

Ей душно здесь... она
мечтой Стремится к
жизни полевой,

To country, people in
the groves, To isolated
dear nook

В деревню, к бедным
поселянам, В
уединенный уголок,

In which yet streams
the clear brook, To
flowers, to all the nov-
els,

Где льется светлый
ручеек, К своим
цветам, к своим
романам

Of linden alleys dim-
mish To places where
he then came.

И в сумрак липовых
аллей, Туда, где он
являлся ей.

LIV

LIV

Her thought is hiking
everywhere, Forgot-
ten are the bail, the
world.

Так мысль ее далече
бродит: Забыт и свет
и шумный бал,

Meanwhile his eyes off
her can't tear Some
general important,
grand.

А глаз меж тем с нее
не сводит Какой-то
важный генерал.

The aunts are winking
one to other And
pushed my Tanya
quickly rather,

Друг другу тетушки
мигнули И локтем
Таню враз толкнули,

And whispered her
each one of them: 'You
look left side at those
men...'

И каждая шепнула
ей: - Взгляни налево
поскорей.

'Left side?.. but where?
what is there?' I 'It
doesn't matter, but
you look,

"Налево? где? что
там такое?" - Ну, что
бы ни было, гляди...

D'you see, in front of
that small group The
two, the uniforms they
wear...

В той кучке, видишь-
? впереди, Там, где
еще в мундирах
двое...

He stepped away... he
turned a bit..'-

Вот отошел... вот
боком стал... -

'But who? plump gen-
eral that big?'

"Кто? толстый этот
генерал?"

LV

LV

Congratulating Tanya
dear With first suc-
cess at fair ring

Но здесь с победою
поздравим Татьяну
милую мою

Let's turn the route we
now here To keep in
mind of whom I sing...

И в сторону свой
путь направим, Чтоб
не забыть, о ком
пою...

Of that two words I
must be speaking: Of
young my friend I'm
now singing,

Да кстати, здесь о
том два слова: Пою
приятеля молодого

Of multiplied his own
crank.

И множество его
причуд.

You now bless long years' work	Благослови мой долгий труд,
My muse in ethics well embodied!	О ты, эпическая муза!
To me true compass now lend	И, верный посох мне вручив,
Haphazard wander to prevent.	Не дай блуждать мне вкось и вкрив.
Enough... and has been done the burden:	Довольно. С плеч долой обуза!
Well, I saluted classi- cism! It's late, but pre- face has been seen.	Я классицизму отдал честь: Хоть поздно, а вступление есть.
CHAPTER EIGHT	ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Fare thee well, and if for ever □□□□□ □ Still for ever, fare thee well.	Прощай! И если навсегда, То навсегда прощай!
Byron	Байрон
I	I
That time, when in ly- ceum's gardens I flour- ished quickly, quite se- rene,	В те дни, когда в садах Лицея Я безмятежно расцветал,

To read Apuleius I was ardent, But Cicero I didn't read,	Читал охотно Апулея, А Цицерона не читал,
That time in sacramental valleys, At cries of swans, of spring endeavours,	В те дни в таинственных долинах, Весной, при кликах лебединых,
At waters shining in the still, A muse had come to me, it filled	Близ вод, сиявших в тишине, Являются муза стала мне.
My student's cell; its sullen tightness At once by rays of hers was lit,	Моя студенческая келья Вдруг озарилась: муза в ней
She opened the feasts In it And praised devices of the chillness,	Открыла пир молодых затей, Воспела детские веселья,
And glory of the old starts, And panting dreams of all young hearts	И славу нашей старины, И сердца трепетные сны.
II	II

The world with smile my muse was electing, The first success lent	И свет ее с улыбкой встретил; Успех нас первый окрылил;
---	---

wings for us,

Derzhavin old us was
greeting, {31} To tomb
descending blessed he
us.

Старик Державин
нас заметил И в гроб
сходя, благословил.

III

III

And as a law for me
imputing Of passions
tyranny unique,

И я, в закон себе
вменяя Страстей
единый произвол,

With throng by pas-
sions deeply fusing, I
brought my playful
muse to fit

С толпою чувства
разделяя, Я музу
резвую привел

For hot discussions of
the gentry, The terror
of the midnight sentry;

На шум пиров и
буйных споров,
Грозы полуночных
дозоров;

To them, to their
senseless feasts She
brought her fine and
dear gifts,

И к ним в безумные
пиры Она несла свои
дары

And like the Beccant
could she gamble,
With bowl sang she for
the guests,

И как вакханочка
резвилась, За чашей
пела для гостей,

And youth of those
vanished days All after
her could wildly
dangle;

И молодежь
минувших дней За
нею буйно
волочилась,

And I was proud
among friends Of new
she-friend with windy
trends.

А я гордился меж
друзей Подругой
ветреной моей.

IV

IV

I lagged behind as
their member And ran
away...

Но я отстал от их
союза И вдаль
бежал...

She's after me.

Она за мной.

And how often muse
my tender Delighted
silent route for me

Как часто ласковая
муза Мне услаждала
путь немой

By sorcery of story's
secrets!

Волшебством
тайного рассказа!

At rocks of the
Caucasian districts

Как часто по скалам
Кавказа

Like young Lenore un-
der noon {32} With me
was riding like a loom.

Она Ленорой, при
луне, Со мной
скакала на коне!

And often at Taurida's
beaches She brought
me in the have of
night

Как часто по берегам
Тавриды Она меня во
мгле ночной

At sea to hear for a
while Of nereid un-
ceasing whispers,

Водила слушать шум
морской,
Немолчный шепот
Нереиды,

Eternal choir or the
waves, To lord of
world the hymn of
praise.

Глубокий, вечный
хор валов,
Хвалебный гимн
отцу миров.

V

V

She capital forgot at
distance, Its lustre, all
its noisy feasts;

И, позабыв столицы
дальной И блеск и
шумные пиры,

Among Moldavian dis-
mal thickets She vis-
ited marquees in
peace

В глуши Молдавии
печальной Она
смиранные шатры

Nomadic life to better
know, Herself with
them could wild she
go,

Племен бродящих
посещала, И между
ими одичала,

And she forgot the speech of gods For scant and queer lots and lots	И позабыла речь богов Для скудных, странных языков,
Of words for songs of prairie districts...	Для песен степи, ей любезной...
But suddenly was changed it all:	Вдруг изменилось все кругом,
And now in my garden small She came at once as district mis- tress,	И вот она в саду моем Явилась барышней уездной,
In eyes with dismal thought of brains, Ar- id with a book in French in hands.	С печальной думою в очах, С французской книжкою в руках.
VI	VI
First time indeed my muse just now To worldly rout I can lead;	И ныне музу я впервые На светский раут ⁴⁴ привожу;
In all her charms, to steppes yet bound, I can with jealous shy- ness poep.	На прелести ее степные С ревнивой робостью гляжу.

Through tight a row of the grandeurs, Of dip- lomats, of army dan- dies,	Сквозь тесный ряд аристократов, Военных франтов, дипломатов
Of proud ladies yet she slips, She now looks, but stilly sits,	И гордых дам она скользит; Вот села тихо и глядит,
Admires all the noisy tightness, The flash of dresses and of words,	Любуясь шумной теснотою, Мельканьем платьев и речей,
Arrival slow of the guests In front of host- ess young brightness,	Явленьем медленным гостей Перед хозяйкой МОЛОДОЮ
Around ladies dark a frame Of gaping, like at pictures, men.	И темной рамою мужчин Вкруг дам как около картин.
VII	VII
She likes the order, well-composed, Of ol- igarchial the chats,	Ей нравится порядок стройный Олигархических бесед,
The cool of humble pride composed, Of ages medley and of ranks.	И холод гордости спокойной, И эта смесь чинов и лет.

But who is that, in throng selected, Is standing mute and unaffected?	Но это кто в толпе избранной Стоит безмолвный и туманный?
To all he seems to be some strange; In front of him the faces range	Для всех он кажется чужим. Мелькают лица перед ним
Like tiresome a rank of ghosts, In face has loftiness or spleen?	Как ряд докучных привидений. Что, сплин иль страждущая спесь
What for yet here has he been?	В его лице? Зачем он здесь?
Who's he?	Кто он таков?
Not Eugene he's at most?	Ужель Евгений?
But really?	Ужели он?..

Yes, It is he...	Так, точно он.
For long has chance with us to be?	- Давно ли к нам он занесен?
VIII	VIII
Is he the same or quiet now?	Все тот же ль он иль усмирился?
Or, as before, he plays the crank?	Иль корчит также чудака?

What kind's he now anyhow?	Скажите: чем он возвратился?
And what for is can now lurid?	Что нам представит он пока? Чем ныне явится?
Will be like Melmoth? patriotic? Cosmopolite? or has he got it?	Мельмотом, Космополитом, патриотом,
Like Harold, Quaker will he fit? Like hypocrite or other fig?	Гарольдом, квакером, ханжой, Иль маской щегольнет иной,
Or will he be a lad good natured Like you and I, like all the world?	Иль просто будет добрый малый, Как вы да я, как целый свет?
At least he'd my advice have held: Refuse the modes antiquated,	По крайней мере мой совет: Отстать от моды обветшالой.
Enough he fooled the whole world? At least he'd my advice have held: Refuse the modes antiquated. Enough he fooled the whole world...	Довольно он морочил свет...
D'you know?...	- Знаком он вам?

- Yes and no yet.

- И да и нет.

IX

IX

- But why you so indisposed
Are speaking bad about him?

- Зачем же так неблагосклонно Вы
отзываетесь о нем?

Because we restlessly disclose
Defects; are bustling; judge the
whim?

За то ль, что мы неутомонно
Хлопочем, судим обо всем,

Because uncautious ardent soul
Annoys, ridicules, as a whole

Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность

Insults all proud paltry males:
The wit them presses, needs a space-
?

Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,

Because we often take the talkings
For real, useful, vital things?

Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,

The folly's wicked, giddy, needs
Grand rubbish for the grand high persons;

Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры

But persons ordinary
for us Are never
strange, they fit all u.0

И что
посредственность
одна Нам по плечу и
не странна?

X

X

He's blessed, who in
his youth was youth-
ful! He's blessed, who
well in time was ripe.

Блажен, кто смолоду
был молод, Блажен,
кто вовремя созрел,

Who made his life not
cooled, but useful,
With years could his
aims abide;

Кто постепенно
жизни холод С
летами вытерпеть
умел;

To queer dreams did
not abandon, From
mob apart was never
standing,

Кто странным снам
не предавался, Кто
черни светской не
чуждался,

At twenty dandy was
with brain, At thirty
married was with
gain,

Кто в двадцать лет
был фронт иль хват,
А в тридцать
выгодно женат;

At. fifty who was liber-
ated From private and
from other debts,

Кто в пятьдесят
освободился От
частных и других
долгов,

Who glory, money and the ranks In turn and quietly effected,	Кто славы, денег и чинов Спокойно в очередь добился,
Of whom they spoke till the end: N.N. is ex- cellent a man.	О ком твердили целый век: N. N. прекрасный человек.
XI	XI
Its sad to think, in- deed, that vainly The youth was given to all us,	Но грустно думать, что напрасно Была нам молодость дана,
We easily betrayed her daily And she was cheating all of us;	Что изменяли ей всечасно, Что обманула нас она;
That all the best and sacred wishes, □ And all the fresh and pure dreamings	Что наши лучшие желанья, Что наши свежие мечтанья
Have been decayed in nature's train Like leaves in autumn, full of rain.	Истлели быстрой чередой, Как листья осенью гнилой.
Unbearable is at rout Of mere dinners see a line	Несносно видеть пред собою Одних обедов длинный ряд,

<p>To look at life like at the rite, And follow the decent crowd,</p>	<p>Глядеть на жизнь, как на обряд, И вслед за чинною толпою</p>
<p>But yet not sharing with throng Ideas, passions yours life long".</p>	<p>Идти, не разделяя с ней Ни общих мнений, ни страстей.</p>
<p>XII</p>	<p>XII</p>
<p>As object of the judging noisy, In life you'd never have a wish:</p>	<p>Предметом став суждений шумных, Несносно (согласитесь в том)</p>
<p>Among the people wise quite choicely To pass for feigned a queer. fish,</p>	<p>Между людей благоразумных Прослыть притворным чудаком,</p>
<p>Or kind of madcap; sad a version Of some Satanic ugly person,</p>	<p>Или печальным сумасбродом, Иль сатаническим уродом,</p>
<p>Or even own demon mine. {33} Onegin (him I'll occupy),</p>	<p>Иль даже демоном моим. Онегин (вновь займуся им),</p>
<p>Who killed at duel friend his own, Had lived without aim, this sage,</p>	<p>Убив на поединке друга, Дожив без цели, без трудов</p>

To twenty six of own age. Was weary at leisure one	До двадцати шести годов, Томясь в бездействии досуга
Without service, wife or deed, By something to engage unfit.	Без службы, без жены, без дел, Ничем заняться не умел.
XIII	XIII
Some kind of trouble was him teasing: For change of places secret cue	Им овладело беспокойство, Охота к перемене мест

(A highly torturing a feeling, A voluntary cross of few).	(Весьма мучительное свойство, Немногих добровольный крест).
He left with real consolation Of woods and valleys isolation,	Оставил он свое селенье, Лесов и нив уединенье,
In which a bloody, dreadful shade To him appeared every day.	Где окровавленная тень Ему являлась каждый день,
He aimlessly began to wander, With passions only agrees,	И начал странствия без цели, Доступный чувству одному;

But all his journeys
and the trips, Like all
in world, began to
bother:

И путешествия ему,
Как всё на свете,
надоели;

And he returned just
to the hall Like Chat-
sky: from the ship for
ball. {34}

Он возвратился и
попал, Как Чацкий, с
корабля на бал.

XIV

XIV

The crowd now all is
waving, A whisper
through the hall has
fled...

Но вот толпа
заколебалась, По
зале шепот
пробежал...

To hostess a lady's
heading, Some plump
grand general's be-
hind.

К хозяйке дама
приближалась, За
нею важный
генерал.

Her movements were
unhurried, slow. Nor
cool, nor talkative is,
though

Она была
нетороплива, Не
холодна, не
говорлива,

She doesn't glare at
the rest, And doesn't
claim to have success;

Без взора наглого для
всех, Без притязаний
на успех,

At people looks she,
never smirking,
Without imitating
tricks...

Без этих маленьких
ужимок, Без
подражательных
затей...

She's still and simple
at a glimpse. She
seemed to be a certain
copy,

Все тихо, просто
было в ней, Она
казалась верный
снимок

Do comme il faut...
(Shishkov, forgive;
{35} can't some good
translation give).

Du comme il faut...
(Шишков, прости: Не
знаю, как перевести.)

XV

XV

The ladies tried to her
to near; The old wo-
men smiled on her;

К ней дамы
подвигались ближе;
Старушки улыбались
ей;

The men all bowed her
more eager And tried
to catch the eyes of
her.

Мужчины кланялися
ниже, Ловили взор
ее очей;

The maidens tried to
pass by quiet In front
of tier through hall;
and higher

Девицы проходили
тише Пред ней по
зале, и всех выше

His nose, shoulders
could raise The general,
by her amazed.

И нос и плечи
подымал Вошедший
с нею генерал.

They didn't use the
word a beauty To call
her, but from head to
foot

Никто б не мог ее
прекрасной Назвать;
но с головы до ног

In her could never
find a hook To use the
word on fashion's
duty,

Никто бы в ней
найти не мог Того,
что модой
самовластной

Which they in world
of London grant To
speak like vulgar, (but
I can't...

В высоком
лондонском кругу
Зовется ву^г. (Не
могу...

XVI

XVI

I very much this word
am liking, But cannot I
this word translate,

Люблю я очень это
слово, Но не могу
перевести;

In life with us like new
it's hiking, And hardly
will it have good fate.

Оно у нас покамест
ново, И вряд ли быть
ему в чести.

In epigrams it. would
be fitting...). But let's
return to lady sitting.

Оно б годилось в
эпиграмме...) Но
обращаюсь к нашей
даме.

With charms untroubled she is sweet; For long at table does she sit	Беспечной прелестью мила, Она сидела у стола
With brilliant Voronskaya Nina, Of Nova Cleopatra this.	С блестящей Ниной Воронскою, Сей Клеопатрою Невы;
Perhaps, you would agree, that is By marble charms unable Nina	И верно б согласились вы, Что Нина мраморной красою
She-neighbour her to outshine, Herself is though dazzling, fine.	Затмить соседку не могла, Хоть ослепительна была.
XVII	XVII
'Indeed? - my Eugene's now thinking, - But is it true?..	"Ужели, - думает Евгений: - Ужель она?"
Exactly...	Но точно...
Not...	Нет...
Why! out of the country thickets...'	Как! из глуши степных селений..."
Lornette his captious he has got,	И неотвязчивый лорнет

Directs it constantly, each minute At her, who by her own image	Он обращает поминутно На ту, чей вид напомнил смутно
Forgotten features can remind.	Ему забытые черты.
' You tell me, prince, if don't mind,	"Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Who's there, crimson beret wears, With Spanish diplomat she speaks?',	Кто там в малиновом берете С послем испанским говорит?"
The prince as if anew him sees:	Князь на Онегина глядит.
' I see, in world you've been too rare...	- Ага! давно ж ты не был в свете.
Well, to present you I shall try'	Постой, тебя представляю я. -
'But who is she?' She is my wife,	"Да кто ж она?" - Жена моя. -
XVIII	XVIII
'What, you are mar- ried! didn't know!	"Так ты женат! не знал я ране!
And how long?' "Two will he fast...'	Давно ли?" - Около двух лет. -

' And whom?' - She's Larin's. -	"На ком?" - На Лариной. -
' Tanya though!' 'D'you know her?-'	"Татьяне!" - Ты ей знаком? -
'I'm neighbour just'.	"Я им сосед".
'Well, let us go...' Prince then nears His own wife (and she them hears),	- О, так пойдём же. - Князь подходит к своей жене и ей подводит

Presents his friend and distant kin.	Родню и друга своего.
Princess is staring at him...	Княгиня смотрит на него...
Despite her soul, such embarrassed, Despite her passions being raised,	И что ей душу ни смутило, Как сильно ни была она
Astonished being and amazed, - As if by nothing she was harassed:	Удивлена, поражена, Но ей ничто не изменило:
She kept her manners quite the same, Was quiet bow her again.	В ней сохранился тот же тон, Был так же тих ее поклон.
XIX	XIX

Good heavens! Never did she shudder! Nor sudden paleness, redness has...	Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась Иль стала вдруг бледна, красна...
And no brow moved she rasher; She didn't even lips her press.	У ней и бровь не шевельнулась; Не сжала даже губ она.
At her to gaze he was assiduous, But no tracks of Tanya previous	Хоть он глядел нельзя прилежней, Но и следов Татьяны прежней
Could my Onegin now find.	Не мог Онегин обрести.
To have a talk with her he tried	С ней речь хотел он завести
And... he could not.	И - и не мог.
She was him asking: For long he's here? Where from?	Она спросила, Давно ль он здесь, откуда он
If their district visits on?	И не из их ли уж сторон?
And then at prince she was adjusting	Потом к супругу обратила
Her tired look and slipped away...	Усталый взгляд; скользнула вон...

Unmoving, lone he's again.	И недвижим остался он.
XX	XX
Is she the same Tatyana real? To whom he privately, in haze,	Ужель та самая Татьяна, Которой он наедине,
At start of novel good ideal In thicket of a distant place,	В начале нашего романа, В глухой, далекой стороне,
In happy heat on mor- al lecture By chance could give her like pre- ceptor?	В благом пылу нравоученья, Читал когда-то наставленья,
The same, from whom he now keeps A letter, where heart her speaks,	Та, от которой он хранит Письмо, где сердце говорит,
And where everything's at free- dom? The same yet girl... or its a dream?	Где всё наруже, всё на воле, Та девочка... иль это сон?..
The same yet girl, whom he in whom Neglected then like meek for wisdom?	Та девочка, которой он Пренебрегал в смирной доле,

Indeed she now could behave Indifferently, could be brave?	Ужели с ним сейчас была Так равнодушна, так смела?
XXI	XXI

He now leaves the noisy rout. He goes home, has to think;	Он оставляет раут тесный, Домой задумчив едет он;
And now sullen, now harmful Ideas trouble late his dream.	Мечтой то грустной, то прелестной Его встревожен поздний сон.
Aid he awoke; they are bringing A letter: him prince N. is bidding	Проснулся он; ему приносят Письмо: князь N покорно просит
For evening party...	Его на вечер.
' Lord! to her!..	"Боже! к ней!..
Yes, I shall come, I'll come!' - before	О буду, буду!" и скорей
His lunch him answered with polite- ness.	Марает он ответ учтивый.
What happened, what a strange a dreamt	Что с ним? в каком он странном сне!

What has been moved inside of him, In soul lazy, cool, delightless?	Что шевельнулось в глубине Души холодной и ленивой-?
Annoyance? bustle? or anew Some love - the trouble of the youth?	Досада? суетность? иль вновь Забота юности -любовь?
XXII	XXII
Again his time Onegin counts, Again the day is dragging forth;	Онегин вновь часы считает, Вновь не дождется дню конца.
It's striking ten; he's driving out. He's flying... now he's at porch.	Но десять бьет; он выезжает, Он полетел, он у крыльца,
He trembles... to princess he's coming; His Tanya lone he is finding	Он с трепетом к княгине входит; Татьяну он одну находит,
Together for a time they sit.	И вместе несколько минут Они сидят.
Are silent.	Слова нейдут
Not a word can slip	Из уст Онегина.

<p>Away from Eugene's lips; morose, He's awkward, hardly has he force</p>	<p>Угрюмый, Неловкий, он едва-едва</p>
<p>To answer her.</p>	<p>Ей отвечает.</p>
<p>To him occurs A stubborn, rude idea though,</p>	<p>Голова Его полна упрямой думой.</p>
<p>And stubbornly he looks; but she Is sitting quietly, she's free.</p>	<p>Упрямо смотрит он: она Сидит покойна и вольна.</p>
<p>XXIII</p>	<p>XXIII</p>
<p>Her husband comes.</p>	<p>Приходит муж.</p>
<p>He is suspending This quite unpleasant tete-a-tete.</p>	<p>Он прерывает Сей неприятный t?te?-t?te;</p>
<p>And with Onegin's recollecting Some jokes, pranks of old date,</p>	<p>С Онегиным он вспоминает Проказы, шутки прежних лет.</p>
<p>They laugh; the guests are now coming.</p>	<p>Они смеются. Входят гости.</p>
<p>And by the salt of worlds backbiting</p>	<p>Вот крупной солью светской злости</p>

<p>Has been enlivened all the talk; In front of hostess light rot</p>	<p>Стал оживляться разговор; Перед хозяйкой легкий вздор</p>
<p>Without mincing style was shining, But inter- rupted was meanwhile</p>	<p>Сверкал без глупого жеманства, И прерывал его меж тем</p>
<p>By prudent talk without trite, E ternal morals, prigs surviv- ing,</p>	<p>Разумный толк без пошлых тем, Без вечных истин, без педантства,</p>
<p>And didn't frighten anyone By natural vividness and fun,</p>	<p>И не пугал ничьих ушей Свободной живостью своей.</p>
<p>XXIV</p>	<p>XXIV</p>
<p>The capital's high pick was there, Of fashion patterns, the elite.</p>	<p>Тут был, однако, цвет столицы, И знать, и моды образцы,</p>
<p>The persons, known everywhere, And wanted fools for trampling feet.</p>	<p>Везде встречаемые лицы, Необходимые глупцы;</p>

Some old ladies had
been seated, All
capped, with roses,
looked wicked;

Тут были дамы
пожилые В чепцах и
в розах, с виду злые;

They had invited sev-
eral maids With never
smiling, sullen face;

Тут было несколько
девиц, Не
улыбающихся лиц;

Of State the envoy al-
ways spoke About
needs, the State had
had;

Тут был посланник,
говоривший О
государственных
делах;

With fragrant, all grey-
haired head An old
man said old jokes,

Тут был в душистых
сединах Старик, по-
старому шутивший:

All line and clever at
his date, A bit ridicu-
lous to-day.

Отменно тонко и
умно, Что нынче
несколько смешно.

XXV

XXV

For epigrams was al-
ways greedy With
everything quite cross
a Dan;

Тут был на
эпиграммы падкий,
На всё сердитый
господин:

With Lea, that's given
him too sweetly; With
ladies' flatness; tunes
of men;

На чай хозяйский
слишком сладкий,
На плоскость дам, на
тон мужчин,

With talks about novel hazy;
With symbol, making sisters crazy;
{36}

На толки про роман туманный,
На вензель, двум сестрицам данный,

With war; with magazine's white lie;
With snow and with own wife,

На ложь журналов,
на войну, На снег и на свою
жену.....

..

... XXVI Тут был
Проласов,
заслуживший
Известность
низостью души, Во
всех альбомах
притупивший, St.-
Priest, твои
карандаши; В дверях
другой диктатор
бальный Стоял
картинкою
журнальной, Румян,
как вербный
херувим, Затянут,
нем и недвижим, И
путешественник
залётный,
Перекрахмаленный
нахал, В гостях
улыбку возбуждал
Своей осанкою
заботной, И молча
обмененный взор
Ему был общий
приговор. XXVII Но
мой Онегин вечер
целый Татьяной
занят был одной, Не
этой девочкой

	несмелой, Влюбленной, бедной и простой,
Forbidding goddess, guile inventive, Of reigning, sumptuous Neva fine.	Но равнодушною княгиней, Но неприступною богиней Роскошной, царственной Невы.

But people! all you are alike Your ancestor, called Eve, foremoth- er: What's given, hardly it involves, But constantly the Dragon calls	О люди! все похожи вы На прародительницу Эву: Что вам дано, то не влечет,
--	---

To him for tree, mys- terious rather: Forbid- den fruit to have you'd like, Or Eden to itselfs unlike.	Вас непрестанно змей зовет К себе, к таинственному древу; Запретный плод вам подавай: А без того вам рай не рай.
--	--

XXVIII	XXVIII
--------	--------

But how greatly Tan- ya's altered!	Как изменилася Татьяна!
---------------------------------------	----------------------------

Her role how firmly played,	Как твердо в роль свою вошла!
--------------------------------	----------------------------------

And could of high oppressive order All manners quickly imitate!	Как утеснительного сана Приемы скоро приняла!
And who would look for maiden tender In this majestic casual manner	Кто б смел искать девчонки нежной В сей величавой, в сей небрежной
Of legislator of the halls?	Законодательнице зал?
And he inspired her at dawns!	И он ей сердце волновал!
Sometimes of him in midnight hazes, Untill yet Morpheus, she believes,	Об нем она во мраке ночи, Пока Морфей не прилетит,
Would come, she innocently grieves, Her languid eyes to moon she raises;	Бывало, девственно грустит, К луне подьмет томны очи,
And dreams, that she with him as wife Will pass the peaceful mute of life!	Мечтая с ним когда-нибудь Свершить смиренный жизни путь!
XXIX	XXIX

For love all ages are submissive But to the innocent young heart	Любви все возрасты покорны; Но юным, девственным сердцам
It is benevolent, re- leasing, Like vernal storms in fields make start	Ее порывы благотворны, Как бури вешние полям:
The first in life the stormy passions, And they give birth to new impressions,	В дожде страстей они свежают, И обновляются, и зреют -
Then life almighty brings the good: A pompous bloom arid costly fruit,	И жизнь могущая дает И пышный цвет и сладкий плод.
But if the age is late and fruitless At natur- al turn of life for rack,	Но в возраст поздний и бесплодный, На повороте наших лет,
Is sad of passions dead a track; This way the storms of autumn coolness	Печален страсти мертвой след: Так бури осени холодной
Convert the meadows to pools And bare, leaf- less make the woods.	В болото обращают луг И обнажают лес вокруг.

XXX

XXX

Alas! my Eugene, no
doubts, With Tanya is
in love like child;

Сомненья нет: увы!
Евгений В Татьяну
как дитя влюблен;

In languish of the lov-
ing bounds He's spend-
ing now day and night.

В тоске любовных
помышлений И день
и ночь проводит он.

Of sense precautions
never heeding, To her
glass porch too close
speeding,

Ума не внемля
строгим пеням, К ее
крыльцу,
стеклянным сеням

Arrives he now every
day; Her follows like
own shade:

Он подъезжает
каждый день; За ней
он гонится как тень;

He's happy now just to
throw On shoulders
her fluffy wrap,

Он счастлив, если ей
накинёт Боа
пушистый на плечо,

Or, like in fever, can
he get A touch of hand,
or helps to go

Или коснется горячо
Ее руки, или
раздвинет

Through thickened
crowd of the guests, Or
handkerchief picks up
with jests.

Пред нею пестрый
полк ливрей, Или
платок подымет ей.

XXXI

XXXI

To him she doesn't pay attention, You strive or die, it is the same:	Она его не замечает, Как он ни бейся, хоть умри.
At home meets without tension, At visits two-three words would say	Свободно дома принимает, В гостях с ним молвит слова три,
With more bow can be meeting, Sometimes at all him isn't seeing;	Порой одним поклоном встретит, Порою вовсе не заметит:
For flirt she never gives a hint - For that high world is never fit.	Кокетства в ней ни капли нет - Его не терпит высший свет.
To loose his colour he's beginning: She doesn't see or she's too hard!?	Бледнеть Онегин начинает: Ей иль не видно, иль не жаль;
Onegin's pining, feels a smart, He seems to be consumption feeling.	Онегин сохнет - и едва ль Уж не чахоткою страдает.
To doctors he is being sent. The doctors him to waters send.	Все шлют Онегина к врачам, Те хором шлют его к водам.
XXXII	XXXII
He doesn't go, ready now To write to ancestors: to hail	А он не едет; он заране Писать ко прадедам готов

Before arrival; anyhow She isn't bothered (that's female!);	О скорой встрече; а Татьяне И дела нет (их пол таков);
But he is stubborn: to renounce Unfit, yet hopes, hustles; bounce	А он упрям, отстать не хочет, Еще надеется, хлопочет;
More brave than sound man, a grand His message wants to send: weak hand	Смелей здорового, больной, Княгине слабою рукой
A passionate epistle's writing.	Он пишет страстное посланье.
In letters though he again	Хоть толку мало вообще
Sees no use (and not in vain). But hearty pain to be abiding	Он в письмах видел не вотще; Но, знать, сердечное страданье
Became already quite inapt.	Уже пришло ему невмочь.
His letter's here, quite exact.	Вот вам письмо его точь-в-точь.
Eugene's letter to Tatyana	Письмо Онегина к Татьяне

I can foresee: you'll be abused By sad and	Предвижу все: вас оскорбит Печальной
--	--------------------------------------

secret explanation.	тайны объяснение.
With scornful bitter contemplation Your proud look will me re- fuse!	Какое горькое презрение Ваш гордый взгляд изобразит!
But what I'd want? what task am aiming By opening my heart. to you?	Чего хочу? с какою целью Открою душу вам свою?
To what malicious merry-making, It may be, give a cause for you!	Какому злобному веселью, БЫТЬ может, повод подаю!
By chance I met you long ago. A spark of tenderness you showed.	Случайно вас когда- то встреть, В вас искру нежности заметь,
I didn't dare to be- lieve: Cave no start to habits dear,	Я ей поверить не посмел: Привычке милой не дал ходу;
As I to loose my free- dom feared Which's hateful to my own will.	Свою постылую свободу Я потерять не захотел.
But something more us separated...	Еще одно нас разлучило...

Unlucky victim, Lensky's gone...	Несчастной жертвой Ленский пал...
From everything to me legated, I had my heart for ever torn;	Ото всего, что сердцу мило, Тогда я сердце оторвал;
By nothing bound, I'm a stranger: I thought: the freedom, peace for me	Чужой для всех, ничем не связан, Я думал: вольность и покой
Replace the fortune.	Замена счастью.
Goodness me!	Боже мой!
What blunder! I'm a punished ranger.	Как я ошибся, как наказан.
To see you more to have a chance. To fol- low you everywhere;	Нет, поминутно видеть вас, Повсюду следовать за вами,
The smile of lips, the move of eyes To catch by loving eyes some- where;	Улыбку уст, движенье глаз Ловить влюбленными глазами,
For long to hear, un- derstand Perfections yours, all them con- fessing	Внимать вам долго, понимать Душой все ваше совершенство,

In front of you in
rangs to stand, To
pale, to fade... That is
the blessing?

Пред вами в муках
замирать, Бледнеть
и гаснуть... вот
блаженство!

I've been deprived of
that; I race, At hazard
after you I'm dangling:

И я лишен того: для
вас Тащусь повсюду
наудачу;

I prize my hours, my
days: But I'm in idle
boredom wasting

Мне дорог день, мне
дорог час: А я в
напрасной скуке
трачу

By fate all counted my
days, All painful are
they nowadays,

Судьбой
отсчитанные дни. И
так уж тягостны они.

I see: my age is short:
to cure My life for
every other day,

Я знаю: век уж мой
измерен; Но чтоб
продлилась жизнь
МОЯ,

From morning forth I
must be sure, That I
shall see you just to-
day.

Я утром должен быть
уверен, Что с вами
днем увижусь я...

I dread: in my sub-
missive prayers You'll
see by strict, severe
gaze

Боюсь: в мольбе
моей смиренной
Увидит ваш суровый
взор

Some scornful, cunning, idle ventures, -
Your angry blame I
grasp in haze.

Затеи хитрости
презренной - И
слышу гневный ваш
укор.

If you could know,
what's diminished To
languish in the thirst
for love,

Когда б вы знали,
как ужасно Томиться
жаждою любви,

In flame by wit to cool
each minute The agitation
in the blood;

Пылать - и разумом
всечасно Смирять
волнение в крови;

For long to wish, your
knees embracing, And
weeping at your dear
feet,

Желать обнять у вас
колени И, зарыдав, у
ваших ног

Entreaties and confessions
making, To
speak of anything I
feel,

Излить мольбы,
признанья, пени,
Все, все, что
выразить бы мог,

Meanwhile with cold
sham to dare To force
the speech and look
with mock

А между тем
притворным хладом
Вооружать и речь и
взор,

To go on with calm a
talk, To fix at you the
joyful stare!..

Вести спокойный
разговор, Глядеть на
вас веселым
взглядом!..

But let it go: at this rate To strive against myself alone	Но так и быть: я сам себе Противиться не в силах боле;
I can't I am at will your own And I give up to all my fate.	Все решено: я в вашей воле И предаюсь моей судьбе.
XXXIII	XXXIII
But no answer...	Ответа нет.
He is seeking New ways. The second day, the third	Он вновь посланье: Второму, третьему письму
Without answer.	Ответа нет.
He for meeting Ar- rived; is coming... just has got	В одно собранье Он едет; лишь вошел... ему
To meet princess.	Она навстречу.
But what severe!	Как сурова!
He's not been seen, none word from dear;	Его не видят, с ним ни слова;
Ooh! What en- circlement she has Of christening coldness, princess!	У! как теперь окружена Крещенским холодом она!

To try to keep the indignation Her bps, such stubborn, now want!	Как удержатъ негодованье Уста упрямые хотят!
Onegin's fixing eyes upon; Where are compassions, perturbation?	Вперил Онегин зоркий взгляд: Где, где смятенье, состраданье?
Of tears tracks?..	Где пятна слез?..
But none she had!	Их нет, их нет!
Her face but has of wrath a track...	На сем лице лишь гнева след...
XXXIV	XXXIV
And may be tracks of secret fear Of own husband and of world	Да, может быть, боязни тайной, Чтоб муж иль свет не угадал

For pranks or weakness of the dear... (That's all he knew in own world...)	Проказы, слабости случайной... Всего, что мой Онегин знал...
And no hope!... full of sadness, He now curses own madness.	Надежды нет! Он уезжает, Свое безумство проклинаят -

In it immersed, he
there quite The whole
world again denied,

И, в нем глубоко
погружен, От света
вновь отрекся он.

And in his own study
silent Remembered
times, when after him

И в молчаливом
кабинете Ему
припомнилась пора,

Severe anguish, called
a spleen, Was seeking
in the world unquiet,

Когда жестокая
хандра За ним
гналаcя в шумном
свете,

And took him by the
scruff of neck And in a
gloomy corner kept.

Поймала, за ворот
взяла И в темный
угол заперла.

XXXV

XXXV

Again promiscuosly
he's reading... Has
read all Gibbon and
Rousseau,

Стал вновь читать
он без разбора.
Прочел он Гиббона,
Руссо,

Manzony, Herder; was
re-reading Madame de
Stael, Bichat, Tissot,

Манзони, Гердера,
Шамфора, Madame de
Ста?ль, Биша, Тиссо,

From Bade that scept-
tical was reading, With
works of Fontanelle
was meeting.

Прочел
скептического Бея,
Прочел творенья
Фонтенеля,

Of Russian works he
something read, Re-
jecting nothing for ef-
fect;

Прочел из наших
кой-кого, Не отвергая
ничего:

The almanacs and all
the journals In which
to us they lectures
give,

И альманахи, и
журналы, Где
поученья нам
твердят,

In which they all are
cursing me; Some
kinds of madrigals, not
oral,

Где нынче так меня
бранят, А где такие
мадригалы

To me I met some-
times in them! E
semper bene, gentle-
men! (37)

Себе встречал я
иногда: E semper
bene, господа.

XXXVI

XXXVI

And what?

И что ж?

His eyes the books
were reading, But all
his thoughts were far
away;

Глаза его читали, Но
мысли были далеко;

Desires, sorrows, some
dreamings In soul
crowded each day.

Мечты, желанья,
печали Теснились в
душу глубоко.

To him among the
lines all printed His
eyes in spirit always
hinted

Он меж печатными
строками Читал
духовными глазами

At other kinds of lines.

Другие строки.

To them He paid his all
attention then.

В них-то он Был
совершенно
углублен.

They were some secret
good traditions Of
tender, shady old age:

То были тайные
преданья Сердечной,
темной старины,

The dreams, not
bound with this day,
The threats, the talk-
ings and predictions,

Ни с чем не
связанные сны,
Угрозы, толки,
предсказанья,

Some lively rots in
long a tale Or hearty
letters of young maid.

Иль длинной сказки
вздор живой, Иль
письма девы
молодой.

XXXVII

XXXVII

And by degrees to
sleep he's reading His
passions, thoughts, his
own wit:

И постепенно в
усыпленье И чувств
и дум впадает он,

In front of him gay
fancy's giving His
Pharaoh, and tries to
fit;

А перед ним
воображенье Свой
пестрый мечет
фараон.

He sees some smelted
snow; now, As if he
sleeps in some doss-
house,

То видит он: на
талом снеге, Как
будто спящий на
ночлеге,

A youth unmoving lies
on it; He hears voices:
'Well, he's killed...'

Недвижим юноша
лежит, И слышит
голос: что ж? убит.

Or can he see forgot-
ten foes, Some
cravens, slanderers, a
swarm

То видит он врагов
забвенных,
Клеветников, и
трусов злых,

Of traitresses quite
young at all, Of mates
despised a circle close;

И рой изменниц
молодых, И круг
товарищей
презренных,

Or village house - at
the pane Is sitting
she.., and she again!.,

То сельский дом - и у
окна Сидит она... и
все она!..

XXXIII

XXXVIII

He so used to live in
visions That he could
go mad quite free

Он так привык
теряться в этом, Что
чуть с ума не
своротил

Or could be poet with
reasons (And I
confess - could favour
me).

Или не сделался
поэтом. Признаться:
то-то б одолжил!

Indeed, by
magnetism's all forces
The mechanism of
Russian verses

А точно: силой
магнетизма Стихов
российских
механизма

To grasp that time he
had a chance, But as a
student he's a dunce.

Едва в то время не
постиг Мой
бестолковый ученик.

He real bard resented
there, When all alone,
lost in haze,

Как походил он на
поэта, Когда в углу
сидел один,

In front of flaming
fire-place Was Bene-
detta purring fair {38}

И перед ним пылал
камин, И он
мурлыкал: Benedetta

Or Idol mio; dropped
by chance {39} On fire
journals or his pumps.

Иль Idol mio и ронял
В огонь то туфлю, то
журнал.

XXXIX

XXXIX

The days were speed-
ing; heated air Could
mean: the spring is
coining fine;

Дни мчались; в
воздухе нагретом Уж
разрешалась зима;

He couldn't be a bard for ever, He didn't go mad or die,	И он не сделался поэтом, Не умер, не сошел с ума.
The spring en- lightened him, and now From dosed chambers he gets out,	Весна живит его: впервые Свои покои запертые,
In which for winter had a place. Storm windows, the fire- place	Где зимовал он, как сурок, Двойные окны, камелек
At clear morning he is leaving, In sledge along the river flies.	Он ясным утром оставляет, Несется вдоль Невы в санях.

On blue, with slashes covered, ice The sun is gay; the snow's filthy	На синих, иссеченных льдах Играет солнце; грязно тает
In heaps, forgotten in the streets.	На улицах разрытый снег.
But where now through them speeds	Куда по нем свой быстрый бег
XL	XL
My dashing Eugene?	Стремит Онегин?

<p>You are guessing To know; you are quite exact:</p>	<p>Вы заранее Уж угадали; точно так:</p>
<p>At Tanya tries to be impressing My unreclaimed yet now crank.</p>	<p>Примчался к ней, к своей Татьяне Мой неисправленный чудак.</p>
<p>Comes in, of dead has strong resemblance.</p>	<p>Идет, на мертвеца похожий.</p>
<p>None soul's seen in rooms at entrance...</p>	<p>Нет ни одной души в прихожей.</p>
<p>For her he's looking on... for nought...</p>	<p>Он в залу; дальше: никого.</p>
<p>He opened a door."</p>	<p>Дверь отворил он.</p>
<p>And what.</p>	<p>Что ж его</p>
<p>Surprises deeply all his reeling?</p>	<p>С такою силой поражает?</p>
<p>Princess, undone yet before him</p>	<p>Княгиня перед ним, одна,</p>
<p>Alone's sitting, pale and thin, She is some letter now reading,</p>	<p>Сидит, не убрана, бледна, Письмо какое-то читает</p>
<p>And sheds of tears stilly stream, Her cheek on hand she has to lean.</p>	<p>И тихо слезы льет рекой, Опершись на руку щекой.</p>

Ah, who would not her
silent feelings At this
quick moment have
read!

О, кто б немых ее
страданий В сей
быстрый миг не
прочитал!

And who that poor
Tanya previous In this
princess could not
have met!

Кто прежней Тани,
бедной Тани Теперь
в княгине б не узнал!

In languish of unwit-
ting pities Onegin
quickly at her feel is...

В тоске безумных
сожалений К ее
ногам упал Евгений;

She has been
shuddered, but is
mute, She eyes Onegin
as some good,

Она вздрогнула и
молчит; И на
Онегина глядит

She's not astonished,
hasn't anger...

Без удивления, без
гнева...

His morbid and quite
dying look,

Его больной,
угасший взор,

A mute reproach, beg-
ging looks, - All that
she grasps.

Молящий вид, немой
укор, Ей внятно все.

A simple maiden

Простая дева,

With dreams and
heart of old days In
her this time again
could raise.

С мечтами, сердцем
прежних дней,
Теперь опять
воскресла в ней.

XLII

XLII

To get him up she isn't
asking, Not taking eyes
off all his head

Она его не подымает
И, не сводя с него
очей,

Does not remove from
lips his gasping Her
quite insensible small
hand...

От жадных уст не
отымает
Бесчувственной руки
своей...

About what she's now
dreaming?

О чем теперь ее
мечтанье?

Too long the silence's
now seeming...

Проходит долгое
молчанье,

And stilly does she say
at last:

И тихо наконец она:

' Enough, get up, I now
must

"Довольно; встаньте.
Я должна

Explain to you, do it
frankly.

Вам объясниться
откровенно.

You must remember
that day time,

Онегин, помните ль
тот час,

When in the garden's alley fine The fate us brought together; sadly	Когда в саду, в аллее нас Судьба свела, и так смиренно
To lesson yours atten- ded I, To-day, you see, the turn is mine.	Урок ваш выслушала я? Сегодня очередь МОЯ.
XLIII	XLIII
'Onegin, then I was much younger And, seems to me, much more was fine,	Онегин, я тогда моложе, Я лучше, кажется, была,
I loved you, I for love had hunger, But what in all your heart could find?	И я любила вас; и что же? Что в сердце вашем я нашла?
Severity instead of kindness; Indeed, for you was neither tid- ings	Какой ответ? одну суровость. Не правда ль? Вам была не новость
Of humble girl some secret love?	Смиренной девочки любовь?
But now - God! - is cooling blood	И нынче - боже! - стынет кровь,
As soon as I recall your stare And that your homily...	Как только вспомню взгляд холодный И эту проповедь...

But I	Но вас
Can't now blame: that dreadful time To be more honest could you dare;	Я не виню: в тот страшный час Вы поступили благородно,
To me that time you were quite right,' To you is grateful soul mine...	Вы были правы предо мной: Я благодарна всей душой...
XLIV	XLIV
'But then... or it not true?.. in desert, From fussy rumours being far,	Тогда - не правда ли? - в пустыне, Вдали от суетной молвы,
You didn't like me; What has happened, That after me you now are?	Я вам не нравилась...
And me you have in view...	Что ж ныне Меня преследуете вы?
What purpose?	Зачем у вас я на примете?
Is it because in higher circles	Не потому ль, что в высшем свете

Each other day be seen I must, That I am rich in wealthy caste?	Теперь являться я должна; Что я богата и знатна,
In actions husband's mutilated, And us for that at court caress?	Что муж в сраженьях изувечен, Что нас за то ласкает двор?

Or that's because all my disgrace Would eyes attract to you, be- lated,	Не потому ль, что мой позор Теперь бы всеми был замечен,
And in the world could help to back Seductive though small respect?	И мог бы в обществе принести Вам соблазнительную честь?

XLV	XLV
-----	-----

'I weep... If that your Tanya old Till now you could not forget,	Я плачу... если вашей Тани Вы не забыли до сих пор,
Your pricks of swear, you must know, Your strict and cool severe chat	То знайте: колкость вашей брани, Холодный, строгий разговор,
(If I had right for some decisions) I would prefer to slighting feel- ings,	Когда б в моей лишь было власти, Я предпочла б обидной страсти

To all these letters, tears, deeds...	И этим письмам и слезам.
That time to all my childish dreams	К моим младенческим мечтам
You had, I saw, some little pity, Some small respect to age, at least...	Тогда имели вы хоть жалость, Хоть уважение к летам...
But nowadays... ex- plain the gist; To feet of mine what is you leading?	А нынче! - что к моим ногам Вас привело? какая малость!
And how, with your heart and mind, To he the slave of sense, not kind?	Как с вашим сердцем и умом БЫТЬ чувства мелкого рабом?
XLVI	XLVI
'To me, Onegin, all this splendour, This tinsel of repelling life,	А мне, Онегин, пышность эта, Постылой жизни мишура,
And my in life success at random, My stylish place, the guests till night,	Мои успехи в вихре света, Мой модный дом и вечера,
What's use?	Что в них?

I would with joy allow To give this masquerade by now,	Сейчас отдать я рада Всю эту ветошь маскарада,
This noise, the lustre and the crooks, For wild a garden, shelves of books,	Весь этот блеск, и шум, и чад За полку книг, за дикий сад,
For that at distance poor dwelling, For place, in which the first toy time,	За наше бедное жилище, За те места, где в первый раз,
I saw, Onegin, you in life. For cemetery, eternal setting	Онегин, видела я вас, Да за смиренное кладбище,
In shade of branch some simple cross On grave of dear, poor nurse.	Где нынче крест и тень ветвей Над бедной нянею моей...
XLVII	XLVII
' And happiness was not unlikely, And so near!	А счастье было так возможно, Так близко!..
But my fate	Но судьба моя
Decided is.	Уж решена.

Incautious, likely, I
was, but me could sup-
plicate

Неосторожно, Быть
может, поступила я:

My mother in her bit-
ter tears Implored to
yield; for Tanya here

Меня с слезами
заклинаний Молила
мать; для бедной
Тани

All lots that time be-
came alike; And then I
married, I would like

Все были жребии
равны... Я вышла
замуж. Вы должны,

To ask you: leave, do
not be funny. You
know, in your heart I
find

Я вас прошу, меня
оставить; Я знаю: в
вашем сердце есть

Some real honour and
the pride.

И гордость и прямая
честь.

I love you (why should
I be cunning?).

Я вас люблю (к чему
лукавить?),

They've made me
marry other man; And
I'll be true to him till
end!

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна-
".

XLVIII

XLVIII

She went away.

Она ушла.

My Eugene's standing As if by thunder has been struck,	Стоит Евгений, Как будто громом поражен.
To what a storm of sudden sensing At heart he now has to duck!	В какую бурю ощущений Теперь он сердцем погружен!
But jingle of the spurs he hears, Tatyana's husband just appears,	Но шпор незапный звон раздался, И муж Татьянин показался,
And thus my hero grin; At minute, diffi- cult for him,	И здесь героя моего, В минуту, злую для него,
My reader, well he now leaving For long, for ever.	Читатель, мы теперь оставим, Надолго... навсегда.
Alter him	За ним
Enough in common way with him We wandered in the world.	Довольно мы путем одним Бродили по свету.
My greetings!	Поздравим
Hurra! we all have reached the land.	Друг друга с берегом. Ура!
Indeed, for long should have the end!	Давно б (не правда ли?) пора!

XLIX

XLIX

Whatever are you,
dear reader, A friend
or not, I'd like with
you

Кто б ни был ты, о
мой читатель, Друг,
недруг, я хочу с
тобой

To part Eke friend, but
real, eager.

Расстаться нынче
как приятель.

Forgive!

Прости.

What for would ever
view

Чего бы ты за мной

You all my slipshod
stanzas here: For re-
collections restless
dear;

Здесь ни искал в
строфах небрежных,
Воспоминаний ли
мятежных,

For quiet leisure after
work; For lively pic-
tures, salted word;

Отдохновенья ль от
трудов, Живых
картин, иль острых
слов,

For my mistakes in
Russian grammar, -
Help God to find in all
this book

Иль грамматических
ошибок, Дай бог,
чтоб в этой книжке
ты

Amusements or for
dreams a nook, Some
thoughts for heart, for
journal's clamour

Для развлеченья, для
мечты, Для сердца,
для журнальных
сшибок

A mere hit from all I'd give.	Хотя крупицу мог найти.
Arid thus we now part, forgive!	За сим расстанемся, прости!
L	L
My travelling mate, I beg your pardon; My true ideal, you forgive!	Прости ж и ты, мой спутник странный, И ты, мой верный идеал,
You, constant vivid job, could harden My slender force, to me could give	И ты, живой и постоянный, Хоть малый труд. Я с вами знал
All envied by the hard, yet living! In worldly storms - of life obliv- ion,	Все, что завидно для поэта: Забвенье жизни в бурях света,
Of dear friends a pretty chat.	Беседу сладкую друзей.
But many days away could get	Промчалось много, много дней
Since young Tatyana at some hovel With Eugene, in my hazy dream,	С тех пор, как юная Татьяна И с ней Онегин в смутном сне

First time appeared at the rim Of outlines of my free novel.	Явились впервые мне - И даль свободного романа
Through magic crystal I could not Myself dis- cern all their lot.	Я сквозь магический кристалл Еще не ясно различал.
LI	LI
But they, to whom at friendly meeting My first of stanzas could I cite...	Но те, которым в дружной встрече Я строфы первые читал...
Are not, or far away are living, As Sadi said before I write.	Иных уж нет, а те далече, Как Сади некогда сказал.
Without them Onegm's pictured.	Без них Онегин дорисован.
And she, that young and lovely creature;	А та, с которой образован
Ideal image, Tanya's rhyme...	Татьяны милый идеал...
Ah, many were by fate denied!	О много, много рок отъял!
He's blessed, who feast of life was leaving In time, not drinking to the end	Блажен, кто праздник жизни рано Оставил, не допив до дна

All wine from goblet at
his hand Was not till
end life's novel read-
ing,

Бокала полного
вина, Кто не дочел ее
романа

But suddenly could
part from it, As I from
my Onegin did,

И вдруг умел
расстаться с ним,
Как я с Онегиным
моим.

THE END

Конец